

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Пров. 1961г

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

87

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

ФБОИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

к. 13(4)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

87

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шипов*

О Т Р Е Д А К Ц И И

Ядвига Вацлавовна Станкевич (родилась 3 октября 1909 г., скончалась 19 мая 1959 г.) была специалистом в области археологии центральных и северо-западных областей Европейской части СССР. Ее интересовали преимущественно раннее средневековье и предшествующие ему столетия, т. е. время, в течение которого в среде древнего населения указанных областей — славянских, балтийских и финно-угорских племен распадался первобытный строй, складывалось древнерусское феодальное государство и, как одно из следствий этого процесса, возникала древнерусская народность.

Первые работы Я. В. Станкевич, посвященные этим интересным и сложным вопросам, были связаны с ее раскопками известного Михайловского могильника IX—X вв., находящегося около Ярославля. В работе 1941 г. «К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв.»¹ Я. В. Станкевич убедительно показала, что старая точка зрения на Михайловские курганы как на остатки норманской колонии отнюдь не является объективной, потому что эти курганы по своему устройству и инвентарю не выходят из круга славяно-русских погребальных памятников указанного времени.

Много лет работала Я. В. Станкевич над археологическими материалами из Приладожья, принимая участие в раскопках курганов в Южном Приладожье и в исследовании городища Старая Ладога. Ей принадлежит интересное исследование керамики из нижнего горизонта городища Старая Ладога, позволившее поставить вопрос о связи древнейшего старолadoжского населения со славянскими племенами Верхнего Поднепровья². В 1946 г. Я. В. Станкевич защитила кандидатскую диссертацию на тему «Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья IX—XIII вв.», части которой были тогда же опубликованы³.

В послевоенные годы, как признанный специалист в области исследований древнерусских курганных памятников IX—X вв., Я. В. Станкевич была привлечена к руководству исследованиями известного Шестовицкого могильника под Черниговом. Материалы этих исследований, краткие сведения о которых появлялись в печати ранее⁴, публикуются в настоящем выпуске Кратких сообщений Института археологии.

¹ МИА, № 6, 1941, стр. 56—88.

² Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950; ее же. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951.

³ Я. В. Станкевич. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник (Карело-Финский научно-исследовательский институт культуры), Петрозаводск, 1947; ее же. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья. КСИИМК, вып. XIV, 1947.

⁴ Я. В. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949; ее же. Шестовицькі кургани (тезиси доповіді). КСИИМК, вып. XXI, 1947.

Наиболее крупными работами, проведенными Я. В. Станкевич за последнее десятилетие, явились обследования и раскопки археологических памятников в бассейне верхнего течения Западной Двины — городищ конца I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э., а также мест поселения и курганов второй половины I тысячелетия до н. э. Обширный, добытый этими работами, материал, освещающий интереснейшие

Я. В. Станкевич
(1909—1959)

вопросы славяно-балтийских и славяно-финно-угорских отношений, был подготовлен Я. В. Станкевич к печати в виде капитального труда — «К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетий н. э.»⁵, увидевшего свет в 1960 г., уже после безвременной кончины его автора.

Завершая свои работы по изучению археологических памятников I тысячелетия н. э. в бассейне верхнего течения Западной Двины, Я. В. Станкевич обратилась к исследованию тесно связанных с ними средневековых древностей этой же территории. Еще в 1954—1957 гг. ею были произведены полные раскопки чрезвычайно интересного русского поселения X—XII вв. в урочище Городок около г. Великие Луки. В 1957—1958 гг. она начала раскопки на древнерусском городище в Торопце, продолжаемые сейчас сотрудниками Ленинградского отделения ИА АН СССР.

Ядвига Вацлавовна Станкевич была преданным советской науке трудолюбивым ученым и прекрасным человеком. Товарищи по работе и научным интересам посвящают этот выпуск Кратких сообщений ее светлой памяти.

⁵ МИА, № 76, 1960.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Я. В. СТАНКЕВИЧ

1. Раскопки Михайловского могильника. КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 27, 28.
2. Неолитическая стоянка у Гремячего ручья. СА, V, 1940, стр. 230—238.
3. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X столетиях. МИА, № 6, 1941, стр. 56—88.
4. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 74—77.
5. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник (Карело-Финский научно-исследовательский институт культуры). Петрозаводск, 1947, стр. 94—110.
6. Шестовицкие курганы (тезисы доклада). КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 100.
7. Славянские могильники Ярославского Поволжья. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. АН СССР, Отделение истории и философии, М.—Л., 1947, стр. 81, 82.
8. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 50—57.
9. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. СА, XIV, 1950, стр. 187—216.
10. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi. СА, XV, 1951, стр. 219—246.
11. Археологическая разведка в Великолукской области. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 82—90.
12. Бытовой инвентарь. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.». М.—Л., Главсевморпуть, 1951, стр. 167—171.
13. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука. Там же, стр. 97—102 (совместно с С. И. Руденко).
14. Поселения I тысячелетия н. э. верхнего течения Западной Двины. Тезисы докладов на Пленуме ИИМК, посвященном вопросам археологии Прибалтики (1951 г). М., 1951, стр. 45—47.
15. Итоги археологических работ 1950 г. в Великолукской области. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 86—92.
16. Исследование памятников I тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины за 1949—1951 гг. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 60—67.
17. Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. «Древние поселения и городища». Археологический сборник, I. Таллин, 1955, стр. 95—112.
18. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 46—53.
19. Предварительные итоги исследований 1956 г. в Великолукской области. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 77—83.
20. Информация о работе Западнoдвинского отряда в 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 98—100.
21. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетий н. э. Сборник «Древности северо-западных областей РСФСР», МИА, № 76, 1960, стр. 7—32/.
22. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года. КСИА АН СССР, вып. 87, 1962. (Опубликовано посмертно).
23. Курганы у деревни Полибино на реке Ловати. КСИА АН СССР, вып. 87, 1962. (Опубликовано посмертно).

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Я. В. СТАНКЕВИЧ

ШЕСТОВИЦКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1946 ГОДА¹

В августе — сентябре 1946 г. на средства Института археологии АН УССР в окрестностях с. Шестовицы (12 км к юго-западу от Чернигова) научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР Я. В. Станкевич выполнила небольшие археологические работы. Ею были заложены 2 раскопа на городище и примыкающем к нему поселении, исследованы 7 курганов и проведена разведка в районе села.

Основные результаты проделанной работы были изложены Я. В. Станкевич в двух кратких заметках²; подробная же публикация не была ею осуществлена. Сохранившиеся вещевой материал³ и документация по экспедиции (дневник, полевые чертежи, отчет, приложение к отчету в виде систематизированных дневниковых данных и опись вещевого материала)⁴ позволяют издать в более полном виде материалы Шестовицкой экспедиции 1946 г.

1. ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение (городище и селище) находится в 1 км к югу от с. Шестовицы, на мысу, образованном слиянием рек Десны и Жердовы, от которой сохранилась лишь старица (рис. 1). Вытянутый с юга на север мыс у местного населения носит название «Коровель».

Городище, занимающее узкую южную оконечность мыса, представляет довольно ровную площадку размерами 150 × 120 м, круто обрывающуюся с восточной, южной и западной сторон к заливным лугам рек Десны и Жердовы. С северной, напольной стороны городище укреплено валом и рвом, носящим следы сильной распашки. С южной стороны хорошо прослеживаются въезд на городище и следы вала, укреплявшего более пологий южный склон. В юго-восточной части мыса имеется небольшая возвышенность треугольной формы, отделенная от основной площади городища небольшим рвом.

На площадке городища у западного и восточного края находятся два курганообразных холма с ямами в центре, представляющие, по-видимому, следы раскопок П. Смоличева.

¹ Подготовили к публикации М. В. Малевская и Г. Ф. Корзухина.

² Я. В. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 50—56, рис. 1—6; е е ж е. Шестовицькі кургани (тезиси доклада). КСІІМК, вып. XXI, 1947, стр. 100.

³ Хранится в Институте археологии АН УССР в Киеве.

⁴ Хранится в архиве ЛОИА в Ленинграде. В дальнейшем в сносках соответственно: Черт., Отч., Прилож. Оп

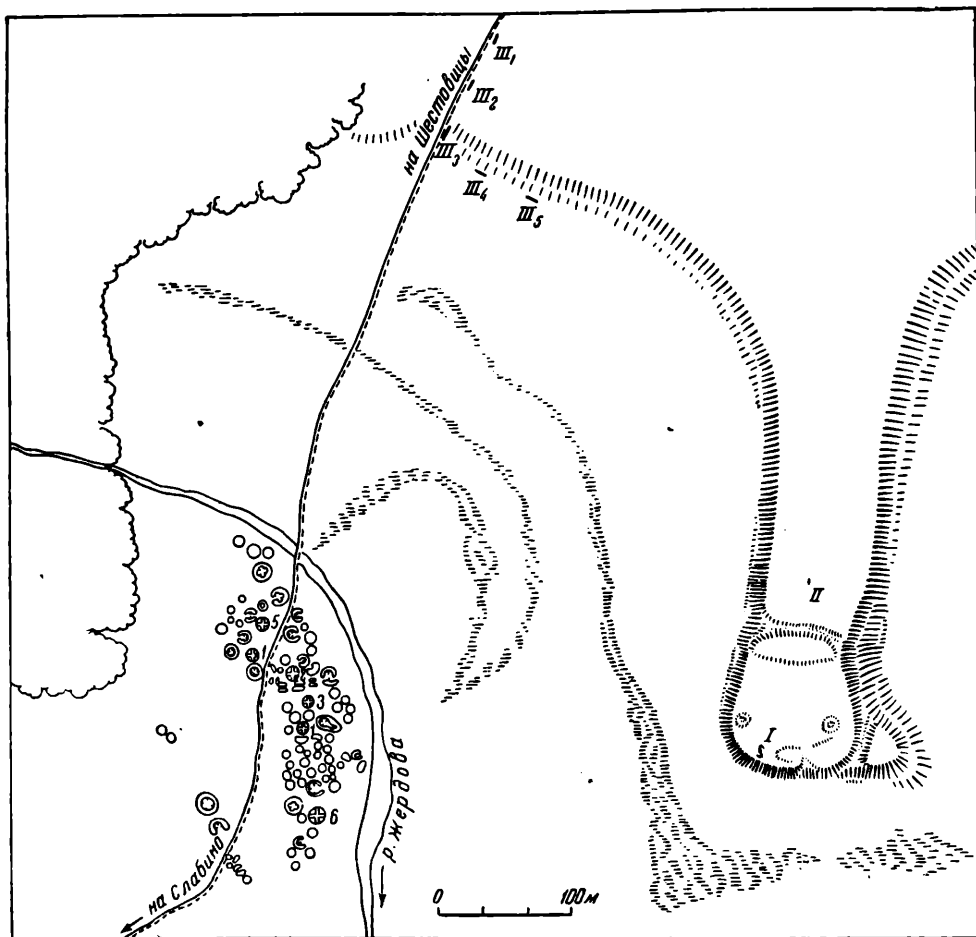

Рис. 1. Шестовицы. План поселения на мысу и могильника.

I — раскоп на городище; II — шурф на селище; III — зачистка современного рва; 1—6 — курганы, раскопанные в 1946 г.

К северу от городища, за валом, расположена огромная по площади неукрепленная часть поселения, занимающая большую часть мыса. Весь западный склон мыса прорезан противотанковым рвом времени Великой Отечественной войны, который в известной степени способствовал обследованию поселения.

Городище.

В юго-западной части городища, у самого склона был заложен пробный раскоп размерами 14×2 м, ориентированный с севера на юг (рис. 1—I). В процессе работы, с обнаружением остатков жилого комплекса, раскоп был расширен в западном и восточном направлениях, так что площадь его увеличилась до 60 кв. м. На всей площади раскопа под дерновым слоем толщиной 0,15—0,2 м шел темно-серый супесчаный культурный слой, содержащий фрагменты кружалной керамики. В северном конце раскопа на глубине 1 м на материке четко определились границы землянки (жилище № 1) овальной формы, вытянутой в направлении с северо-запада на юго-восток.

При разборке гумусного слоя выявились конусовидно сужавшиеся стенки, прослеживавшиеся лишь по черному заполнению на фоне светло-желто-

го рыхлого песка⁵. Размеры жилища — 5×3 м. В северо-западной части жилища обнаружены остатки глинобитной печи почти прямоугольной формы, размерами $0,9 \times 0,7$ м; развал обвалившегося свода в виде кусков обожженной глины лежал к юго-востоку от печи. Пол жилища залегал на глубине 1,4 м от дневной поверхности. При разборке культурного слоя около печи найдены бронзовое поясное кольцо, желтые и синие стеклянные бусы, железные предметы — нож, фрагмент ножа, обломок пружинных ножиц, пластинка, обмотанная железной проволокой пряжка с язычком, две костяные проколки, костяное острие с отверстиями по краю и обломки рогов со следами обработки (рис. 2—1—10, 12).

В юго-восточном конце землянки обнаружено значительное скопление крупных трубчатых костей и челюстей животных, частично обгорелых; между ними — отдельные черепки.

В культурном слое и в заполнении жилища, особенно при расчистке печи и пола землянки, найдено большое количество обломков глиняной посуды. На поду печи лежал раздавленный глиняный горшок с сильно отогнутым венчиком, орнаментированный волнистой линией по плечикам и горизонтальными линиями по тулову, с клеймом на днище в виде квадрата с двумя вписанными крестами. Горшок был повернут вверх дном.

Обломки посуды, найденные в культурном слое, совершенно идентичны керамике из заполнения жилища, поэтому можно охарактеризовать весь керамический материал одновременно.

Основную массу глиняной посуды составляет кружальная керамика, преимущественно одного типа, но встречаются отдельные фрагменты сосудов, выделанных из другого теста и иных форм, а также единичные обломки лепной посуды. Среди фрагментов лепной керамики имеются обломки толстостенных сосудов (толщина стенок — 1—1,2 см), сделанных из глины с примесью шамота, и сосудов с менее толстыми стенками (0,7—0,9 см) из глины с примесью дресвы (рис. 3—1—7). Поверхность стенок бугристая или слегка заглаженная. Цвет черепков красный или бурый, в изломе — серый. Среди обломков венчиков, принадлежащих, по-видимому, горшкам со слабо отогнутым краем, имеются украшенные зашипами и косой насечкой. Один обломок (толщиной 2 см, с закругленным краем) принадлежал, вероятно, большой сковороде (рис. 3—8).

Кружальная керамика, судя по одному почти целому сосуду с пода печи жилища и ряду фрагментов, представлена горшками со слабо или сильно отогнутыми наружу венчиками, плавными плечиками и конусовидно суживающимся туловом (рис. 3—9—19). Край венчика, почти всегда округленный, часто имеет снаружи утолщение, иногда снабженное желобком, или просто желобок без утолщения. Венчики другого профиля представляют исключение.

Сосуды, сделанные из глины с примесью песка, имеют слегка шероховатую поверхность. Цвет черепков этих сосудов красный, серо-желтый и темно-серый (почти черный). В изломе они почти всегда серые, реже — красные. Диаметр венчика колеблется от 12 до 26 см, но преобладают горшки с диаметром 18—22 см.

Судя по имеющимся фрагментам, почти все сосуды были орнаментированы (рис. 3; рис. 4—1—6, 8). Орнаментация большей частью представляет сочетание волнистых линий, нанесенных по плечикам, с неглубокими горизонтальными, покрывающими тулово сосуда за исключением его придонной части. Среди волнистых линий преобладает многорядная волна, нанесенная зубчатым инструментом, иногда покрывающая и тулово сосуда. Кроме волнистых линий, плечики некоторых сосудов орнаментированы

⁵ При обсуждении отчета Я. В. Станкевич о полевой работе в Шестовицах на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК в 1946 г. было высказано предположение, что углубленная часть жилища не была полностью расчищена, в связи с чем границы полуземлянки окончательно не были выяснены.

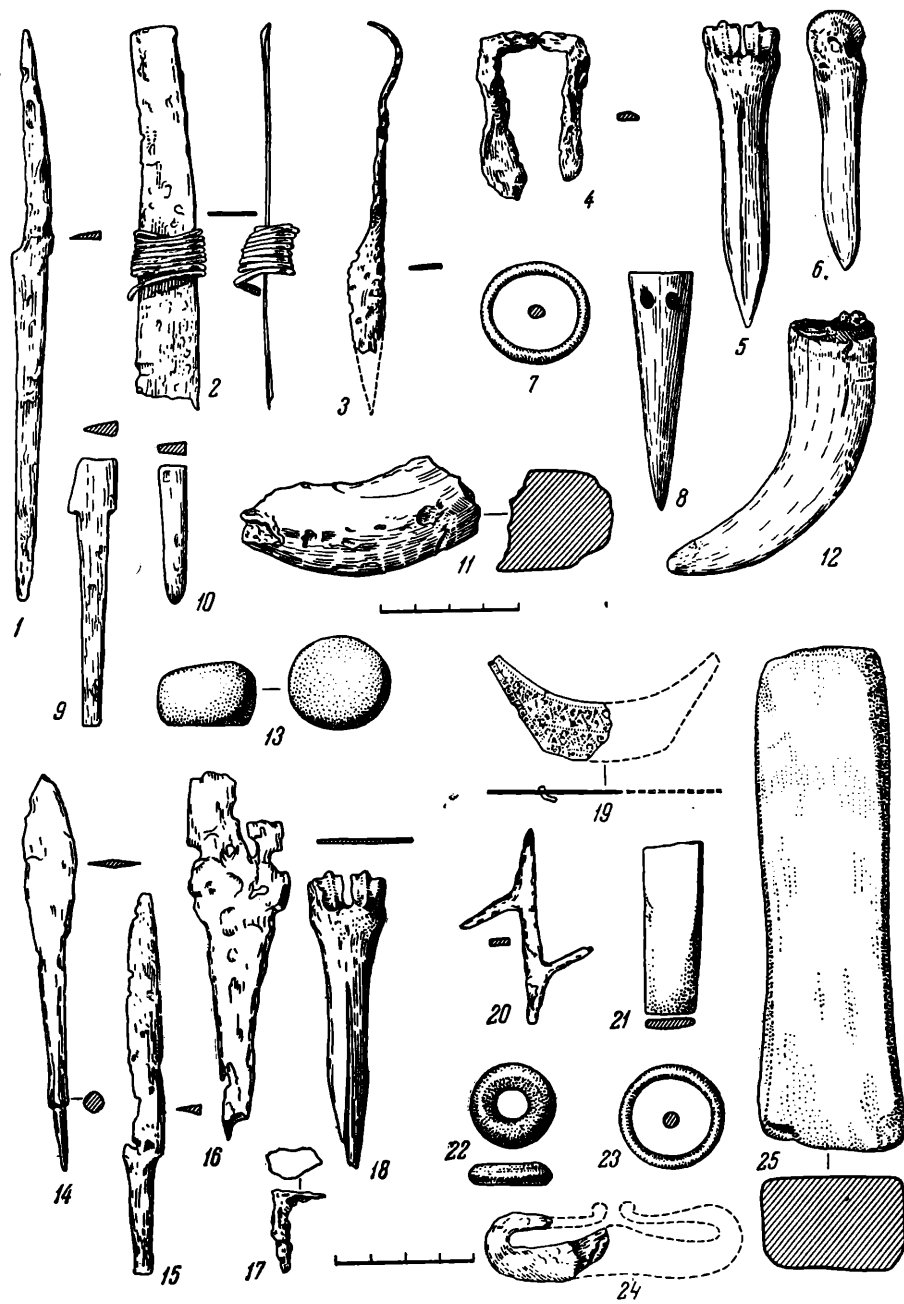

Рис. 2. Шестовицы. Вещи с поселения на мысу.

Городище. Жилище № 1: 1, 9 — ножи; 2 — железная пластинка, обмотанная проволокой; 3 — обломок пружинных ножиц; 4 — обломок железной пружки; 5, 6 — костяные проколки; 7 — бронзовое кольцо; 8 — костяное острие с отверстиями по краю; 10 — обломок железного изделия; 11 — обломок глиняного «светильника»; 12 — рог со следами обработки; 13 — глиняная шапка (случайная находка); жилище № 2: 14 — стрела; 15, 16 — ножи; 17 — гвоздь; 18 — костяная проколка.

Южная часть селища (шурф): 19 — обломок латунированной пластины; 20 — железный стержень с зубцами; 21 — оселок; 22 — шиферное пряслице. Северная часть селища; 23 — бронзовое кольцо; 24 — обломок кресала; 25 — оселок.

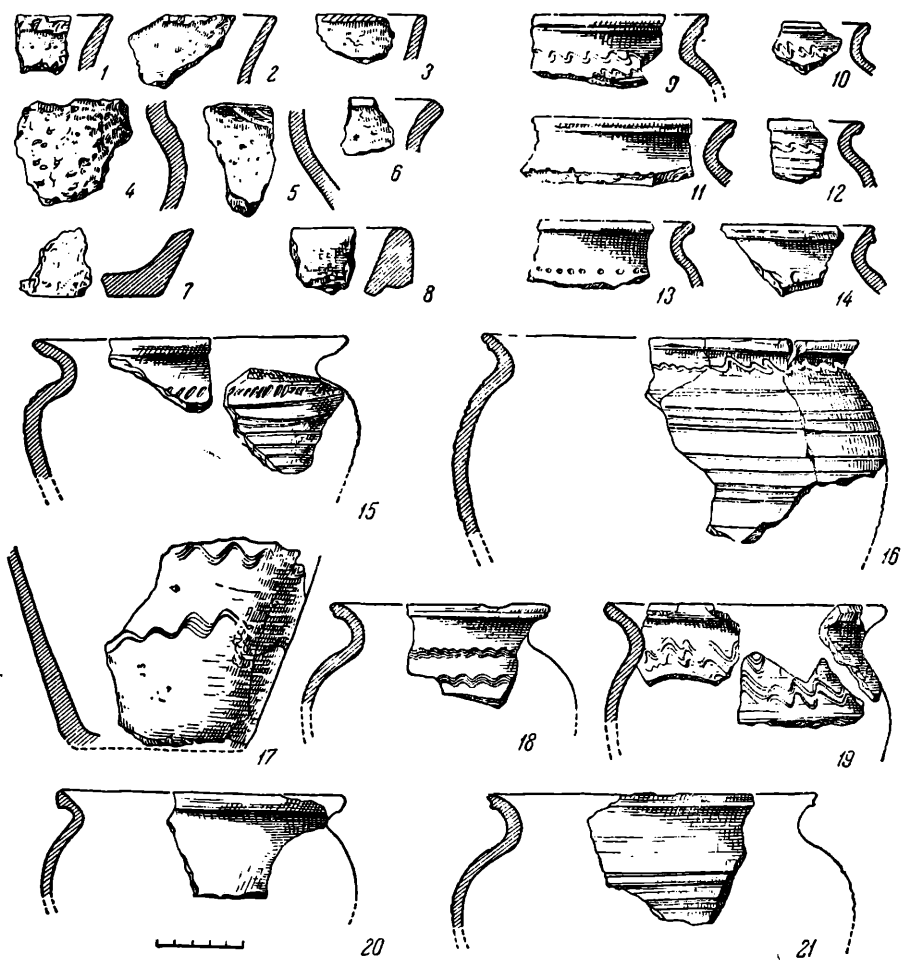

Рис. 3. Шестовицы. Керамика с городища.

Жилище № 1: 1—8 — лепная керамика; 9—19 — кружальная керамика; жилище № 2: 20—21 — кружальная керамика.

наколами различной формы (круглыми, овальными, удлинёнными) и глубины, расположенными на разном расстоянии друг от друга, но большей частью в один ряд. Реже встречаются сосуды, покрытые только горизонтальными линиями или совсем без орнамента. На некоторых днищах горшков имеются клейма. Одно из клейм представляет окружность (рис. 4—14); два других, совершенно одинаковых, состоят из квадрата с двумя заключёнными в нем крестами (рис. 4—13).

К керамическим изделиям, обнаруженным в этом же жилище, относится обломок глиняного лепного диска диаметром около 12 см и шириной 3 см; вероятно, это часть «светильника» с круглым отверстием в центре (рис. 2—11).

В южном конце раскопа были обнаружены остатки второго жилища. В квадратах 5 и 6 на глубине 0,75—1,1 м под супесчаным слоем начался мощный черный слой с многочисленными находками. На глубине 1,2 м определились границы круглого в плане углубления диаметром до 3 м, с конусовидно суживающимися стенками⁶. На глубине 2,1 м на дне его были найдены острие из трубчатой кости, несколько железных ножей, железный наконечник стрелы листовидной формы с утолщением у черенка (рис. 2—

⁶ См. примечание № 5.

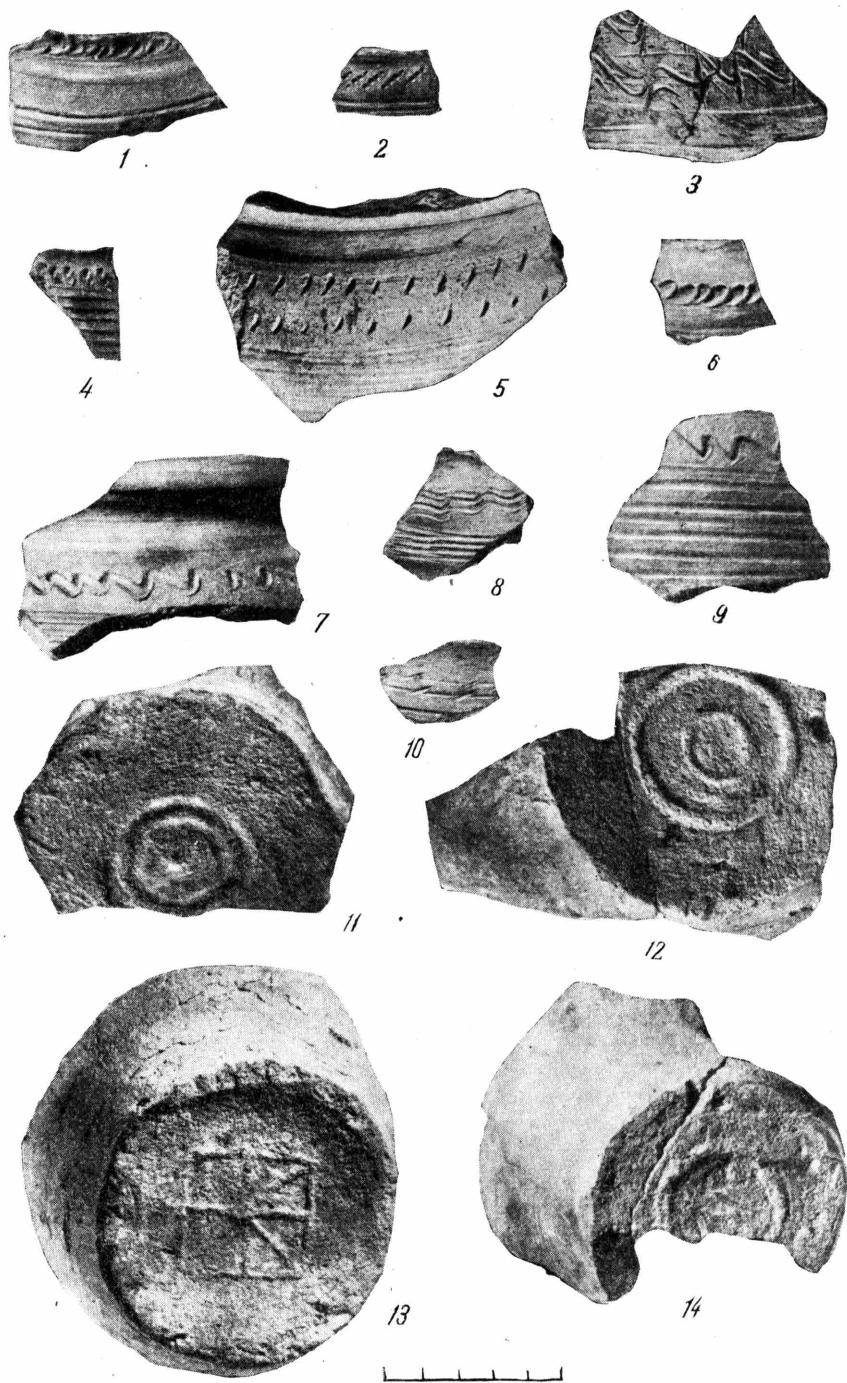

Рис. 4. Шестовицы. Кружальная керамика.

1, 3—6, 8, 13, 14 — с городища на мысу, из жилища № 1; 2 — из жилища № 2; 7, 10 — из северной части селища на мысу; 9 — с селища севернее Шестовиц; 11, 12 — из южной части селища на мысу (шурф).

14—18), фрагменты сосудов, а также крупные трубчатые кости и челюсти животных. У северо-западного края жилища находится скопление кусков обожженной глины протяжением 1,5 м, уходящее под западную стенку раскопа. У юго-западного края жилища в обрывистом склоне прослеживается мощный гумусированный слой, содержащий значительное количество костей животных, птиц, рыб и рыбьей чешуи. При ее разборке были найдены фрагменты кружальной керамики и несколько черепков лепной, обломки поливной посуды желто-зеленого цвета, несколько железных ножей, два коiledыка и позолоченная стеклянная бусина.

В восточной прирезке к пятому и шестому квадратам обнаружена округлая в плане западина диаметром около 3 м и глубиной до 2,4 м, заполненная черной землей с прослойками супеси. При разборе заполнения западины, уходящей в восточную стенку раскопа, были найдены фрагменты лепной и кружальной керамики.

Основной керамический материал, связанный с комплексом из описанного углубления, по своим технологическим качествам, профилировке сосудов и орнаментации аналогичен охарактеризованной выше кружальной керамике из жилища № 1, в связи с чем на нем подробно можно не останавливаться (рис. 3—20, 21; рис. 4—2).

Некоторые дополнительные данные по городищу дает подъемный материал, состоящий из нескольких фрагментов лепной керамики, большого количества обломков кружальных горшков X—XI вв., единичных фрагментов сосудов XII—XIII вв. и более позднего времени. К случайным находкам относится также представляющая большой интерес глиняная шашка округлой формы, с плоским верхом и горизонтальным основанием (рис. 2—13).

Состав находок, связанный и с жилищем № 1, и с ямой, — стеклянные бусы, костяные проколки и острие с отверстиями по краю, железный наконечник стрелы листовидной формы, а также многочисленные фрагменты кружальной керамики одного определенного типа (группа 1) — позволяет датировать оба комплекса второй половиной X в.—XI в. К этому же времени относится, по-видимому, обломок глиняного «светильника». Большое количество «светильников» найдено в 1958 г. на земляном городище в Старой Ладого в горизонте Д, датируемом X в.⁷ Диаметр их в среднем равен также 12 см. Несколько фрагментов «светильников» встречено в разное время в Староладожской крепости, тоже в слое X в.⁸

Отдельные фрагменты лепной керамики, обнаруженные в жилище вместе с кружальной, возможно, синхронны последней и представляют остатки лепного производства, существовавшего еще в X в. Но, с другой стороны, если принять во внимание сообщение Д. И. Блифельда о наличии на городище жилища с керамикой роменско-боршевского типа⁹, то, может быть, единичные фрагменты лепной керамики относятся к этой, более ранней поре — IX—X вв. Отдельные фрагменты поливной посуды и тонкостенных горшков (из чистой глины) с загнутым внутрь венчиком принадлежат более позднему времени и с описываемыми жилищами не связаны.

Селище

Стратиграфические данные и материал с неукрепленной части поселения — селища были получены, во-первых, в результате исследования культурного слоя посредством небольшого шурфа и, во-вторых, в итоге обследо-

⁷ По любезному сообщению начальника Староладожской экспедиции члена-корреспондента АН СССР В. И. Равдоникаса.

⁸ Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, стр. 174, примеч. 2; Отчет Староладожской экспедиции АН СССР за 1958 г. Раскопки в крепости, стр. 3, рис. 15, 1. Хранится в архиве в Москве.

⁹ Д. И. Блифельд. Дослідження в с. Шестовицах. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 127.

дования стенок противотанкового рва времени Великой Отечественной войны, прорезавшего весь западный склон мыса.

Пробный шурф площадью 2×6 м был заложен в 35 м к северу от вала, разделяющего укрепленную и неукрепленную части поселения, и на таком же расстоянии от западного края плато (см. рис. 1—II). Под слоем дерна оказался культурный слой мощностью в среднем 0,6 м, содержащий значительное количество черепков, единичные предметы из железа, а также кости животных.

Непосредственно под дерном на глубине 0,25 м шел черный пахотный слой с мелкими черепками. На глубине 0,25—0,5 м в черном культурном слое встречены более крупные фрагменты сосудов, особенно многочисленные в южном конце раскопа. В северном его конце керамики найдено значительно меньше. В этом же слое в южной части раскопа на глубине 0,25—0,5 м были найдены шиферное пряслице, фрагмент латунной пластинки с орнаментом в виде городков, железный стержень с двумя зубцами и часть точильного бруска (рис. 2—19—22). В западной стенке раскопа обнаружено несколько больших камней, лежавших над желтым суглинком, под которым на глубине 0,6 м находилась угольная прослойка. На уровне материка в углах раскопа обрисовывались очертания четырех западин, уходящих под стенки раскопа и представлявших, по-видимому, остатки жилых или хозяйственных сооружений. В местах западин материк залегал на глубине 1,6 м.

Керамический материал, найденный в шурфе, представлен двумя группами сосудов. Первую группу составляют обломки горшков, аналогичных по тесту, обжигу, профилировке и орнаментации горшкам из раскопа на городище. Поэтому нет необходимости останавливаться на их описании. Следует лишь отметить, что, помимо обломков горшков с отогнутым наружу краем, был найден фрагмент сосуда с вертикальным венчиком. Можно еще обратить внимание на то, что, в отличие от орнаментации сосудов с городища, многорядная волна здесь встречается реже, чем волнистая линия, нанесенная по плечикам в один или два ряда. Керамика этой группы, как и аналогичная ей на городище, может быть, по-видимому, датирована второй половиной X в.—началом XI в.

Вторую группу посуды составляют обломки горшков, имеющих, в отличие от горшков первой группы, несколько более высокие плечики, хорошо выраженную шейку и отогнутый наружу венчик с загнутым внутрь краем, образующим рубчик (или желобок) на внутренней поверхности (рис. 4—5—6). Сосуды сделаны из глины, большей частью без каких-либо примесей, и имеют довольно тонкие стенки (0,3—0,6 см). Орнаментация их очень однообразна. Она состоит из нескольких (3—6) горизонтальных линий, врезанных глубже, чем на сосудах первой группы, и нанесенных преимущественно по наиболее широкой части тулова. Лишь в нескольких случаях горизонтальная линия встречается в сочетании с волнистой, проведенной над ней. Днища горшков носят следы песчаной подсыпки, и некоторые из них имеют клейма в виде двух концентрических окружностей (рис. 4—11, 12). Эту группу керамики по аналогии с керамикой, широко распространенной во многих древнерусских городах, следует, по-видимому, датировать XII—XIII вв.

Необходимо подчеркнуть, что керамика и первой и второй групп встречалась во всей толще культурного слоя, включая и заполнение западин, что свидетельствует о его нарушенности. В верхней части слоя (до глубины 0,4 м) преобладали фрагменты сосудов второй группы; в нижней части и в западинах обломки первой и второй групп найдены приблизительно в равном количестве.

Таким образом, жизнь на поселении продолжалась с X по XIII в., но в небольшом шурфе с нарушенным слоем проследить ее стратиграфически не удалось.

*Обследование противотанкового рва
в северной части селища на мысу*

Обследование противотанкового рва времени Великой Отечественной войны дает некоторые дополнительные сведения о неукрепленной части поселения. Ров прорезает весь западный склон мыса до дороги, идущей из с. Шестовицы в дер. Слабино, и поворачивает вдоль этой дороги по направлению к с. Шестовицы. Были обследованы стенки рва, начиная несколько выше поворота его вдоль дороги (рис. 1—III).

На расстоянии 100 м выше начала спуска дороги (рис. 1—III) при зачистке стенок рва на глубине 0,4—0,5 м обнаружился темный культурный слой, содержащий куски обгорелого дерева в виде отдельных плах, прослойка обожженной красной и серой глины, кости животных, а также мелкие фрагменты сосудов, аналогичных керамике первой группы с городища. Здесь же был найден большой точильный брусок (рис. 2—25). В 50 м выше начала спуска дороги (см. рис. 1—III₂) при зачистке стенок также встречены фрагменты керамики первой группы. Вдоль спуска дороги (рис. 1—III₃) на выдувах песка хорошо прослеживался плотный черный обгорелый слой с вкраплением ярко-оранжевых кусков обожженной глины. В нем обнаружено большое количество фрагментов керамики, кости животных и отдельные предметы — обломки калачевидного кресала и бронзовое поясное кольцо (рис. 2—23, 24).

Все обломки сосудов принадлежат к описанной выше керамике первой группы и отличаются разнообразной орнаментацией, включающей горизонтальные и волнистые линии (одну или две), многорядную волну, наколы овальной формы и зубчатые наколы (рис. 4—7, 10). Выделяются два маленьких обломка, относящихся к сосудам с вертикальным венчиком.

При дальнейшем обследовании стенок рва вдоль края мыса на расстоянии от 50 до 100 м к востоку от дороги на дер. Слабино обозначился особенно мощный культурный слой толщиной 0,6 м (рис. 1—III_{4,5}). Среди содержащихся в нем фрагментов керамики оказалось несколько обломков грубой лепной посуды, фрагменты кружальной керамики первой группы, разнообразно орнаментированные, и незначительное количество тонкостенных сосудов, относящихся ко второй группе. Далее культурный слой был выражен слабее.

Таким образом, обследование противотанкового рва показало, что культурный слой северной части селища, как и южной, равен приблизительно 0,6 м и также содержит остатки керамики X—XIII вв.

Разведка по правому берегу реки Десны к северу от села Шестовицы

В процессе работы Шестовицкой экспедиции обследованы правый коренной берег р. Десны и его надпойменная терраса вдоль самого села, а также к северу и югу от него.

Приблизительно в 2 км к северу от села (по дороге из с. Шестовицы в дер. Кленки), в наиболее выдающейся в сторону реки части края плато, при зачистке стенок размыва выявился довольно ясно выраженный культурный слой в виде темной прослойки толщиной до 0,2 м, лежавший на глубине 0,6 м. В прослойке обнаружены галька, куски обожженной глины, фрагменты глиняной посуды. Среди последних имеются несколько обломков лепной керамики и значительное количество кружальной.

Из обломков лепной посуды два принадлежат толстостенному сосуду, сделанному из глины с примесью шамота, и один — горшку из глины с примесью дресвы, со слабо отогнутым наружу венчиком, украшенным зашипами по краю.

Кружальная керамика, найденная при зачистке стенок размыва и собранная рядом на пахоте, представлена двумя типами сосудов, соответствующи-

ми первой и второй группам кружальной керамики с городища и селища на мысу. К первой, более многочисленной группе относятся обломки горшков из глины с примесью песка, с отогнутым венчиком, снабженным снаружи валиком или желобком. Большая часть их разнообразно орнаментирована. Обращает на себя внимание фрагмент сосуда с вертикальным венчиком, украшенным снаружи многорядной волной и по верхнему краю частым зубчатым наколом. Ко второй группе кружальной керамики принадлежит очень незначительное количество фрагментов тонкостенных сосудов из чистой глины, имеющих отогнутый наружу венчик с загнутым внутрь краем, хорошо выраженную шейку и довольно высокие плечики.

Обследование культурного слоя, содержащего куски обожженной глины и угли, и найденная в нем лепная и кружальная керамика двух типов позволяют предположить, что в 2 км к северу от с. Шестовицы находилось второе селище, на котором, как и на южном селище, жизнь протекала в X—XIII вв.

Между поселением на мысу и северным селищем в центральной части села имеется второе, или северное, Шестовицкое городище, значительное по размерам и окруженное валом. Большая часть его занята постройками и огородами. При предварительном обследовании этого городища было собрано незначительное количество лепной керамики.

Сопоставление стратиграфических данных и материалов, полученных в результате исследования поселения на мысу и селища в 2 км к северу от с. Шестовицы, позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Культурный слой, равный 0,6 м на селище в 2 км к северу от Шестовиц и на селище на мысу (в северной и южной его частях), в южной части городища увеличивается до 1—1,2 м, а в местах нахождения жилищ — до 1,4—2 м. В культурном слое поселений, особенно в нижних его частях, содержатся куски обожженной глины, обгорелого дерева, угли, кости животных и рыб, а также различные предметы бытового и хозяйственного инвентаря. Некоторые из них позволяют с достаточной степенью вероятности определить время существования поселения. Так, например, стеклянные бусы, костяные проколки, железный наконечник стрелы листовидной формы, обломок калачевидного кресала, фрагмент глиняного «светильника» достаточно убедительно свидетельствуют о жизни на городище и селище во второй половине X в.—XI в. К этому же времени относится основная масса глиняной посуды, сделанной на гончарном круге (группа первая). Большая часть ее была найдена при разборке двух жилых комплексов на городище, где обломки посуды более позднего времени представляли исключение; кроме того, она количественно преобладала над керамикой следующего периода в культурном слое северной части селища на мысу (выявленной при обследовании рва) и селища к северу от села.

О следующем этапе жизни на поселении свидетельствует лишь керамика (вторая группа), найденная в значительно меньшем количестве, чем керамика X—XI вв. Большая часть керамики XII—XIII вв. была обнаружена в шурфе, заложенном в южной части селища, где она сочеталась с керамикой X—XI вв., но значительно преобладала над ней в верхней толще слоя. В северной части селища на мысу и на северном селище керамика XII—XIII вв. найдена в незначительном количестве. Какие-либо остатки жилищ этого времени не обнаружены.

2. МОГИЛЬНИК

К западу от городища расположены три группы курганов, вытянутых узкими грядами параллельно мысу, занятому городищем и примыкающим к нему неукрепленным поселением (рис. 1). В древности все три курганные группы были отделены от городища р. Жердовой, протекавшей вдоль западного склона мыса. Я. В. Станкевич исследовала 6 курганов в группе,

ближайшей к городищу, расположенной непосредственно вдоль правого берега р. Жердовы. Кроме того, один курган — № 7 — ею был раскопан в районе нынешнего кладбища с. Шестовицы¹⁰. Прежде здесь, по-видимому, существовала особая группа курганов, но она сильно попорчена поздними захоронениями и распашкой. Лучше других сохранились две насыпи, одну из которых и исследовала Я. В. Станкевич.

Все курганы были раскопаны на снос. При раскопке кургана оставались две перекрещивающиеся бровки, ориентированные по странам света. К концу исследования кургана бровки разбирались (рис. 5 и 6).

К у р г а н № 1. Насыпь округлая, диаметр — 12 и 13 м, высота — около 1 м; с восточной стороны — следы рва, на поверхности насыпи — заплывшая ямка. Под дерном, толщиной до 0,35—0,4 м, — слой супеси с белыми вкраплениями, утолщающийся к центру до 0,3 м, а в 3 м от центра сходящий на нет. Ниже — слой погребенной почвы, толщиной 0,15—0,2 м, под ней — серый суглинок и материковая глина. В юго-западном секторе кургана на слое погребенной почвы, в 0,4 м от центра насыпи, найдены челюсть и позвонки животного. Других находок, как и следов погребения, в кургане не обнаружено.

К у р г а н № 2 (рис. 5а). Насыпь округлая, с уплощенной вершиной. диаметр — 14 м, высота — 1,3 м; вокруг насыпи — ров. На поверхности юго-восточного склона оказалась неглубокая западина, ближе к подошве — еще несколько ямок. Под дерном, толщиной до 0,3 м, вскрыта глиняная прослойка, а ниже — слой рыхлого светло-серого суглинка с белыми вкраплениями; в нижней его части — вкрапления углей. На глубине 1 м обнаружен слой погребенной почвы, ниже — серый суглинок и материковая глина. В северо-восточном секторе кургана, в насыпи, на глубине 0,6 м найдено несколько трубчатых костей и бабка стопы животного, а в северо-западном секторе, также в насыпи, на глубине 0,65 м — обугленная плаха длиной 1,4 м. В центре кургана, на слое погребенной почвы, оказалось несколько обугленных плах; в юго-восточном секторе кургана, тоже на слое погребенной почвы, — еще одна плаха длиной 1,8 м, стоявшая на ребре.

В том же секторе, но дальше от центра, обнаружены остатки сожжения в виде значительного скопления кальцинированных костей, разбросанных обугленных плах и вещей, побывавших в огне. Размеры пятна — 2,1×2,6 м. У северо-восточного края пятна найден большой раздавленный сосуд в ямке, окруженный горелыми плахами. Сосуд сделан на гончарном круге, из глины с примесью песка; венчик отогнут наружу, плечики высокие, тулово конусовидное, по плечикам — две волнистых и одна прямая горизонтальная линия; на дне — клеймо (рис. 7—4). В сосуде оказались кальцинированные кости.

В центре скопления костей находились черепки еще двух раздавленных сосудов, также сделанных на гончарном круге. Один из них — небольшой горшок из глины с примесью песка; венчик отогнут наружу, плечики высокие, тулово конусовидное, по плечикам — косые насечки, на дне — клеймо (рис. 7—5).

Другой сосуд — маленький горшок, сделанный на гончарном круге, из глины с примесью песка; венчик округленный, отогнутый наружу, плечики высокие, тулово конусовидное. Этот горшок не орнаментирован (рис. 7—1).

Среди кальцинированных костей найдены следующие предметы: железные удила (рис. 8—12), бронзовый наконечник ножен меча с изображением распластанной птицы (рис. 8—4), оселок из серого сланца (рис. 8—3), железный нож (рис. 8—11), кресало в форме калачика (рис. 8—14), древолазный шип (рис. 8—13), части пояса — железная прямоугольная пряжка с железным языком, железная пластинка с большим отверстием на одном

¹⁰ На плане (рис. 1) курган № 7 не обозначен.

конце и надетой на нее обоймой¹¹ и бронзовое кольцо (рис. 8—5, 8, 15), три бронзовые пуговицы, из них две прикипели к железному стерженьку (рис. 8—6, 7), две прямоугольные железные пластинки со шпеньками на обороте (рис. 8—9) и кусочек железа от какого-то предмета (рис. 8—10)¹².

Кроме того, среди кальцинированных костей оказались фрагменты обгоревших костяных предметов — односторонней орнаментированной гребенки (рис. 8—2) и изогнутого острия со скульптурной головой дракона на одном конце и резным орнаментом (птица, плетенка) по тулову (рис. 8—1).

У юго-западного края пятна с кальцинированными костями, на глубине 0,4 м от поверхности, в ямке диаметром 0,12 м, обнаружен деревянный, вертикально стоявший и частично истлевший колышек. Ямка от колышка шла глубже слоя погребенной почвы, но дно ее не прослежено. Ниже пятна с остатками сожжения — прослойка светло-желтого песка, местами с красноватым оттенком. Сожжение на месте.

К у р г а н № 3 (рис. 56). Насыпь круглая, диаметр — 11,5 м, высота — 1,3 м. В центре южной полы — небольшая заплывшая ямка диаметром 0,6 м. Под дерном толщиной 0,25 м — слой светло-серого суглинка толщиной 0,75 м, с белыми вкраплениями. На глубине 1 м оказался слой погребенной почвы, под ним — материковая глина. В северо-западном секторе на глубине 0,4 м, т. е. в насыпи, обнаружены фрагменты сосуда с отогнутым венчиком, сделанного на гончарном круге.

В центре кургана, начиная с глубины 0,5 м и до глубины 0,75 м, расчищены обугленные плахи, лежавшие наклонно (рис. 56, II; плахи обозначены буквой а). По снятии их на глубине 0,75 м обнаружен второй, более значительный слой обугленных плах и бревен, лежавших на погребенной почве (рис. 56, II; остатки дерева обозначены буквой б), и между ними — скопления кальцинированных костей и обгорелых вещей. Размеры основного скопления горелого дерева и костей — 2,6 × 3 м, но отдельные плахи и фрагменты керамики попадались и за пределами скопления, к северу от него.

Почти в центре кургана расчищена круглая яма, диаметром 0,5 м и глубиной 0,3 м, вырытая в материке и заполненная кальцинированными костями. На расстоянии 0,6 м от центра кургана найден врытый в материк небольшой кружальный горшок, также заполненный кальцинированными костями; в глине — примесь песка, венчик округлен и отогнут наружу, плечики низкие, покатые, тулово слегка выпуклое; горшок не орнаментирован (рис. 7—3). Второй сосуд, обнаруженный здесь же, лежал на боку под плахой верхнего яруса. Это маленький кружальный горшочек с примесью песка в тесте; венчик слабо отогнут наружу, плечики высокие, тулово слегка выпуклое; сосуд орнаментирован по шейке волнистой линией, а по верхней части тулова — слабо проведенными прямыми горизонтальными линиями (рис. 7—2).

Между плахами среди кальцинированных костей найдены венчики и фрагменты стенок, принадлежавшие двум неполным кружальным сосудам (10 фрагментов), бронзовый бубенчик, три кусочка оплавленных бронзовых предметов (по определению Я. В. Станкевич, — от подковообразной фибулы с гранчатыми головками, украшенными шипами, что, однако, вряд ли справедливо), кусочек шлака, железные скобочка, фрагмент прямоугольной пряжки с частью иглы, фрагмент предмета непонятного назначения (черенок какого-то инструмента?), фрагмент бритвы, обломок плоского кольца и три фрагмента неопределенных предметов. Сожжение на месте.

¹¹ В таком виде пластинка с надетой на нее обоймой изображена на зарисовке Я. В. Станкевич. В Отч. пластинка названа рукоятью кинжала, что вряд ли соответствует действительности.

¹² По Оп. и Прилож. — «гирька» (?).

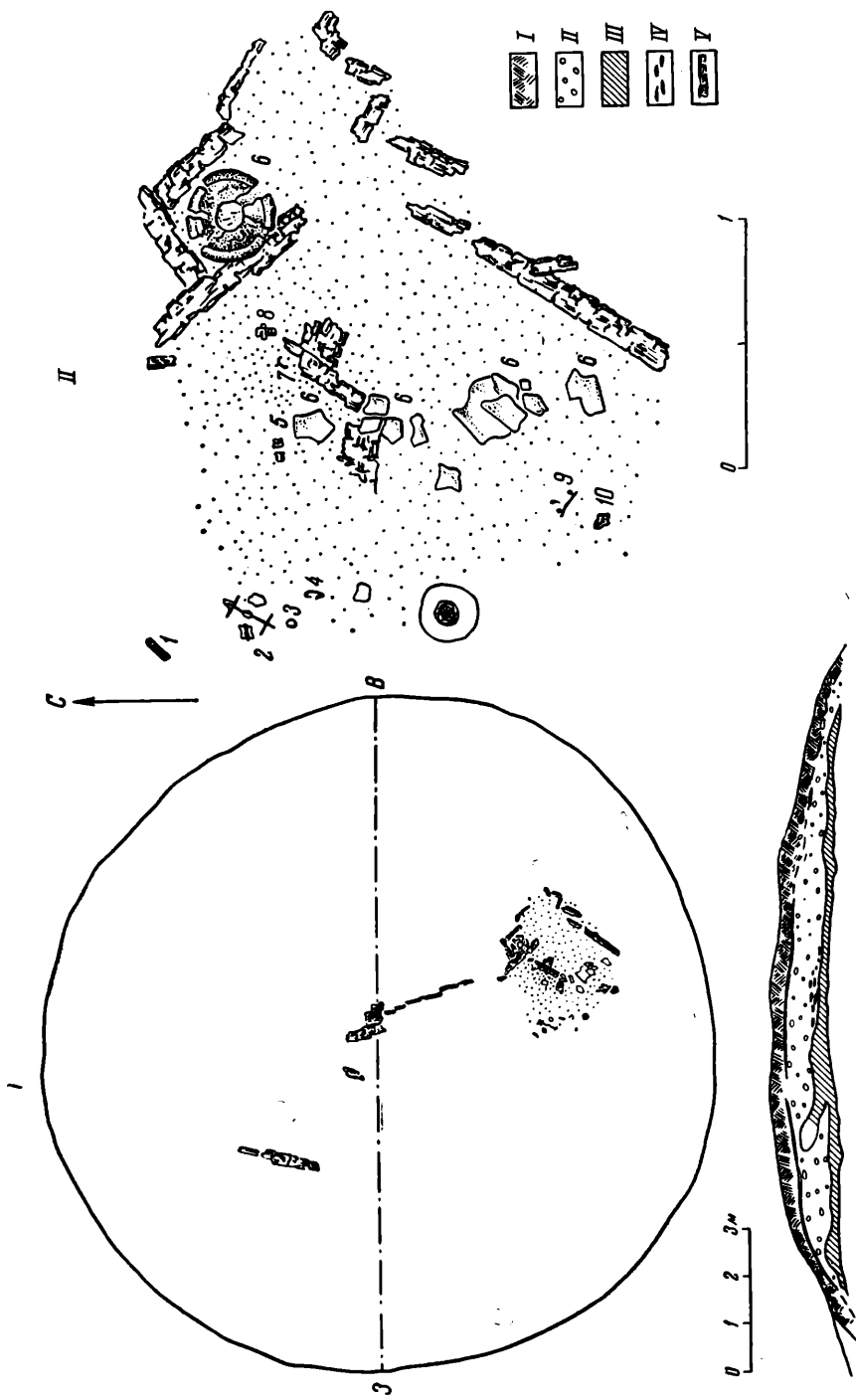

Рис. 5а. Шестовицкий могильник. Курган № 2.

I — пави и разрез кургана; *II* — план погребения в кургане № 2: *1* — осолок; *2* — пряжка; *3* — удила; *4* — кресло; *5* — железные пластины; *6* — керамика; *7* — артевозазный шип; *8* — железная пластина; *9* — пуговки и железный стержень; *10* — наконечник пожев меча.

Условные обозначения: *I* — дерн; *II* — светло-серый суглинок с белыми вкраплениями; *III* — погрешенная почва; *IV* — угли; *V* — горелое дерево.

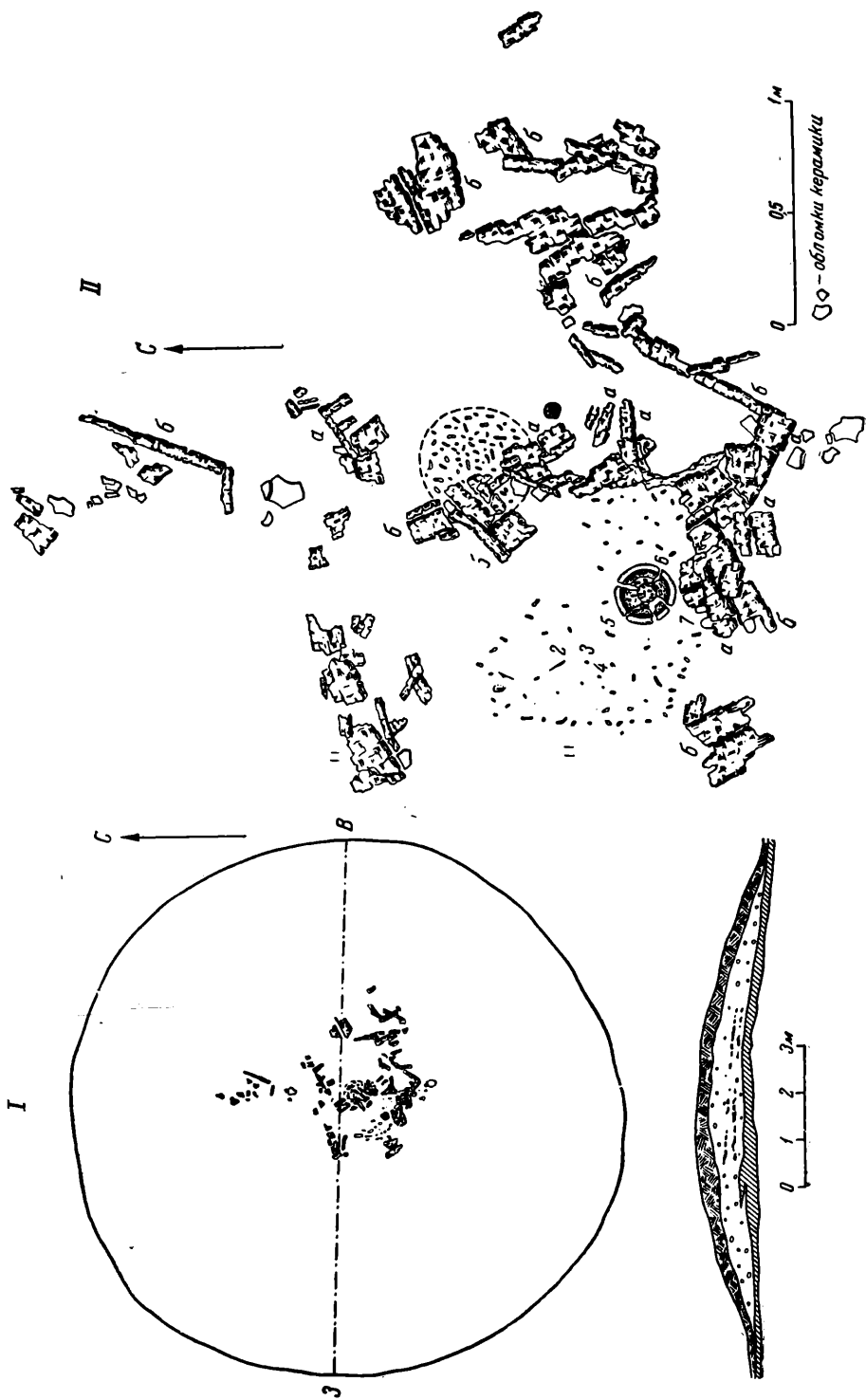

Рис. 56. Шестовицкий могильник. Курган № 3.

I — план и разрез кургана; II — план погребения в кургане № 3; 1 — призма; 2 — железная поделка; 3 — бубенчик; 4 — кусочки бронзы и шпала; 5 — бронза (?); 6, 7 — глиняные сосуды; а — горелое дерево 1-го яруса; б — горелое дерево 2-го яруса.
Условные обозначения см. рис. 5а.

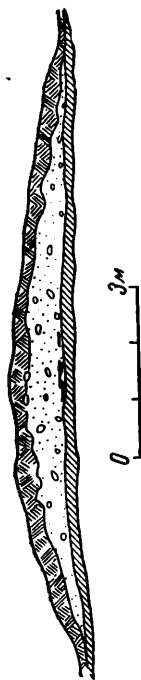
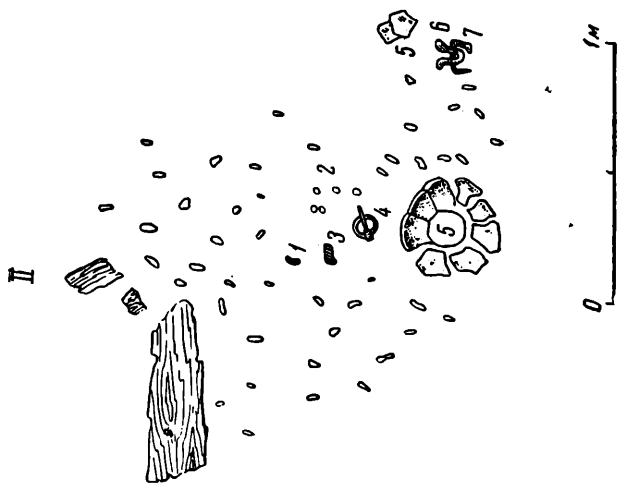
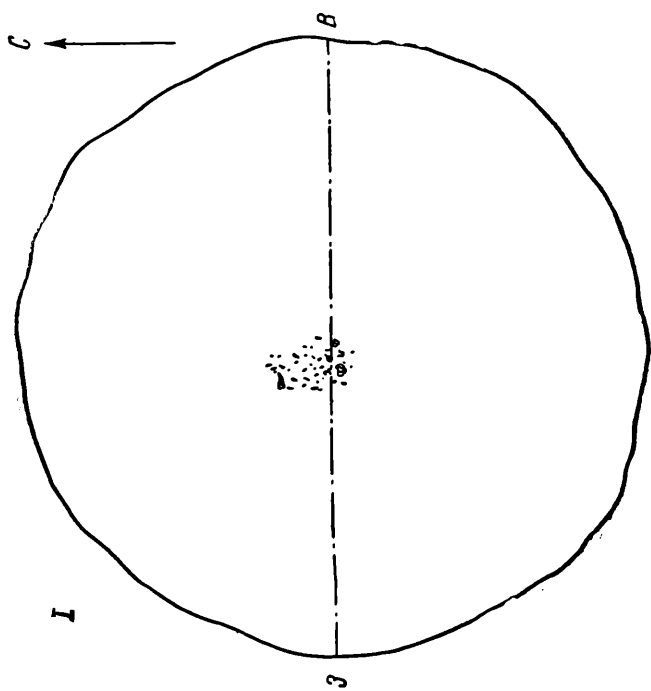

Рис. ба. Шестовицкий могильник. Курган № 4.

I — план и разрез кургана; II — план погребения в кургане № 4: 1 — стекло; 2 — бусы; 3 — бронза; 4 — пряжка; 5 — керамика; 6 — ушко от ведра; 7 — скобка.

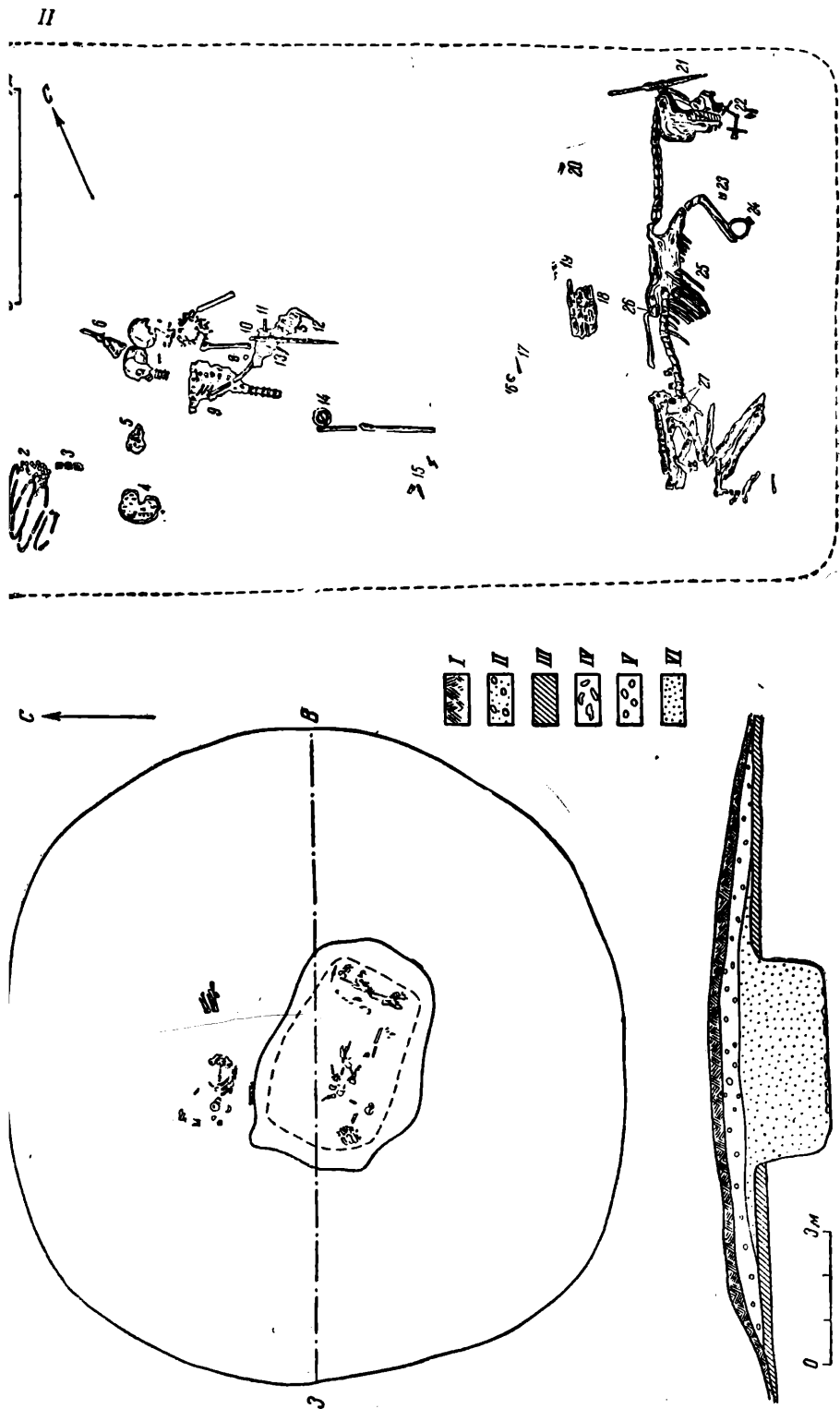

Рис. 66. Шестовицкий могильник

I — план и разрез кургана; II — план погребения в кургане № 6; 1 — оковка ведра; 2 — стеклянные жанти; 3 — гребенка; 4 — тесьма с пуговицами; 5 — ткань с пуговицами и гирьки; 6 — топор; 7 — бусы; 8 — перстень; 9 — перстень; 10 — скрамасакс; 11 — осколок; 12 — кресло; 13 — нож; 14 — фибула; 15—17, 20 — железные предметы и их фрагменты; 18 — кожаный ковш; 19 — дельный ковш; 21 — копьё; 22 — удила; 23 — бронзовая бляшка; 24 — стрелена; 25 — железное кольцо; 26 — железное кольцо; 27 — железное кольцо. Условные обозначения к рис. 6а и 6б: I — дель; II — сусь с белыми вкраплениями; III — погребенная почва; IV — кальцинированные кости; V — светло-серый сулдинок с белыми вкраплениями; VI — серый сулдинок.

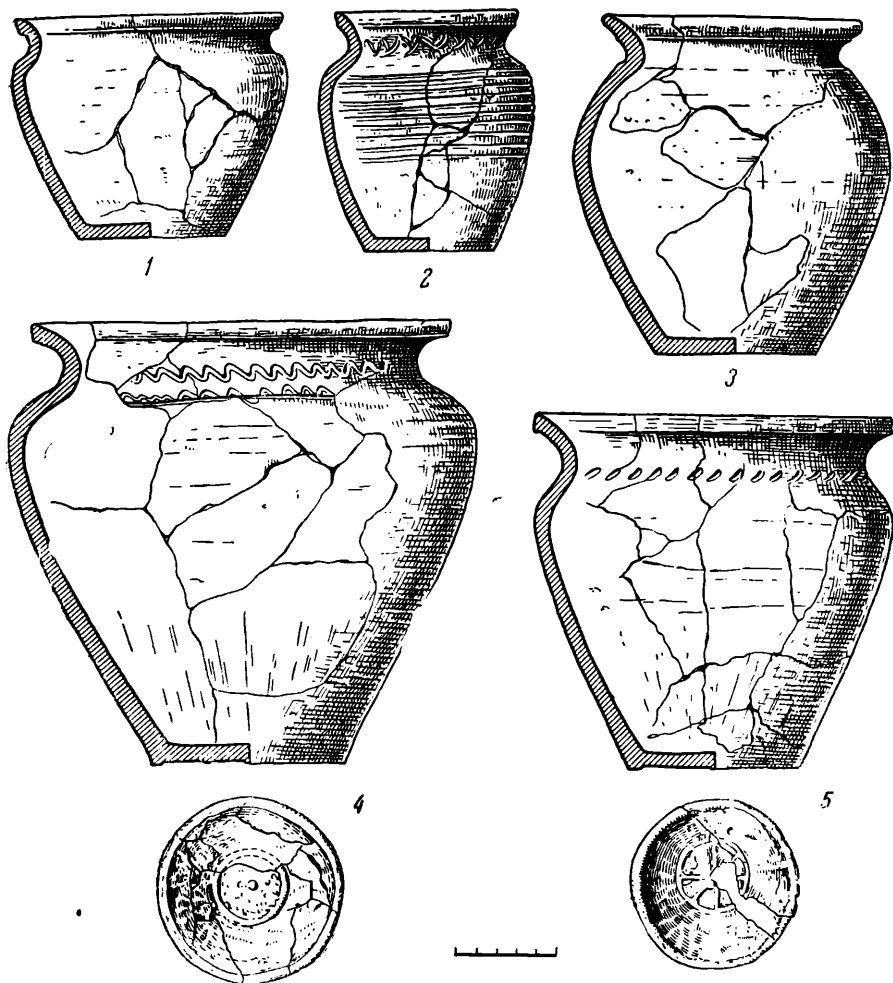

Рис. 7. Шестовицкий могильник. Глиняные сосуды
1, 4, 5 — курган № 2; 2, 3 — курган № 3.

Курган № 4 (рис. 6а). Насыпь круглая, диаметром 11 м, высотой 1,1 м. На поверхности в центре кургана — запывшая яма, диаметром 1,2 м; посередине юго-западного сектора — вторая яма и третья — внизу, в южной поле кургана. Под дерном оказался слой супеси с белыми вкраплениями (мел?) и ниже — слой погребенной почвы. В центре кургана на слое погребенной почвы обнаружены остатки сожжения в виде скопления кальцинированных костей и вещей: фрагменты нижней части кружального сосуда, два фрагмента дна двух других кружальных сосудов, железное ушко от ведра, пряхка железная круглая с иглой¹³, железная скобка, фрагмент бронзового предмета, кусочек стеклянного ошлакованного предмета (по-видимому, сосуда) и четыре бусинки бесцветного стекла. Сожжение на стороне.

Курган № 5. Насыпь круглая, диаметр — 12 м, высота — 1,1 м; ее западная пола круче остальных. У северной перемычки на расстоянии 0,7 м от центра оказалась запывшая ямка диаметром 0,7 м. Под дерном — слой

¹³ В Прилож. сказано «железная булавка».

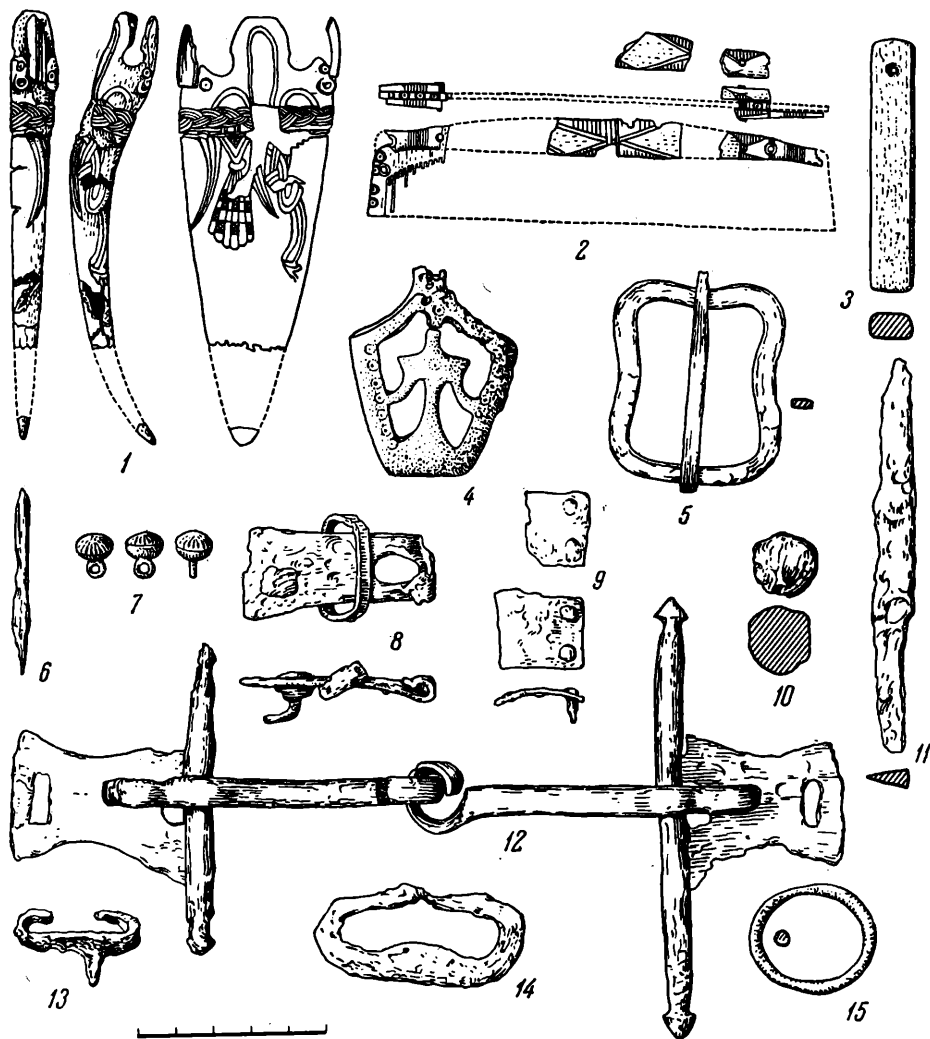

Рис. 8. Шестовицкий могильник. Вещи из кургана № 2.

суглинка ¹⁴ с белыми вкраплениями, ниже — слой погребенной почвы и под ним — материковая глина. На слое погребенной почвы в северо-восточном секторе, близ центра кургана, обнаружены неясные следы сожжения в виде незначительного скопления кальцинированных костей. К югу от центра расчищено второе, также незначительное скопление кальцинированных костей, разбросанных по площади диаметром около 0,5 м. Никаких вещей не найдено. Сожжение на стороне.

Курган № 6 (рис. 66). Насыпь круглая, диаметр — 14 м, высота — около 1 м; западная пола круче остальных. Под дерном, толщиной 0,25 м,

¹⁴ Описание состава насыпи кургана № 5 в экспедиционной документации нет. О ней сказано лишь, что состав ее «аналогичен предыдущим» (Прилож.). Поскольку состав насыпей данной курганной группы довольно постоянен, мы описываем чередование слоев в кургане № 5 по аналогии с другими курганами. Известное затруднение встречается лишь в определении слоя, лежавшего непосредственно под дерном. У курганов №№ 1, 2, 3 и 6 он назван суглинком и только у кургана № 4 — супесью. Если даже последнее и не описка, то все же типичным для насыпей данной курганной группы является суглинок.

обнаружен слой светло-серого суглинки, толщиной 0,8 м, с белыми вкраплениями и прослойками желтой глины; ниже — слой погребенной почвы; под ним — светло-серая материковая глина.

На границе двух северных секторов на глубине 0,45 м обнаружено впускное погребение — человеческий костяк на спине, ориентированный головой на запад; правая рука была вытянута вдоль туловища, левая — на груди. Костяк потревожен — череп лежал лицом вниз и на 0,25 м глубже туловища вокруг головы были раскиданы челюсть, шейные позвонки, ключица и лопатка; на расстоянии 0,75 м от таза обнаружены берцовые кости, бедренными головками в обратную сторону (возможно, принадлежат другому костяку).

В северо-восточном секторе кургана на глубине 0,35 м оказались крупная трубчатая кость и зубы животного, в юго-восточном секторе на глубине 0,4 м — 16 фрагментов не менее чем от трех сосудов, сделанных на гончарном круге.

На глубине 0,9 м, на уровне слоя погребенной почвы, обнаружено овальное пятно светло-желтой супеси, размером 5 × 3 м, вытянутое с северо-запада — запада на юго-восток — восток. Разборка пятна показала, что это была могильная яма, прорезавшая слой погребенной почвы и врезавшаяся в материковую глину. Стенки ямы шли несколько наклонно, поэтому по дну она имела меньшие размеры, чем вверху — 4 × 2,5 м. Дно погребальной камеры обнаружено на глубине 2,5 м; глубина камеры от ее краев — 1,5 м. Следов облицовки камеры деревом не прослежено. Лишь у северного края камеры на слое погребенной почвы расчищена обгорелая плаха длиной 0,5 м.

На дне могильной камеры обнаружено парное погребение с конем. Сохранность человеческих и конского костяков плохая; они сохранились лишь частично. Мужской и женский скелеты лежали рядом, на спине, головами на северо-запад — запад. Головы были тесно прижаты друг к другу; туловища, видимо, лежали не параллельно, а под острым углом друг к другу, причем женщина — севернее мужчины, т. е. она была положена слева от него. У темени обоих черепов найден железный топор (рис. 9—15). У мужского костяка на груди оказались остатки шелковой византийской ткани с регулярно расположенными пятью бронзовыми пуговками (рис. 9—2). Вдоль левого бока мужского скелета (над скелетом женщины?) находилась скипевшаяся железная масса. При разборке здесь найдены скрамасакс (рис. 10—2), два ножа (рис. 9—5, 6) и кресало (рис. 9—18) с отщипами черного кремня под ним, рядом — оселок из разноцветного сланца (красный, серый, белый; рис. 9—1). В области таза, близ правой берцовой кости, под берестяным кружком обнаружена бронзовая подковообразная фибула с гранчатыми головками и граненой дугой, орнаментированной пуансоном (рис. 9—3).

К юго-западу от черепа мужчины было расположено несколько групп вещей. Ближе всего к нему находилась группа предметов, лежавших на бересте и покрытых ею. Под берестой — остатки такой же шелковой ткани с пятью бронзовыми пуговками, как и на груди мужского костяка, и четыре гирьки — железная круглая приплюснутая (рис. 9—8), кубическая с глазками (рис. 9—7), свинцовая неправильной формы (рис. 9—9) и железная круглая со срезанным основанием и верхом, обтянутая бронзой (рис. 9—10). Несколько дальше от черепа мужчины, под берестяным кружком (диаметром 0,18 м) найден край шелковой одежды в виде тесьмы с шестью бронзовыми пуговками. Ближе к юго-западному углу камеры расчищены железные части деревянного ведра, лежавшего на боку, — дужка и три обруча, диаметром 0,28, 0,3 и 0,32 м (рис. 10—3). Рядом с ведром — 26 стеклянных «шашек» от игры, уложенных пирамидой, из них 24 круглых с плоским основанием и две антропоморфных. Стекло двух цветов — голубое и темно-желтое; цвет последнего виден только на свет. Антропоморф-

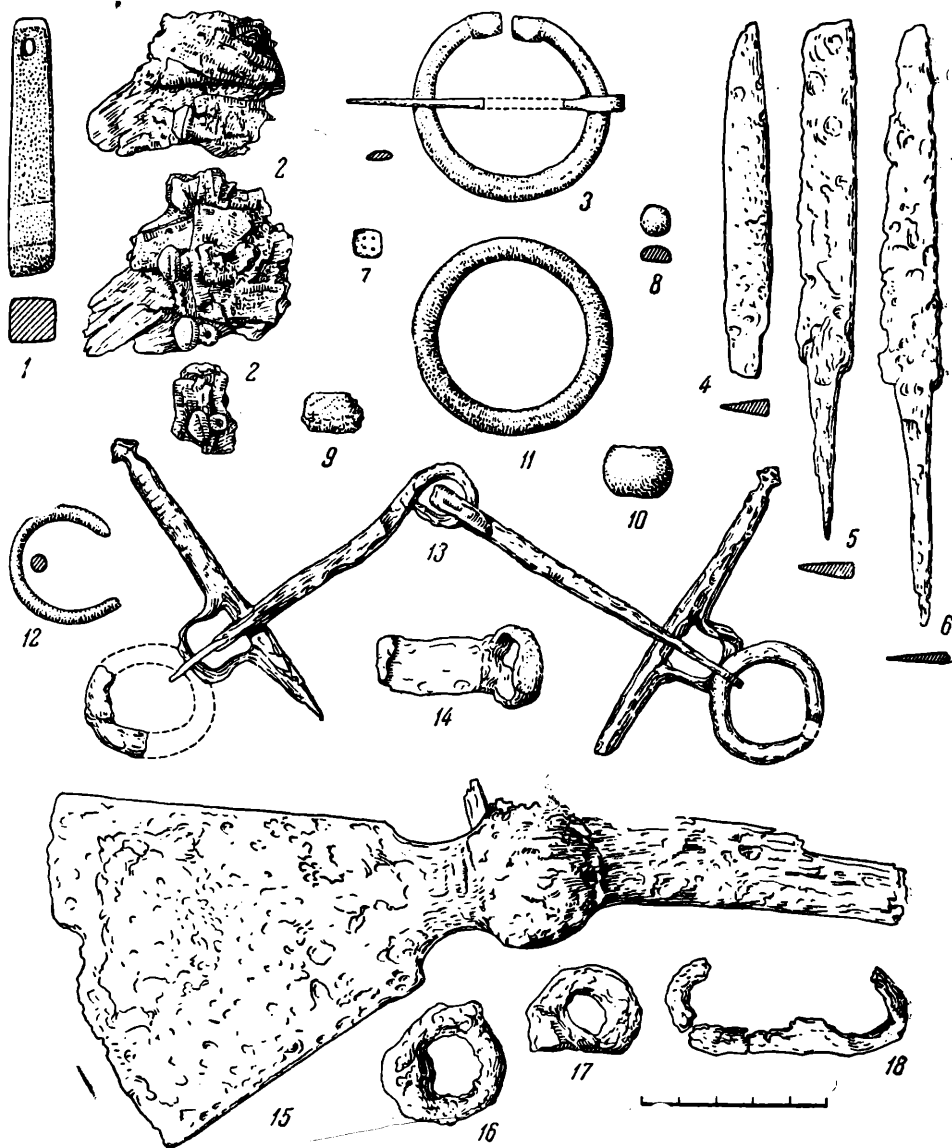

Рис. 9. Шестовицкий могильник. Вещи из кургана № 6.

ные фигурки (ныне сохранилась одна, голубая) обвиты накладным жгутиком из темно-красного стекла.

Между тремя описанными группами вещей найдена плохо сохранившаяся костяная односторонняя гребенка.

На шее женского скелета оказалось ожерелье из 90 стеклянных бус и пронизок: одной крупной синей рубчатой, помещавшейся посередине, 24 синих круглых бус и 11 двойчаток, 8 фиолетовых округлых бус и 1 двойчатка, 11 желтых круглых бус и 4 двойчаток, 8 позолоченных круглых бус и 2 двойчаток, 11 посеребренных круглых бус и 7 двойчаток и 2 бесцветных круглых бус. На пальце правой руки — бронзовое проволочное колечко¹⁵.

В ногах у костяков, на небольшом земляном возвышении лежал скелет

¹⁵ Не сохранилось.

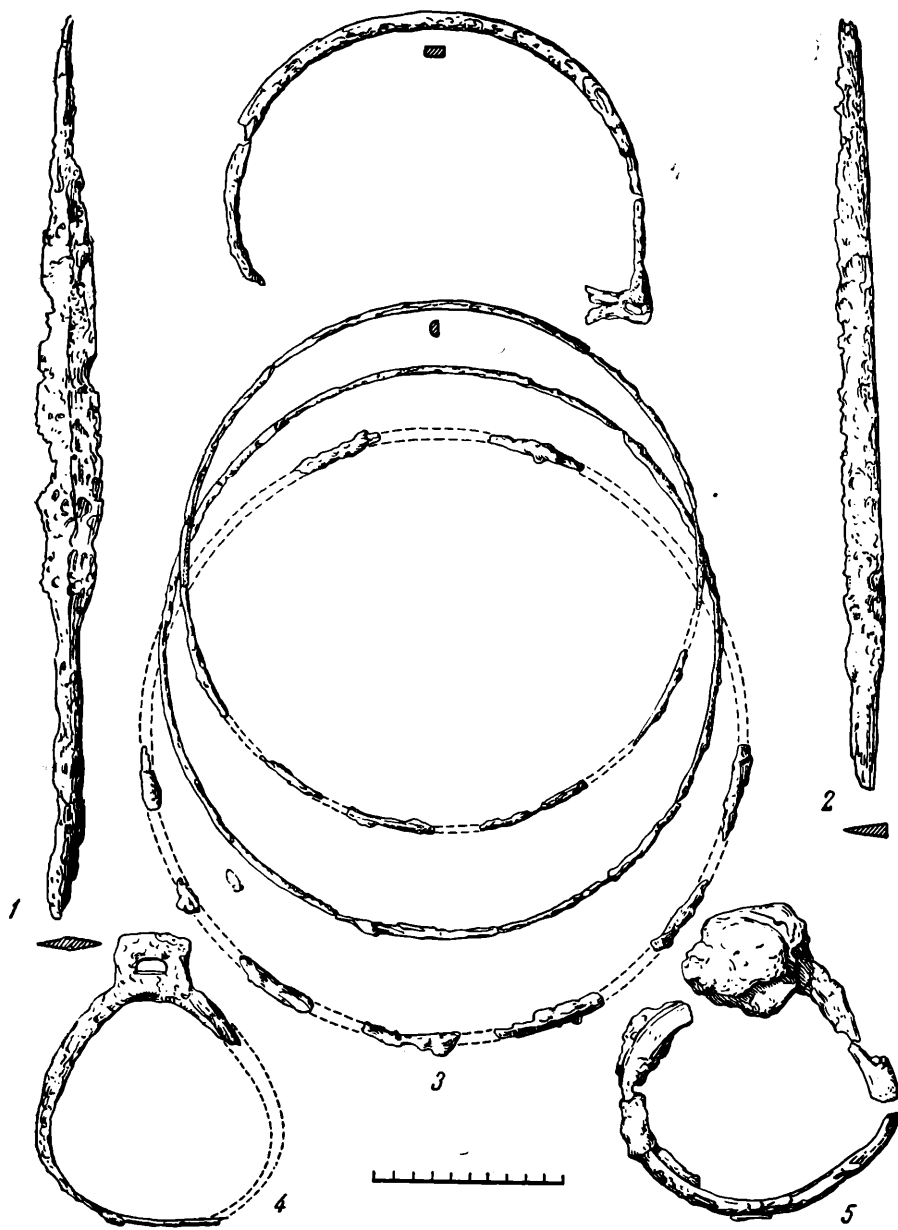

Рис. 10. Шестовицкий могильник. Курган № 6.

1 — копье; 2 — скрамасакс; 3 — оковка ведра; 4, 5 — стремена.

коня на левом боку, с подогнутыми ногами. Около лобной кости — железное копье в наклонном положении, острием вверх (рис. 10—1). Около передних зубов — железные удила, на псалиях — следы насечки, на петлях псалий — железные подвижные кольца (рис. 9—13). У копыта передней ноги найдены железные стремяна (рис. 10—4, 5). Здесь же у колена оказалась бронзовая «удлиненная» бляшка¹⁶, на ребрах — большое бронзовое кольцо (рис. 9—11), на спине около позвонков — 2 круглые железные пряжки¹⁷, на костях таза — 2 железных кольца (рис. 9—16, 17)¹⁸.

Между человеческими и конским костяками находилась серия железных предметов и их обломков, лежавших поодиночке и группами. Недалеко от спины коня обнаружена скипевшаяся железная масса, в которой оказались стрелы с остатками древков и железная оковка колчана. Остальные мелкие вещи, разбросанные в том же районе, большей частью неопределимы. Среди них — нож (рис. 9—4), кольцо (рис. 9—12), стержни, пластинки и пр. (рис. 9—14).

В 70 м к северо-западу — западу от западного края кладбища с. Шестовицы, у дороги, был вскрыт один из двух распахиваемых курганов.

Курган № 7. Насыпь круглая, диаметр — 12 м, высота — 1,2 м; западная пола круче остальных. Курган распахивается. Под перепаханым слоем (толщиной 0,2 м) — рыхлая желтая супесь с белыми вкраплениями, в северо-восточном секторе — с вкраплениями глины. В северо-восточном секторе кургана на глубине 0,6 м обнаружено скопление кальцинированных костей и угля, диаметром около 2,3 м. При зачистке выяснилось, что сожжение было почти полностью уничтожено двумя поздними впускными погребениями в деревянных гробах, стоявших рядом; между гробами вбиты два кола. Костяки ориентированы головами на юго-запад; на одном из них уцелели остатки тканей — красноватой и темно-зеленой. Кальцинированные кости древнего сожжения сохранились лишь по краю поздней могильной ямы на ширину 0,25—0,4 м и местами — между гробами, опущенными на 0,25 м глубже слоя кальцинированных костей.

При дальнейшем исследовании к северо-западу и юго-востоку от центра кургана открыто еще несколько поздних впускных погребений (начала XIX в. и, может быть, более поздних). В центре кургана обнаружена часть труположения, по мнению Я. В. Станкевич, — древнего. От костяка, ориентированного головой на юго-запад, сохранились лишь череп и кости правой половины туловища. Под скелетом — истлевшая плаха шириной 0,2 м. Остальная часть погребения срезана позднейшим захоронением. Ввиду того, что курган сильно испорчен поздними погребениями, исследование его было прекращено.

Таким образом, из семи курганов, исследованных в 1946 г., в пяти найдены сожжения (курганы № 2—5 и 7), в одном — парное погребение с конем в камере (курган № 6) и один курган был, по-видимому, кенотафом (курган № 1). В кургане № 7, помимо почти полностью разрушенного сожжения в насыпи северо-восточного сектора кургана, в центре кургана находилось еще одно погребение, по мнению Я. В. Станкевич, — древнее.

Из шести курганов с кремацией, исследованных в 1946 г., в курганах № 2 и 3 сожжения были произведены на месте, а в курганах № 4 и 5 — на стороне. Характер обряда сожжения в разрушенном кургане № 7 установить не удалось. Остатки — кальцинированные кости и вещи — лежат всегда на слое погребенной почвы и только в кургане № 7 — в насыпи. В курганах с сожжением на месте (№ 2 и 3) кострища были довольно значительными, особенно в кургане № 3 (2,6 × 3 м). Вещи также несут на

¹⁶ Не сохранилась.

¹⁷ Не сохранились.

¹⁸ Вопрос о количестве колец на конском костяке не совсем ясен.

себе следы действия огня, многие из них попорчены — фрагментированы, оплавлены. Там, где кремация была произведена на месте (курганы № 2 и 3), кальцинированные кости помещены в урну или вокруг нее — на земле. В кургане № 3 кальцинированными костями, кроме того, заполнена вырытая в материке яма (диаметром 0,5, глубиной 0,3 м). В курганах с сожжением на стороне (№ 4 и 5) урн нет и кальцинированные кости рассыпаны просто по поверхности погребенной почвы. В кургане № 5 оказалось не одно, а два скопления кальцинированных костей, оба незначительные и лишённые каких-либо вещей. Кроме погребальных урн, в кургане № 2 найдено еще 2 целых сосуда, а в кургане № 3 — один целый сосуд. Кроме целых сосудов как среди кальцинированных костей, так и в насыпи встречались отдельные черепки сосудов (курганы № 3 и 4). Погребение в камере (курган № 6) не сопровождалось сосудами; разрозненные черепки здесь найдены только в насыпи.

Добытый экспедицией материал, особенно инвентарь наиболее богатых погребений (курганы № 2 и 6), представляет несомненный интерес. Обращает на себя внимание, что в кургане № 2, при наличии ножен меча (сохранился только бронзовый наконечник), сам меч отсутствует. находка здесь же удила отчетливо указывает, что воин, сожженный на обширном погребальном костре, был всадником. Наиболее богато по инвентарю парное погребение в камере (курган № 6). Здесь черты воина-всадника выступают еще более отчетливо, нежели в кургане № 2. У оседланного коня — удила, стремяна. С мужским костяком связаны топор, копьё, скрамасакс и колчан с железной оковкой, наполненный стрелами. Остатки одежды из византийского шелка с бронзовыми пуговками, в которую был одет всадник, а также положенная ему игра, состоящая из стеклянных «шашек», свидетельствуют о богатстве погребенного. На то же, безусловно, указывает и скелет убитой при похоронах рабыни, на которой найдены лишь ожерелье из стеклянных бус и перстенок из бронзовой проволоки.

В кургане № 6 обнаружены также обычные для дружинных погребений гирьки, складная костяная гребенка, деревянное ведро с железными обручами и изящный брусочек из разноцветного сланца. Складная костяная гребенка и брусочек оказались и в кургане № 2, а ведро — в кургане № 4. Интересно, что бронзовые пуговицы, найденные в курганах № 2 и 6, совершенно одинаковы, что говорит о хронологической близости данных погребений.

В этих же курганах встречены вещи, происходящие с Запада или Севера. Так в кургане № 6 обнаружен скрамасакс — оружие, сравнительно редко встречающееся на территории Древней Руси, а также упомянутые выше стеклянные «шашки» — игра, известная, кроме Древней Руси, лишь по находкам в Швеции, Норвегии, Шотландии и Ирландии. Помимо этого, можно отметить еще костяное изогнутое острие в кургане № 2, орнаментированное рисунком в иеллинге-стиле.

Для датировки исследованных курганов имеется достаточно данных. Наиболее выразительный материал содержат курганы № 2 и 6. Круглая керамика с клеймами на днищах по формам и орнаментации типична для X — начала XI в. Оружие, аналогичное найденному в кургане № 6 (стрелы, копьё, топор, скрамасакс), и предметы конского снаряжения (стремяна, удила) встречаются в дружинных погребениях Древней Руси только в X в., а наконечник ножен с распластанной птицей имеет и более узкую датировку — вторая половина X в. Как известно, богатые дружинные погребения с инвентарем, аналогичным шестовицкому, появляются в Среднем Поднепровье не ранее второй половины X в. К тому же времени должны быть отнесены и исследованные в 1946 г. Шестовицкие курганы.

Вопрос о том, связан ли могильник с Шестовицким поселением, и если связан, то с каким периодом его жизни, — решается достаточно определенно.

Как говорилось выше, и на городище, и на расположенном рядом с ним открытом поселении раскопками 1946 г. обнаружены памятники, относящиеся к концу XI—XIII в. (в основном — керамический материал), к X—началу XI в. (полуземляночные жилища с кружальной керамикой и другим инвентарем) и, возможно, к IX—X вв. (незначительное количество лепной керамики; возможно, однако, что последняя одновременна гончарной керамике из жилых комплексов X—начала XI в.).

Таким образом, исследованные в 1946 г. курганы хронологически соответствуют тому периоду в жизни Шестовицкого поселения, который представлен полуземляночными жилищами и их инвентарем. Этому не противоречит и материал. Так, керамика городища и открытого поселения по составу глины, формам, гончарным клеймам и орнаментации полностью совпадает с керамикой могильника. И там и тут найдены железные прямоугольные пряжки с вогнутыми боковыми сторонами, калачевидные кресала. Следовательно, и хронологически, и в элементах культуры между поселением и могильником имеется полное соответствие.

К тому же периоду относится найденная на территории городища игральная «шашка», сделанная из хорошо отмученной обожженной глины.

Небольшие работы на Шестовицком поселении и могильнике, проведенные в 1946 г. Я. В. Станкевич, дали материал, интересный и нужный для изучения данного периода русской истории. Хочется напомнить, что если на Шестовицком могильнике работы проводились и до 1946 г., то исследование поселения было начато впервые Я. В. Станкевич. Задача, которую она себе ставила, — исследовать поселение, синхронное дружинному могильнику, — имеет и в настоящее время первостепенное значение. Параллельное исследование дружинных могильников и связанных с ними поселений — путь, который может привести к решению многих спорных вопросов, возникающих при изучении данного периода истории Древней Руси. Эти работы продолжают Д. И. Блифельдом, который в течение ряда лет одновременно с изучением Шестовицких курганов ведет исследование и Шестовицкого поселения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Видовой состав и количество остатков рыб с поселения на мысу к югу от с. Шестовицы

Виды	Количество остатков	Виды	Количество остатков
<i>Rutilus rutilus</i> (Z), плотва	4	<i>Perca fluviatilis</i> (Z), окунь	87
<i>Abramis brama</i> (Z), лещ	1	Perciformes окунеобразные	1
<i>Carassius</i> sp., карась	13	Pisces. Рыбы неопределимые	10
<i>Tinca tinca</i> (Z), линь	134	Vertebral, позвонки	188
<i>Silurus glanis</i> (Z), сом	13	Costal, ребра	181
<i>Cyprinus</i> genus sp., карповые рыбы	1	Колючие лучи	65
<i>Esox lucius</i> (Z), щука	132	Лученосец	19
<i>Lucioperca lucioperca</i> , судак	10		
		Итого	859

Результаты качественного спектрального анализа железных предметов Шестовицкого могильника из раскопок Я. В. Станкевич в 1946 году.

Предмет	№ кур-гана	Σ III	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Mg	Si	Al	Co	As	Mn	Au	Ce	In	Tl	Cd	Na	Ca	Ni	Mo	P
Удила	2	2	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5	5	—	5	—	—	—	—	—	—	5	4—5	—	
Нож	2	3	4	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5	5—4	4—5	—	—	—	—	—	—	—	5	4	—	
Пряжка	3	19	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5	5	5	5	—	—	—	—	—	—	5	4	—	
Копье	6	64	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5	5	5	—	—	—	—	—	—	—	5	4—3	5	
Скрамасакс	6	41	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5	5,5	5—4	4,5	—	—	—	—	—	—	5	4—5	5	
Топорик	6	40	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5,5	5	4—5	—	—	—	—	—	—	—	5	4	—	
Нож	6	42	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4—3	5	5	5	5,5	—	—	—	—	—	—	5	4	5 (?)	
Обломки стрел	6	63	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	3—4	5	—	5,5	—	—	—	—	—	—	—	5	5	5	
Оковка колчана	6	63	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	3	4	5	5,4	5,5	—	—	—	—	—	—	5	4	5	
Скобка или обойница	6	57	5,5	5	3	1	—	5,5	—	—	4	3—4	4—3	5,5	—	5	—	—	—	—	—	—	4	—	—	
Пластинка	6	61	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5	5	5,4	—	—	—	—	—	—	—	4	4—5	5	
Обруч от ведра	6	53	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5	5,5	—	—	—	—	—	—	—	—	5	4	5	
Удила	6	65	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5—5	—	5,5	—	—	—	—	—	—	—	5	5	—	
Стремя	6	66	5,5	—	—	1	—	—	—	—	5	4	5,5	5,5	—	5,5	—	—	—	—	—	—	5	5	—	

Условные (цифровые) обозначения: 1 — «основа» (основные составляющие пробу элементы), соответствует десяткам процентов; 2 — «очевь много», соответствует целым процентам (от 20 до 5%); 3 — «много», соответствует целым процентам (от 5 до 1%); 4 — «мало», соответствует десяткам долям процента (от 1 до 0,1%); 5 — «очень мало», соответствует сотым долям процента (от 0,1 до 0,01%); 5,5 — «следы», соответствует тысячным и десятитысячным долям процента (0,001% и менее); знак «—» означает, что данный элемент в пробе не обнаружен. Чувствительность метода спектрального анализа составляет: около 0,0003% для Mo, Cu; около 0,001% для V, Ni, Sn, Be, Ce, Bi, Pb, Cr, Ag, Co, Pt, Mn, In, Fe, Mg, Ca; около 0,003% для Ti, Ga, Al, Au; около 0,01% для Cd, Sb; около 0,1% для Zn, As, K, Na; около 0,3% для P.

Анализ выполнен в лаборатории археологической технологии ЛОИА в 1960 г.

Я. В. С Т А Н К Е В И Ч

КУРГАНЫ У ДЕРЕВНИ ПОЛИБИНО
НА РЕКЕ ЛОВАТИ

В отличие от области верхнего течения Западной Двины, где длинные курганы третьей четверти I тысячелетия н. э. не раз являлись объектом археологических раскопок¹, в бассейне р. Ловати эти памятники остаются мало известными. В последние годы по верхнему течению р. Ловати удалось обнаружить две группы длинных курганов: одну — у дер. Валуйская, в 50 км к северу от Великих Лук², и другую, представляющую собой более значительный могильник, — у дер. Полибино, в 20 км к югу от названного города. Оба памятника были частично раскопаны. Настоящая статья посвящена итогам исследования длинных курганов у дер. Полибино.

Группа курганов расположена против дер. Полибино на левом высоком берегу Ловати, в зоне заповедника «Лесная дача» Пореченского района. Псковской области. Могильник состоит из 30 насыпей, расположенных к северу и северо-западу от находящегося рядом с ними городища, занимающего мыс коренного берега близ впадения р. Болоздынки в р. Ловать³.

В восточной части могильника, расположенной на берегу Ловати и отстоящей от городища на 0,5 км, насчитывается 17 насыпей длинной, удлиненной и округлой формы, образующих пять отдельных групп. Западная часть могильника находится на расстоянии 1 км от городища и состоит из 13 насыпей, разбросанных вдоль лесной дороги у р. Болоздынки. В 1954 и 1958 гг. в восточной части могильника было исследовано пять насыпей и в западной — две насыпи. Курганы содержали остатки трупосожжений.

Любопытные особенности обряда сожжения обнаружены в кургане № 2 в восточной части могильника. Курган имел в плане округло-овальные очертания; его размеры с запада на восток — 8 м, с севера на юг — 7 м, высота — 0,7 м. В 0,8 м к югу от центра кургана на уровне материка отмечена прослойка темной пережженной массы, около 0,8 м длиной, овальная в плане. Под ней в материке обнаружена яма конусовидной формы (диаметр — 0,45 м, глубина 0,5 м), заполненная кальцинированными костями с примесью мелких угольков. На дне ямы лежала бронзовая пряжка овальной формы с длинным языком (рис. 11—1).

В двух других случаях — в курганах № 1 и 3, расположенных рядом с предыдущим и аналогичных по форме, — содержались остатки единичных трупосожжений в виде скоплений кальцинированных костей и угольков,

¹ Я. В. Станкевич. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 52, 53.

² Я. В. Станкевич. Отчет о работе Западнодвинского отряда Славянской экспедиции за 1957 г.

³ Городище относится к культуре штрихованной керамики, более ранней, чем длинные курганы.

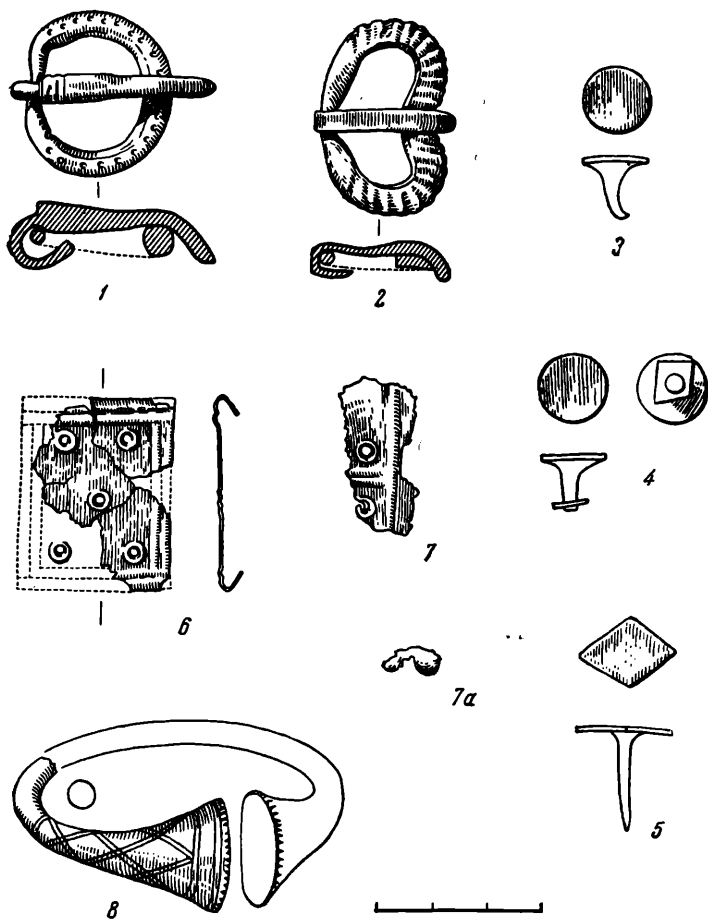

Рис. 11. Вещи из погребений.

1 — пряжка из кургана № 2; 2 — пряжка; 3—5 — бляшки и заклепки (2—5 — из кургана № 21);
6, 7 — бляшки-оковки; 8 — браслет (6—8 — из кургана № 6); 1, 6—8 — бронза;
2—5 — железо.

находившихся на слое погребенной почвы. В кургане № 1 при них обнаружены части грубого лепного сосуда с примесью дресвы в тесте; его чуть отогнутый венчик украшен насечкой⁴.

В округлом кургане № 5, расположенном в 8 м к северо-востоку от кургана № 10 (диаметр — 7 м, высота — 0,9 м), следов погребения не обнаружено. В восточной поле кургана в 2,6 м от центра, на слое погребенной почвы отмечены остатки кострища размером 1,6 × 1 м. Здесь были части обгорелых плах, песок вокруг которых был сильно обожжен.

Курган № 6, находящийся к северо-западу от предыдущего, принадлежал к числу удлиненных. Его размеры — 6 × 12 м, высота — 0,9 м; вершина плоская.

Насыпь вытянута с севера на юг. В северо-восточном секторе кургана, на 0,4 м выше горизонта, на расстоянии 3,5 м от центра, оказалось скопление обожженных костей со следами прожженного песка вокруг них. Среди костей лежали следующие вещи из бронзы: половина литого браслета с расширенными орнаментированными концами (рис. 11—8) и обломки штампованных бляшек, побывавших в огне (рис. 11—6, 7).

⁴ Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1961, стр. 278.

Курган № 19, расположенный в центре западной части могильника, имел округлую форму (диаметр — 10 м, высота — 1,25 м). В подошве кургана обнаружена тонкая прослойка погребенной почвы, в центральной части которой отмечено ярко выраженное темное пятно диаметром 5,5 м (рис. 12—1). По окружности пятна прослежено обгорелое дерево, образующее до 8 отдельных скоплений на расстоянии около 1 м одно от другого. Подобные же скопления оказались и внутри пятна. Посередине темного пятна на участке длиной 0,85 м были разбросаны мелкие кальцинированные кости; под ними обнаруже-

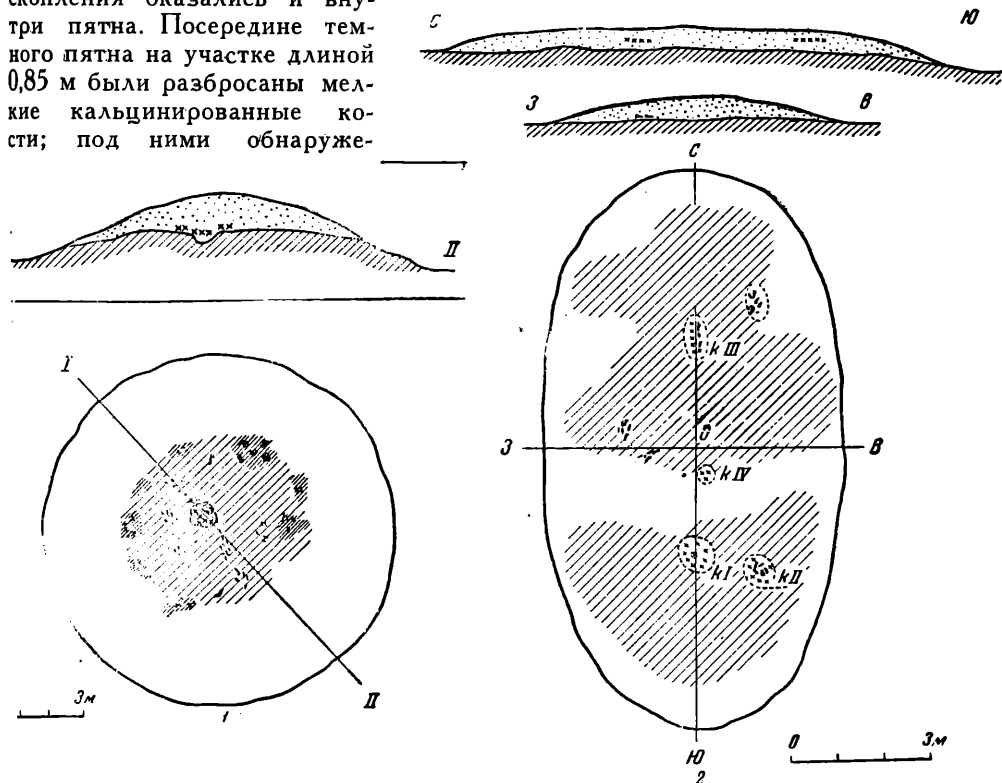

Рис. 12. Планы курганов.
1 — курган № 19; 2 — курган № 21.

на ямка диаметром 0,55 м и глубиной 0,45 м, чашевидная в разрезе, площадь заполненная неполно обожженными человеческими костями. У северо-восточного ее края лежал на боку сплюснутый землей лепной сосуд — урна с потрескавшимися от огня стенками.

Курган № 21, находящийся в 50 м к юго-западу от предыдущего, — длинный, размеры его — 12×7 м; высота — 0,7 м. В насыпи встречены статки нескольких трупосожжений в виде скоплений кальцинированных костей, расположенных по длинной оси кургана на различных глубинах (рис. 12—2).

Сожжение I открыто в 1,9 м к юго-западу от центра кургана на глубине 1,15 м от поверхности. Среди кальцинированных костей найдено несколько железных предметов: пряжка В-образной формы (рис. 11—2) и три заделки в форме запонок (рис. 11—3—5). Сожжение II находилось в 0,55 м к юго-востоку от предыдущего. Это было небольшое скопление кальцинированных костей и угольков. Сожжение III обнаружено в северной половине кургана, в 2,1 м от центра, на глубине 0,2 м от поверхности. Здесь отмечена темная прослойка с включениями обожженных костей. Северо-восточнее скопления разбросано несколько обгорелых бревен. Сожжение IV, нахо-

дившееся под центром кургана, представляло собой сравнительно небольшое скопление пережженных костей.

В подошве кургана № 21, по его концам, были замечены два округлых темно-охристых пятна — остатки древнего культурного слоя с неолитическими черепками.

Таким образом, в курганах у дер. Полибино следует выделить два различных способа захоронения: 1) сожжение с последующим помещением его остатков в насыпь кургана (курганы № 1, 3, 6 и 21) и 2) сожжение с помещением костей в небольшую яму (курганы № 2 и 19). Во втором случае на уровне горизонта встречаются остатки кострища, возможно, — погребального, где и совершалось сожжение.

Среди вещей, обнаруженных при исследовании могильника у дер. Полибино, большой интерес представляет пряжка с хоботовидным язычком из кургана № 2. Средняя часть округлого в сечении кольца пряжки чуть утолщена; его противоположная сторона имеет неспаянные утонченные концы. Лицевая поверхность украшена углубленными точками (рис. 11—1). По форме и орнаментации пряжка относится к довольно архаическому типу подобных изделий. Близкий ей экземпляр происходит из удлиненного кургана № 5 у дер. Дубровка на р. Поле⁵. Пряжка, сходная по форме с описываемой нами, но с язычком, украшенным звериной головкой, имеется в составе находки из Киримае (в Эстонии), датируемой временем около V в. н. э.⁶ Подобные пряжки известны в Кошибеевском могильнике⁷, а также в Армиевском и других могильниках Среднего Поволжья⁸.

Аналогии железной В-образной пряжке с рубчиками по лицевой стороне плоского кольца (рис. 11—2) известны в курганах восточной части Литвы⁹, в частности в курганном могильнике Кармазаны возле Троковской ССР, датируемом VI—VII вв. н. э.¹⁰ Аналогичные пряжки с гладким кольцом известны также в Армиевском могильнике.

Встреченные в кургане № 21 заклепки в виде запонки с круглой головкой (рис. 11—3, 4) или с ромбической головкой, снабженной заостренным шпильком (рис. 11—5), повторяют форму таких изделий из могильников с оградками первой половины I тысячелетия н. э. из Северо-Восточной Эстонии. Однако здесь эти предметы выполнены из бронзы¹¹.

Из других находок следует остановиться на встреченном в кургане № 6 браслете с утонченной средней частью прута и сильно расширенными в виде раструба концами, покрытыми тонкой гравировкой (рис. 11—8). Близкий аналогий данному браслету, но с менее утолщенными концами, хорошо известны на северо-западе. Можно указать подобные предметы из старых раскопок длинных курганов в бассейне р. Торопы, на Банецком озере (Пески курган № 4) и в бассейне р. Поли у дер. Обрынь (курган № 6)¹². Такие же браслеты происходят из могильника № 1 в Кохтла-Ярве, датируемом V—VI вв. н. э. Для того же круга памятников характерны прямоугольные

⁵ Н. Н. Черныгин. Длинные и удлиненные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941 табл. II, 14.

⁶ M. Schmie dehelm. Der Fund von Kivimäe in Estland. SMYA, XXXV, Bd. I Helsinki, 1926, рис. 18 на стр. 25 и 26 и стр. 34.

⁷ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, табл. XI, 10.

⁸ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, табл. 15, 9, 15.

⁹ А. А. Спицын. Предполагаемые литовские курганы VIII—IX вв. ЗРАО, т. VIII вып. 1, 1960, рис. 1.

¹⁰ H. Cehak-Holubowicz. Cmentarzysko kurhanowez VI i VII st. w miejsc. Kamazyny kolo miasta Troki w Litewskiej SRR: Wiadomosci Archoeologiczne, t. XXIII, zes. 3—4. Warszawa, 1955, рис. 11, 3 на стр. 323.

¹¹ М. Х. Шмидекедьм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин. 1955, рис. 17, 5 и рис. 31, 3.

¹² Н. Н. Черныгин. Указ. соч., табл. II, 19 и табл. III, 12.

бляшки — обоймицы (от ремня?) со штампованным орнаментом. Известны они также в длинных курганах на территории БССР и Смоленщины.

Относительно лепного сосуда с расширенным верхом, изготовленного из грубой глины с примесью дресвы, заметим, что по типу он наиболее близок к формам лепной посуды поселений и могильников V—VI вв. и последующих столетий в бассейне Западной Двины и на более северных территориях.

Небольшие материалы из могильника у дер. Полибино дополняют наши сведения о культуре длинных курганов. Они рисуют тесную связь этой культуры с культурой Прибалтики. Для датировки курганов у дер. Полибино мы еще не располагаем достаточными данными. Однако на основании изложенного выше, по-видимому, датой наиболее ранних погребений следует считать V—VI вв. н. э. Дальнейшее уточнение датировки может быть достигнуто лишь в процессе дальнейших раскопок на могильнике.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ
БОЛОГОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Городища дьяковской культуры, распространенные на широких пространствах Волго-Окского междуречья и Валдайской возвышенности, распадутся на несколько локальных групп, численность и состав которых еще далеко не установлены.

На основной дьяковской территории, в области Верхнего Поволжья, намечаются две такие группы — восточная и западная. К первой из них относятся городища Костромской, Ивановской, Горьковской, Владимирской и частично Ярославской областей, ко второй — городища западной части Ярославской области, Московской и Калининской областей и северо-восточных районов Смоленской области. При наличии ряда общих черт в костяных и железных изделиях, а также в керамике, — что не позволяет при настоящем состоянии материалов провести между этими группами четкую границу, — в их материальной культуре имеются и существенные различия. Еще в работах 1941 г.¹ мной было отмечено, что на городищах восточной группы, в керамике которых нередко сказывается близость ананьинской и пьяноборской культур Прикамья, неоднократно были встречены остатки прямоугольных жилищ — землянок, тогда как на городищах западной группы обнаруживаются следы жилищ совсем иного облика — наземных построек столбовой конструкции. Такие характерные изделия из глины, являющиеся, несомненно, важным этнографическим признаком, как «грузики дьякова типа», свойственны преимущественно западнодьяковской культуре². То же самое следует сказать о типичных дьяковских бронзовых изделиях, прежде всего о наконечниках булавок. Они известны лишь на городищах западных частей дьяковской территории.

После многолетних археологических работ на городищах Смоленщины, по некоторым признакам сближающихся с литовскими пилькальнисами³, мне стала очевидной еще одна черта, отличающая западные дьяковские городища от восточных. Речь идет о том, что эти городища, подобно смоленским и в отличие от восточнодьяковских, нередко бывают очень сильно укреплены. Они часто имеют мощную систему валов и рвов, иногда круговую двухъярусную; их площадка по краям бывает подсыпана, склоны искусственно обработаны, площадка иногда возвышается над валами. Все это, возможно, было связано с особым расположением построек на площади городищ, подобным планировке городища Тушемля на Смоленщине⁴.

¹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 22, 28—30, 42, 43, 90; е го же. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 12, 13, 18, 19.

² П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2, стр. 72, 73.

³ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4.

⁴ Там же, стр. 179—181.

В качестве примеров верхневолжских городищ с мощными укреплениями назову исследованные О. Н. Бадером городища Иваньковское и Пекуновское⁵, городище Топорок, имеющее земляные укрепления по всему периметру площадки⁶, круглые в плане Попельковское I и Фомино городища⁷ и многие другие.

Городища такой же конфигурации известны и в области Валдайской возвышенности — на р. Мсте и побережье многочисленных озер. Два таких городища, относящихся ко второй половине I тысячелетия до н. э., судя по архаической текстильной керамике, были обследованы мной в 1929 г. по верхнему течению р. Мсты у с. Алексеевского. Весной 1941 г. мной и Н. Н. Гуриной на территории среднего течения Мсты найдены два сильно укрепленных городища: одно — на правом берегу реки у дер. Полоное, другое — на р. Увери у дер. Дубье. Оба городища оказались поздними, относящимися к середине или третьей четверти I тысячелетия н. э.⁸

Круглое городище, окруженное валом со всех сторон, известно на Кафтинском озере около дер. Чешуйки. Оно было осмотрено в 1903 г. А. А. Спицыным. Другое городище на этом озере, по форме овальное, укрепленное валом и рвом по всему периметру и дополнительными укреплениями со стороны плато коренного берега, А. А. Спицын сравнивал с верхневолжскими (тверскими) городищами.

Тогда же, в 1903 г., А. А. Спицын обследовал два городища около Бологое — одно на Бологовском озере, другое на соседнем оз. Глубочица⁹. Оба эти городища были осмотрены мной в 1935 г., причем на первом из них произведены небольшие раскопки, в процессе которых выявлены остатки жилого сооружения. Материалы раскопок остались неопубликованными, если не считать краткого упоминания о них в сборнике отчетов «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.»¹⁰.

В связи с изучением устройства смоленских городищ я заинтересовался близкими им по форме верхневолжскими и валдайскими памятниками, в частности Бологовским городищем, предполагая продолжить на нем раскопки, начатые в 1935 г. Осмотр городища весной 1960 г. принес, однако, горькое разочарование. Отмеченный на плане 1935 г. небольшой карьер (из которого брали песок), примыкавший к городищу с запада¹¹, за прошедшую с того времени четверть века во много раз разросся и поглотил городище почти целиком. Настоящая публикация посвящена, таким образом, памятнику, ныне уже не существующему.

Бологовское городище, называемое местным населением «Шведской горкой», находилось на западном берегу озера около «Узей» — суженной части озера, отделяющей Бологовский плес от Медведевского плеса (рис. 13—1, 2). Против городища, по другую сторону «Узей», находится мыс, занятый некогда знаменитой Бологовской неолитической стоянкой (рис. 13—1, 1). Ныне на «Узях» построен большой мост, через который проходит прорезавшая место стоянки широкая шоссе́нная дорога, соединяющая Бологое с Ленинским поселком.

⁵ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 90—94, 109—116.

⁶ Ю. Г. Генду́не. Городище Топорок. Труды Второго областного Тверского археол. съезда. Тверь, 1906, стр. 261—275.

⁷ Раскопки Н. А. Смирнова в Клинском уезде — ЗОРСА, т. V, вып. I, 1903, стр. 143—145; Н. Е. Макаренко. Поездка в 1903 г. по верхнему течению р. Волги. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 81, 82.

⁸ Н. Н. Гурина. Результаты археологического обследования среднего течения р. Мста. СА, XIII, 1950, стр. 308—310.

⁹ А. А. Спицын. Поездка на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 66—72. А. А. Спицын назвал городище на Бологовском озере Медведевским по имени соседней с Бологое дер. Медведево. Это название, однако, не стало общепринятым.

¹⁰ М.—Л., 1941, стр. 69, 70.

¹¹ Там же, стр. 71.

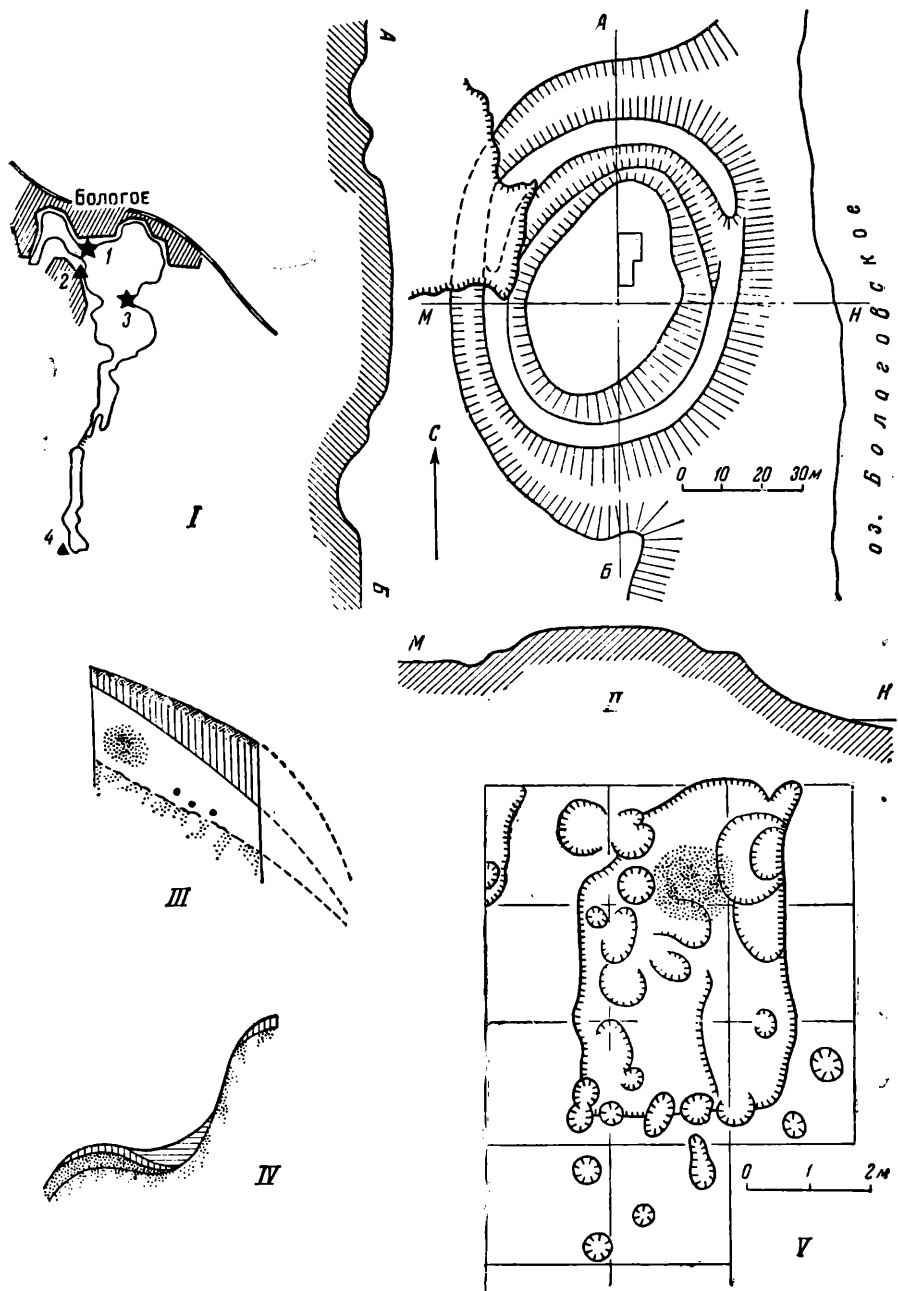

Рис. 13. Археологические памятники в окрестностях г. Болгое

I — на побережье Болговского озера; *II* — план и профили Болговского городища; *III* — профиль вала; *IV* — профиль края площадки (по А. А. Спицыну); *V* — план остатков жилого сооружения. 1 — Болговская стоянка; 2 — Болговское городище; 3 — стоянка у д. Высокое; 4 — «Райгородок».

Местом городища являлось всхолмление на высоком берегу озера, расположенное между двумя небольшими оврагами. План городища с горизонталями через 0,5 м, опубликованный в упомянутом выше сборнике отчетов, оказался очень «слепым»; на нем трудно отличить естественные детали рельефа от искусственных сооружений. Поэтому здесь дается другой, «комментированный» план, сопровождаемый продольным и поперечным профилями (рис. 13—*II*).

Площадка городища, вытянутая с севера на юг, имела неправильные овальные очертания. Ее длина составляла 48 м, ширина — 36 м. С севера и северо-запада площадку ограничивал ров, с востока — склон к озеру, с юга и юго-запада — широкий овраг. За рвом, глубина которого от среднего уровня площадки составляла 3—4 м, возвышался вал, гребень которого был на 2 м ниже уровня площадки. Наружный склон вала уходил в овраг, охватывавший место городища с севера.

На уровне вала, являясь его непосредственным продолжением, по восточному, южному и западному склонам городища проходил искусственно сделанный уступ, располагавшийся, как и гребень вала, на 2 м ниже среднего уровня площадки. Ширина уступа составляла 4—5 м. Снаружи его ограничивали крутые склоны к озеру и в овраг. Общая высота городища над уровнем озера была равна 15—16 м.

Несмотря на то, что городище осталось далеко не полностью исследованным, система его ограждений не вызывает каких-либо сомнений. По краю площадки шла деревянная ограда, об остатках которой будет сказано ниже. Вал и уступ со второй деревянной оградой составляли нижний ярус укреплений. Следовательно, Бологовское городище, подобно многим верхневолжским и смоленским городищам, имело двухъярусную конструкцию укреплений, характерную для литовских пилькальнисов.

Судя по находкам текстильной и штрихованной керамики позднего типа, неорнаментированной грубой керамики с венчиками, покрытыми насечками или зашипами, и неорнаментированной керамики с гладкими венчиками, жизнь на городище продолжалась не менее 500—600 лет, в течение первой половины и середины I тысячелетия н. э. В связи с этим встает вопрос о времени сооружения обрисованной выше системы укреплений. На основании данных А. А. Спицына и наблюдений 1935 и 1960 гг. можно сделать вывод, что система укреплений на городище создавалась постепенно, получив окончательное оформление лишь в конце его истории.

В 1903 г. вал и ров городища были прорезаны А. А. Спицыным узкой траншеей. Места этой траншеи мне отыскать не удалось, но по всем данным она находилась там, где в 1935 г. располагался карьер. Полученный А. А. Спицыным профиль показал, что укрепления сооружались в три приема: сначала вдоль склона был вырыт ров, и пространство между рвом и склоном образовало подобие вала; затем вал был подсыпан чистым песком; во время третьего этапа работ вал был вторично подсыпан темно-серым песком (рис. 13—IV)¹². В 1935 г. я имел возможность видеть профиль вала и рва на западном склоне городища в двух местах — в отвесных стенках карьера; в 1960 г. мне удалось видеть профиль в стенке карьера в северо-восточной и северо-западной частях городища. Оказалось, что первоначальный вал, насыпанный из чистого песка, имел сравнительно небольшую протяженность (30—35 м), закрывая пространство между вершинами оврагов в северо-западной части городища. При вторичной подсыпке, когда для насыпи был использован серый песок, оказавшийся перемешанным с культурным слоем, протяженность вала была значительно увеличена: он охватил склон городища не только с северо-запада, но и с северо-востока. Осталось невыясненным, с каким строительным периодом должно быть связано сооружение уступа на восточном, южном и западном склонах городища. Но, во всяком случае, в последние периоды он являлся неотъемлемой частью системы укреплений.

А. А. Спицыным на городище была заложена также небольшая траншея в самой верхней части склона, обращенного к озеру. Культурный слой состоял здесь из двух горизонтов (рис. 13—III). Нижний горизонт, сложенный из серого песка с включениями угля, содержал обуглившиеся бревна — остатки деревянной ограды, окружавшей площадку. Ближе к площадке слой

¹² А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 70, 71.

имел мощность до 1,5 м, выклиниваясь ниже по склону. Верхний горизонт черного или темно-серого цвета, содержащий большое число культурных остатков, у края площадки имел мощность 0,35 м. Ниже по склону в пределах траншеи (4 м) его толщина возрастала до 1,5 м. По мнению А. А. Спицына, верхний слой образовался в результате оползания гумусированного культурного слоя уже после того, как жизнь на городище прекратилась. По его наблюдениям, характер находок в том и другом слое был одинаков. Осмотр обнажений извилистого края карьера в северо-восточной части городища в 1960 г. позволил внести в объяснение А. А. Спицына существенный корректив. Верхний горизонт культурного слоя по материалу оказался аналогичным верхнему горизонту насыпи вала. Темный верхний слой в верхней части склона, содержащий культурные остатки, — это не сползший культурный слой, а результат подсыпки культурным слоем краев площадки во время последнего строительного периода. Профиль верхней части склона, данный А. А. Спицыным, можно продолжить вниз по склону, так, как это показано на рис. 13—IV. Именно поэтому характер находок в нижнем и верхнем горизонтах слоя оказался одинаковым.

В 1935 г. на площадке городища, ближе к ее северной стороне, была исследована площадь в 60 кв. м. Лежавший непосредственно под дерном черный углистый культурный слой имел здесь толщину от 0,25 до 0,28 м; его подстилал светлый желтый песок. В культурном слое встречены большое количество обожженного расколотого камня и керамика разного времени — текстильная и грубая, неорнаментированная. Кости животных и костяные изделия в песчаном культурном слое городища не сохранились. Остатки жилого сооружения, открытые в 1935 г., относились к первым столетиям истории городища, к тому времени, когда посуда его обитателей еще украшалась текстильными отпечатками. От жилища сохранилась неправильно-прямоугольная западина размерами около 4 × 6 м, углубленная в материк на 0,05—0,1—0,15 м (рис. 13—V). Внутри этого углубления, имевшего относительно крутые края, и около него было большое число ям от вертикальных столбов разного размера и 0,3—0,5 м глубиной. Особенно определенным был ряд из семи ям, ограничивавший южную сторону сооружения. Ямы внутри сооружения, в его северной половине, были менее четкими, по форме котлообразными.

В центре северной части сооружения на уровне древнего земляного пола, лежащего на 0,05—0,1 м выше чистого материка, среди углисто-зольных пятен найдено несколько крупных обожженных камней. По-видимому, здесь был очаг. К сожалению, камни не были занесены на план сооружения. На этом же уровне в пределах сооружения обнаружены крупные фрагменты керамики, а около предполагаемого очага — несколько точильных камней из песчаника и сланца, каменный пест, обломанный нож, глиняный льячек, часть железного серпа, обломки орнаментированного пряслица и «грузика дьякова типа», два бронзовых украшения — согнутая проволочная булавка или серьга и бляшка.

Плохая сохранность остатков сооружения не позволяет восстановить его полный облик. Бесспорно лишь, что это была не землянка, а наземная постройка столбовой конструкции, земляной пол которой лежал или на уровне дневной поверхности, или же был ниже на несколько сантиметров.

На основании верхневолжских параллелей можно установить, что ранней текстильной керамики, относящейся ко второй половине I тысячелетия до н. э., на Бологовском городище не найдено. В пределах жилища и в культурном слое обнаружена в небольшом количестве поздняя текстильная керамика — грубая, толстостенная, с примесью дресвы и шамота в глине, с небрежной орнаментацией. В пределах жилища найдена также неорнаментированная посуда, абсолютно преобладающая в верхней части культурного слоя. Встречено несколько фрагментов глиняных сосудов, покрытых штриховкой, характерных для городищ Северной Белоруссии и Литвы,

А. А. Спицыным на городище был найден фрагмент черной лощеной керамики, встречаемой на дьяковских городищах вместе с неорнаментированной посудой, венчик которой имеет насечки или защипы. На Бологовском городище керамика такого типа попадает чаще всего. На нескольких фрагментах такой керамики был ряд защипов или грубых вдавлений, нанесенных по плечу сосуда. В небольшом числе имеется грубая лепная посуда с гладким венчиком, по моему мнению, — наиболее поздняя, относящаяся к середине и, возможно, третьей четверти I тысячелетия н. э.

Перечисленные выше вещи, найденные в пределах жилого сооружения, вместе с текстильной керамикой относятся к первым векам нашей эры. Из них наиболее интересны бляшка и булавка или серьга, уже получившие освещение в литературе¹³. Вещи, обнаруженные на городище А. А. Спицыным, — две железные булавки, застёжка, наконечник стрелы, два ножа — являются обычными находками на западнодьяковских городищах.

Второе городище у Бологое — «Райгородок» на оз. Глубочиха, — относящееся к тому же времени, что и первое, по форме еще более характерно (рис. 13—1, 4). Оно занимает высокий холм у юго-западной оконечности озера. Овальная площадка размером 30 × 50 м окружена со всех сторон невысоким валом. Несколько выше средней части склонов, приблизительно на 10 м ниже уровня площадки, склоны городища опоясаны со всех сторон двумя валами и рвами; со стороны, обращенной к озеру, имеется еще и третий вал. Это настоящий пилькальнис с четырьмя ярусами укреплений!

До настоящего времени главным признаком дьяковской культуры считалась текстильная керамика. Возможно, что это неправильно. Форма укреплений и тип жилища являются не менее важными культурно-этническими признаками. На их основании, а также принимая во внимание некоторые другие, отмеченные выше, элементы культуры, следует поставить вопрос о существенном культурно-этническом различии западнодьяковской и восточнодьяковской культур.

¹³ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 80, 81; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 101, 102.

С. Н. О Р Л О В

ГОРОДИЩЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
В НИЗОВЬЯХ РЕКИ ЛОВАТИ¹

В 1958 г. экспедиция Новгородского государственного педагогического института, Новгородского областного управления культуры и Боровичского музея доследовала остатки городища под названием «Городок» на правом берегу р. Ловати, в Старорусском районе Новгородской области². Краткие сведения о Городке имеются в статье А. Елисеева³. В 1957 и 1958 гг. остатки поселения были обследованы М. М. Аксеновым и С. Н. Орловым.

Городище Городок находится на северо-восточном конце современного поселка Городок, Юрьевского сельсовета, Старорусского района. Оно расположено на возвышенной оконечности дюнного всхолмления на правом берегу р. Черенки, которая является глухим рукавом р. Ловати и находится в 300 м от современного правого ее берега. В более древний период р. Черенка, очевидно, была основным руслом р. Ловати, на берегу которой и находилось поселение. Оно представляет собой площадку овальной формы, вытянутую с юга на север, расположенную на восточной возвышенной оконечности дюны. Размеры площади, занятой поселением, были около 40 м в длину и 30—35 м в ширину; сейчас ширина ее не превышает 15 м, остальная (восточная) часть смыта водой и развеяна ветрами. Площадка находится на высоте 9,5 м над современным уровнем летнего стояния воды в р. Черенке; никаких следов искусственных укреплений сейчас не прослеживается, но крутые склоны холма служили естественной защитой для поселения.

Культурный слой в нетронутом виде сохранился в южной части всхолмления. В центральной и северной частях площадки культурный слой разрушен при строительстве водонапорной башни, а в военное время, кроме того, блиндажами и траншеями. На сохранившейся южной части площадки был заложен раскоп площадью около 120 кв. м. Сверху под дерном оказались перемешанный и передутый мелкий, пылеватый песок и куски бетона от разрушенной водонапорной башни (0,8—1 м). Древний культурный слой поселения выступал ниже под слоем навейного песка. Культурный слой в виде песка черного, углистого цвета с массой осколков пережженного камня имел толщину 0,4—0,6 м, доходя до 0,8 м в понижениях. Ниже залегал мелкий материковый песок желтого цвета.

Раскопками обнаружены развалы трех печей-каменок. Все три развала печей, окруженные углистой массой с золой, находились на поверхности культурного слоя. При расчистке толщи культурного слоя часто встречались отдельные валуны. Около развала печи в квадратах 2 и 8 лежали ос-

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА 20 декабря 1958 г.

² В работе экспедиции принимали участие М. М. Аксенов, сотрудник Боровичского музея, и Л. Н. Захарова.

³ А. Е л и с е е в. К археологии и антропологии Ильменского бассейна. Журнал Министерства народного просвещения, апрель — май 1881 г.

татки обгорелых бревен длиной 0,8—0,9 м и диаметром около 0,2 м. Возможно, что развал печи и головешки представляют собой остатки одного сгоревшего наземного жилища. При расчистке развала этой печи, кроме отдельных обломков лепной керамики, в квадрате 8 в углистом слое найдены железное кольцо и железный серп (рис. 14—4).

Остатки второй печи-каменки расчищены в квадратах 9, 10, 18 и 19. Завал камней и углистая масса также находились поверх культурного слоя, непосредственно под слоем перемешанного песка. Камни лежали и кучками, и в рассыпку. По бокам в основании печей, как правило, помещались более крупные и неперезженные валуны. В центре многие камни рассыпались до дровы.

В квадратах 19, 20, 25, 26, 29 и 30 обнаружен третий развал печи-каменки, подобный двум первым. Здесь также наблюдались развалы валунов: перегоревшие — в центре, а небожженные, более крупные — по бокам. Камни лежали на поверхности культурного слоя в смеси с углисто-зольной массой толщиной до 0,1 м. Кроме обычной лепной керамики, здесь найдены зернотерка — очень сглаженная сланцевая плита и каменный пест, стертый с двух сторон.

Таким образом, все три развала печей-каменок, обнаруженные в раскопе, находились на поверхности культурного слоя и относились к поздней, завершающей стадии жизни поселения. Печи расположены на одной линии и представляют как бы остатки трех рядом стоявших хижин. Судя по остаткам головешек, не исключена возможность, что все три постройки сгорели от пожара.

При разборке культурного слоя вскрыты пять ям. На краю обрыва (в квадратах 15 и 16) оказалась яма № 1, заполненная обычным плотным черно-углистым слоем гумуса с остатками перегоревшего камня. В ней, кроме отдельных черепков лепной керамики, найдено целое дно от крупного лепного горшка, изнутри украшенное вдавлениями, расположенными по периметру дна и по центру в виде креста (рис. 14—2).

В квадратах 5, 6, 10 и 11 была вторая яма, размерами около 3×3 м и глубиной до 0,6 м, заполненная тем же черно-углистым слоем с перегоревшим камнем. В ней собрано много обломков лепной керамики, в том числе целые днища. Найдены зубы лошади и кости животных.

В квадрате 4 в основании культурного слоя расчищено небольшое углубление в материке (0,8 × 0,8 м, глубиной 0,3 м). На дне его оказались раздавленный глиняный лепной горшок и зубы крупного животного.

В квадратах 10, 11, 19 и 20 обнаружена яма № 3 длиной около 4 м и шириной около 2 м, вытянутая с юга на север; глубина ее ниже поверхности материка на 0,3 м. Яма была заполнена черным слоем. Кроме обломков лепной керамики, здесь ничего не найдено.

В квадратах 19, 20, 21, 23, 24, 26, 30 и 31 наблюдалось понижение с крутыми стенками (яма № 4). Наибольшая ширина — 4 м, глубина — не более 0,2 м, но на северном и южном концах имелись углубления, доходившие до 0,6 м от уровня поверхности материка.

Яма № 5 (в квадратах 31, 32, 33, 34 и 35) — круглой формы, диаметром 2 м; наибольшая глубина ее от поверхности материка — 0,5 м. В заполнении ямы, в черном культурном слое, найдены обломки лепной керамики.

Открытые ямы никак не связаны с остатками печей, потому что культурный слой в виде черной углистой массы заполняет и ямы, и тянется под основания печей-каменок; это отложения, более ранние, чем время бытования печей. Ямы относятся к более древним комплексам, но назначение их неясно. Судя по находке целых горшков на их дне, очевидно, это были хозяйственные ямы, типа погребов.

В остатках задернованных участков в северной и западной частях городища, по нашим наблюдениям, культурных отложений не сохранилось. Может быть, небольшие участки нетронутого культурного слоя древнего

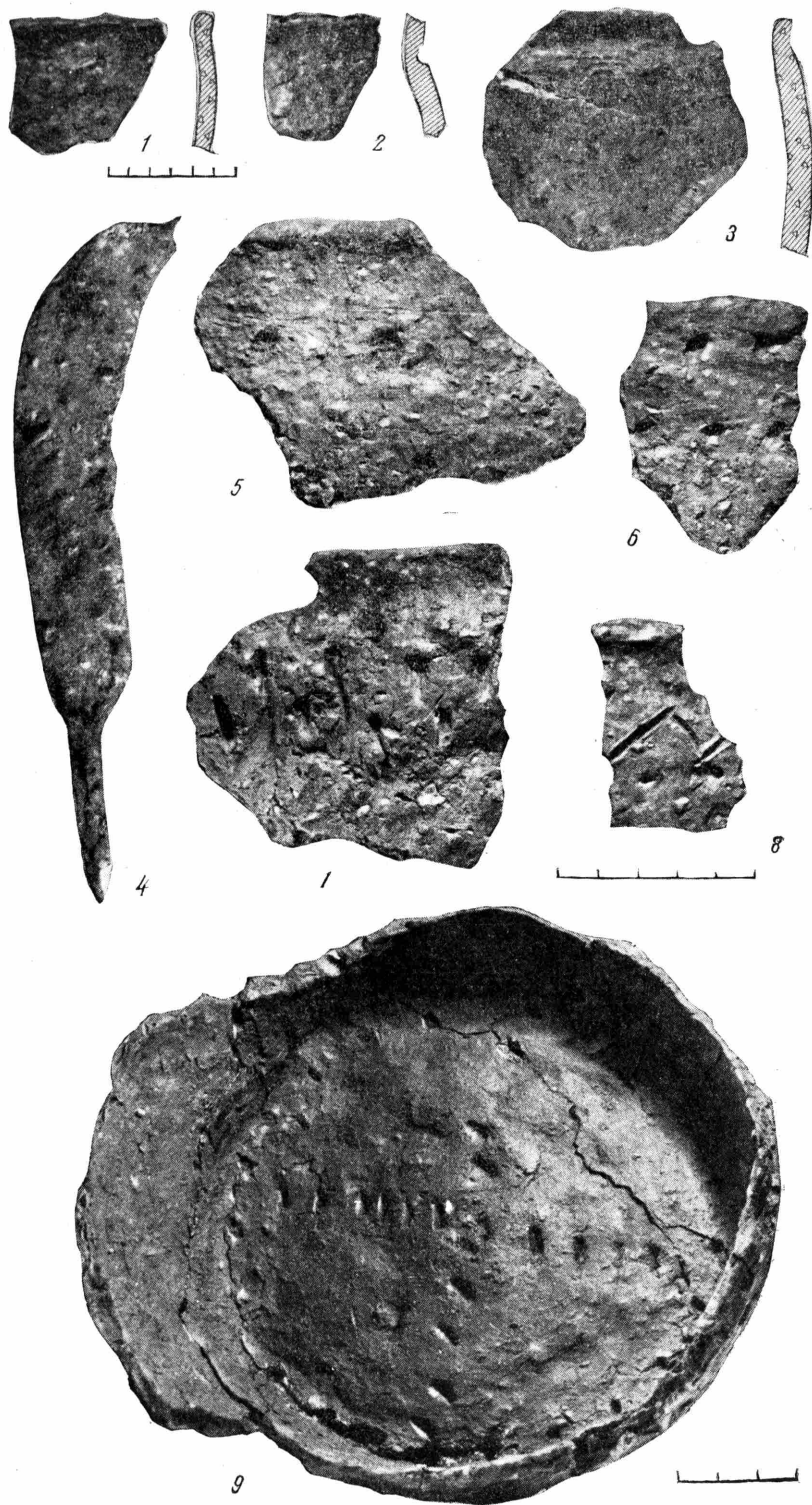

Рис. 14. Керамика (1—3, 5—9) и железный серп (4) с городища Городок.

поселения сохранились под выбросами из траншей и блиндажей в центральной и северной частях городища. Но проверить это мы не имели возможности. Маловероятно, чтобы на этой площади нашлись неперекопанные слои, поэтому данный памятник можно считать исчерпанным.

Приведем краткую характеристику собранной в раскопе керамики.

Всего найдено 487 обломков от лепных горшков, из них — около 60 остатков нижней части горшков с плоским дном и один целый горшок. Из общей массы керамики 94 обломка (около 20%) носят на себе следы штриховки снаружи или изнутри и 14 обломков снаружи имеют отпечатки мелкой сетки от ткани. Остальные обломки гладкостенные, без штриховки. По характеру изготовления вся керамика очень грубая; глина содержит большое количество примеси дресвы, часто крупных зерен, которые придают неровную поверхность посуде. Обжиг не всегда равномерный: некоторые горшки прожжены насквозь и имеют черный цвет, а иногда стенки горшков в изломе состоят из двух слоев — темного и бледно-желтого. Керамика очень слабая и в момент нахождения, как правило, обсыпалась с краев.

Орнаментом украшено свыше 100 обломков. Он состоит из различной формы ямок или насечек, редко расположенных только в верхней части сосуда и не более чем в два ряда (рис. 14—6). В одном случае отмечен орнамент в виде зигзагообразной линии, нанесенной ниже венчика (рис. 14—8). Так называемая сетчатая керамика, которой найдено 14 фрагментов, отличается от обычной текстильной более глубокими отпечатками ногтеобразной формы (рис. 14—3). Некоторые венчики горшков имеют насечку или точечные вдавления по верхнему краю.

Профили горшков можно наблюдать на 80 обломках с венчиком. Все горшки слабо профилированы, приближаясь к банке (рис. 14—1—3). Дно всегда плоское и широкое. Поверхность целого горшка из квадрата 4 снаружи покрыта глубокой штриховкой, поверх которой ниже венчика, по тулову, идут два ряда ямок. Дно сосуда изнутри исколото бессистемно расположенными ямками.

Кроме упомянутых железных предметов — серпа и двух колец, в квадрате 18 найден железный стержень длиной 12,6 см, один конец которого имеет вид лопаточки с острым краем. Второй конец стержня служил для насады. Диаметр стержня — 0,4 см. В разных местах культурного слоя обнаружены четыре кремневых отщепа без следов дополнительной обработки. В шурфе на северном склоне городища найден кремневый наконечник стрелы с обломанным черенком. Длина наконечника — 6 см.

Судя по керамике, поселение можно датировать началом нашей эры. Ближайшей аналогией памятнику является городище Подгай около города Торопца, изученное Я. В. Станкевич. Нижний слой городища Подгай автор датирует первыми веками нашей эры⁴.

Керамика с поселения Городок полностью соответствует керамике с городища Подгай по составу глины, орнаменту, технике и формам. Там и тут преобладают обломки гладкостенных сосудов. Фрагменты штрихованной и сетчатой керамики не превышают 20%⁵. Железный серп (рис. 14—4) находит полные аналогии в серпах этого времени с поселений лесостепной полосы⁶.

Судя по находке серпа, зернотерки и костей лошади, можно заключить, что основными занятиями жителей Городка были земледелие и скотоводство. В Приильменье пока это единственный памятник со штрихованной керамикой, и он является самым северным пунктом этой культуры, основные центры которой находятся в Белоруссии и Прибалтике.

⁴ Я. В. Станкевич. Исследование памятников I тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины за 1949—1951 гг. КСИИМК, вып. 52, 1953.

⁵ Я. В. Станкевич. Указ. соч., стр. 62, 63.

⁶ Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК. вып. 77, 1959, стр. 113, рис. 51—За. 36.

М. А. ТИХАНОВА

РАЗВЕДКА В РАЙОНЕ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ
РЕКИ ГОРЫНИ

Днестровско-Волынской экспедицией ЛОИА в 1959 г., помимо раскопок на поселениях III—IV вв. у с. Лепесовка¹, была проведена разведка — обследование верхнего течения р. Горынь от ее истоков у с. Волица в Тернопольской области до местечка Белогорье в Хмельницкой области (рис. 15)².

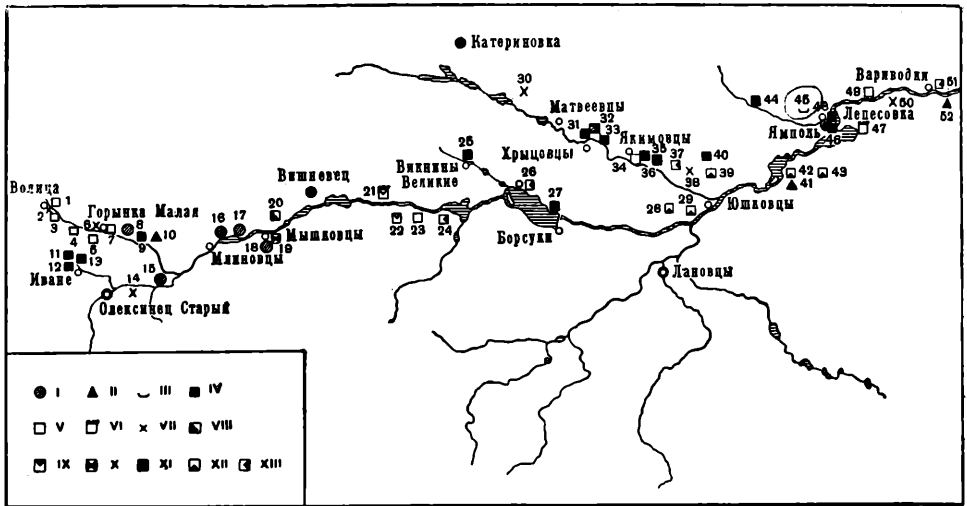

Рис. 15. Карта археологической разведки 1959 г.

I — находки неолитических орудий; II — поселения времени поздней бронзы — раннего железа (IX—III вв. до н. э.); III — погребение поморской культуры (V—III вв. до н. э.); IV — поселения черняховской культуры (волынский вариант); V — селища средневековые (X—XIII вв.); VI — городища средневековые (X—XIII вв.); VII — поселения, культурная принадлежность которых не выяснена; VIII — поселения со слоями эпохи бронзы (IX—III вв. до н. э.) и средневековыми; IX — поселения с трипольским и средневековыми слоями; X — поселения со слоями эпохи бронзы, черняховским, средневековым; XI — поселения со слоями эпохи бронзы и черняховским; XII — поселения со слоями IX—III вв. до н. э. и средневековым; XIII — поселения с черняховским и средневековым слоями. Значение № 1—52 объяснено в тексте.

Обследованы не только берега самой Горыни, но и ее притоков — Добрынки и Горынки. Участок этот представляет местами довольно холмистую местность, кое-где заболоченную, особенно на участке от с. Боршовка до

¹ М. А. Тиханова. Днестровско-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 93—95.

² Разведочный отряд (руководитель — Д. А. Мачинский), разбившись на две группы, вел одновременно обследование обоих берегов реки и ее притоков, начав с истоков Горыни и двигаясь в направлении с запада на восток.

с. Юшковцы и от с. Олшаницы до Белогорья. Всего обследовано 52 пункта, в основном — поселения.

Погребение обнаружено только одно (№ 45) — у с. Лепесовка, в колхозном саду, в 1,5 км к северо-западу от поселения первой половины I тысячелетия н. э., на котором ведутся раскопки. Обнаружено оно было случайно — при посадке сада местным сторожем. Это — урновое захоронение поморской

Рис. 16. Урна из погребения близ с. Лепесовка.

культуры V—III вв. до н. э. Урна вынута в разбитом виде, потом реставрирована (рис. 16). По словам находчика, в ней не было ничего, кроме маленькой кучки пережженных костей, которые, как и обломки сосуда, были им тщательно собраны и переданы начальнику экспедиции. Обследование места находки (здесь глубокая канава) дало лишь несколько обломков лепной керамики того же типа. Находка погребения у с. Лепесовка фиксирует самый восточный из известных в настоящее время пунктов поморской культуры.

Остальные обследованные пункты распределяются следующим образом: 5 единичных находок каменных орудий; 2 городища начала II тысячелетия н. э.; 25 однослойных поселений, из них три — эпохи бронзы и раннего железа, 14 поселений — первой половины I тысячелетия н. э.; 13 поселений — смешанные. В последних сочетания различные: поселения черняховские, подслоенные поселениями эпохи бронзы, притом иногда перекрытые средневековым слоем; черняховские, не подслоенные ничем, но перекрытые поселениями X—XIII вв.; поселения X—XIII вв., расположенные на трипольских поселениях, на поселениях эпохи бронзы и раннего железа; 6 поселений не были определены.

Наиболее многочисленны, во-первых, поселения первой половины I тысячелетия н. э., представленные 14 однослойными (по подъемному материалу) и 6 «смешанными» поселениями, в которых слой культуры полей погребений подслаивается или перекрывается инородным; во-вторых, — поселения X—XIII вв.: 8 однослойных селищ, 2 городища и 12 открытых поселений, на

которых слой начала II тысячелетия н. э. подслаивается другим, более ранним.

1. Единичные находки орудий из кремня встречены в следующих пунктах:

Пункт 8. На левом берегу р. Горыни, у с. Горынка-Малая. На пашне, против мельницы, на правом берегу реки обнаружен обработанный отщеп кремня.

Пункт 15. На правобережье р. Горыни, на левом берегу ее притока Добрынки (напротив с. Черед) найден обработанный отщеп кремня.

Пункт 16. На левом берегу р. Горынки к востоку с. Млыновцы, у с. Бутьнь обнаружен кремневый нуклеус.

Пункт 17. На первой возвышенности левого берега р. Горыни к востоку от с. Млыновцы встречены два кремневых отщепа.

Пункт 18. На левом берегу р. Горыни на первой возвышенности (за с. Мышковцы) найдены два кремневых отщепа.

2. К однослойным поселениям эпохи бронзы и раннего железа относятся:

Поселение 10. На высоком левом берегу р. Горыни к востоку от с. Горынка-Малая, за долиной у хутора «урочище Масловщина» на пашне (на участке размером 10—12 кв. м) оказалось большое количество обмазки и лепной керамики — «хроповатой», чернолощеной и «скифоидной» (со сквозными дырочками и валикообразными налестками). Многие фрагменты — с орнаментом.

Поселение 41. На правом берегу р. Горыни, ниже с. Вязовцы, на первой возвышенности вниз по течению реки найдены почти целая лепная чарка и фрагмент лепной керамики.

Поселение 52. На правом берегу р. Горыни, на склоне высокого коренного берега, не доходя с. Сушковцы, встречена керамика эпохи раннего железа.

3. На однослойных поселениях первой половины I тысячелетия н. э., вольнского варианта культуры полей погребений, гончарная керамика черняховского облика сочетается с лепной, ясно выраженной пшеворской керамикой. Такие поселения встречаются на всем протяжении обследованного участка реки, причем в некоторых пунктах — «кустами», по 2—3 поселения, которые располагаются чрезвычайно близко одно от другого. Поселения эти следующие:

Поселение 9. Находится на левом берегу р. Горынки к востоку от с. Горынка-Малая, на невысоком мысу, образованном течением реки и глубокой и широкой долиной, около хутора «урочище Масловщина» (или «урочище біля камня»). На поверхности встречено большое количество фрагментов керамики, среди которых есть довольно крупные, а также глиняная обмазка с отпечатками деревянных конструкций. Тут же оказалась праща (?) из кремня. Керамика — гончарная, серая, лощеная и кухонная; есть несколько обломков лепной.

Поселения 11, 12 и 13. Расположены на правобережье р. Горынки в районе с. Иване. Поселение 11 находится неподалеку от с. Иване у истоков ручья Безодня. На поверхности найдены фрагменты лепной и гончарной керамики — серой лощеной и кухонной; среди обломков лепной есть два со следами вторичного действия огня. Попадают куски обмазки. Поселение 12 обнаружено на правом берегу того же ручья. Здесь встречены редкие находки гончарной керамики — серой лощеной и кухонной. Фрагменты мелкие. Тут же найден обломок грузила. Поселение 13 расположено на левом берегу ручья Безодня, на месте, называемом Гаек. На поверхности оказалось много лепной пшеворской керамики, в том числе «хроповатой», и гончарной — серых и желтых лощеных и кухонных сосудов. Единично встречались обломки посуды X—XI вв. Найдены также обломки оселков, полувина грузила, большое количество обмазки. Местами прослеживались ее

скопления, а также пятна с более светлой окраской почвы. Общая протяженность селища — около 600 м (вдоль берега ручья Безодня). На селище были заложены 2 шурфа; один из них — размерами 1,5 × 1 м, затем прирезали еще 0,75 м. На глубине 0,25—0,3 м в северо-западном углу обнаружен слой слабо обожженной глины, толщиной 5—12 см. Насыщенность слоя незначительная — немногочисленные фрагменты гончарной черняховской керамики, а также лепной. Второй шурф — размерами 1,3 × 1,5 м. На глубине 0,2—0,25 м оказались обожженная глина и камни. При разборке развала обнаружены немногочисленные фрагменты гончарной серой лощеной и лепной керамики, обломки жернова, грузила (пять целых и три обломка). Под развалом залегал слой необожженной глины (не материковой). Культурный слой, прорезанный вторым шурфом, сильно насыщен обмазкой и углем. Как показали сбор подъемного материала и шурфовка, в этом пункте имеется большое поселение, с обильными культурными остатками, видимо, довольно хорошей сохранности. Напомним, что около с. Иване еще давно находили римские монеты; встречались монеты императоров Антонина Пия (138—161 гг.) и Дидия Юлиана (193 г.).

Поселение 25. Находится у с. Викнины-Велики на левом берегу безымянного ручья, впадающего в Горынь. Поселение на восточной окраине современного села, хорошо известное по раскопкам М. Ю. Смишко³ в 1940 г., было повторно нами обследовано в 1956 г. Здесь тогда были заложены два шурфа и собран большой подъемный материал. Характеристика поселения, данная М. Ю. Смишко, полностью подтвердилась. Дополнительным и весьма интересным штрихом явилась находка фрагмента расписного кельтского сосуда. Обследование 1956 г. показало также сильную разрушенность памятника⁴. Ту же картину обнаружила и разведка 1959 г. На поселении в Викнинах-Великих собран довольно многочисленный материал: обломки сероглиняной гончарной столовой и кухонной посуды, лепной «хрповатой» и лощеной пшеворской, а также фрагменты керамики X—XI вв. и эпохи раннего железа, с «жемчужным» орнаментом. Поиски других поселений в окрестностях Викнин-Великих сказались безрезультатными.

Поселение 27. Расположено на левом берегу Горыни против с. Борсуки, на берегу пруда («става»), на невысоком обрыве, между птицефермой и рыбхозом. На территории протяженностью около 300 м в длину и около 40 м в ширину прослеживаются в большом количестве фрагменты керамики, преимущественно сделанной на гончарном круге, сероглиняной. Часто встречаются кости животных, изредка — куски обмазки. В подъемном материале пшеворский элемент очень незначителен. Среди фрагментов есть один образец «штампованной» керамики. Тут же найдены пряслице и точильный камень. При обследовании берегового обрыва в обресе отчетливо виден культурный слой (мощностью 0,4 м) с гончарной черняховской керамикой.

На поселении были заложены три шурфа. Первый шурф, размерами 2 × 1,2 м, доведен до глубины 0,7 м. В первых штыках встречены обмазка, обломок грузила, керамика, сделанная на круге, серая лощеная и кухонная, а также лепная. Ниже часто попадались куски обожженной глины и кости. Находки керамики единичны. Второй шурф, размерами 2 × 1 м, доведен до глубины 0,8 м. Здесь верхние горизонты — 0,2—0,4 м — были сильно насыщены культурными остатками — такими же, как на поверхности. На глубине 0,6 м найдены фрагменты лепной керамики пшеворского облика, в том числе обломок венчика сосуда с вогнутым краем. В третьем шурфе, размерами 2,5 × 0,8 м, характер культурного слоя оказался таким же, но чаще попадались кости животных; в 3-м штыке встречены куски плоской обмазки, в 4-м они были с отпечатками дерева. Культурный слой продолжался с

³ М. Смишко. Селище доби полів поховань у Вікнинах-Великих. «Археологія», т. I, Київ, 1947, стр. 111.

⁴ М. А. Тиханова. Отчет о работах Днестровско-Вольнского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1956 г. Рукопись. Архив ИА (Москва).

прежней интенсивностью до глубины 0,8 м. Керамика — исключительно гончарная, серая лощеная, столовая и кухонная; в том числе на глубине 0,6 м оказался фрагмент сосуда с орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком. Сохранность поселения относительно хорошая.

Далее к востоку, вплоть до с. Юшковцы, местность сильно заболочена, поэтому поселения, естественно, отсутствуют.

Следующая группа поселений первой половины I тысячелетия н. э. обнаружена к востоку от с. Матвеевцы, на левом притоке Горыни — р. Горынке. Напомним, что еще более 15 лет тому назад заведующий археологическим отделом Кременецкого музея М. И. Островский выявил здесь, на первой надпойменной террасе реки, поселение культуры полей погребений. В подъемном материале — обломки керамики, сделанной на гончарном круге, черняховского типа, и единичные обломки лепной кухонной посуды пшеворского облика⁵. Обследование 1959 г. не обнаружило никаких следов этого поселения, зато восточнее, против с. Хрыцовцы было открыто большое селище или, точнее, три поселения этой поры: два однослойных (№ 31 и 33) и одно (№ 32) двухслойное; последнее — с культурными остатками не только первой половины I тысячелетия н. э., но и эпохи бронзы. Расположены они на трех отдельных всхолмлениях, отделенных друг от друга ложбинками (Хрыцовцы I, II и III).

Поселение 31 (Хрыцовцы I). Расположено на первой возвышенности. Керамика — черняховская (серая лощеная и нелощеная), столовая и кухонная; лепной — мало, пшеворская отсутствует.

Поселение 32 (Хрыцовцы II). Находится на второй возвышенности. В подъемном материале преобладает сероглиняная черняховская керамика — столовая и кухонная; единичны обломки лепных сосудов. Встречен терочник (?) из песчаника. На селище были заложены три шурфа. Первый шурф, размерами 2 × 1,2 м, достиг глубины 0,6 м. Максимальная насыщенность — на глубине 0,25—0,5 м, но крупные куски обожженной обмазки встречались уже на глубине 1-го штыка. Ниже попадались более мелкие куски обмазки; тут же найдена заготовка кремневого серпа. Второй шурф, размерами 2 × 1,2 м, был доведен до глубины 1 м. В шурфе оказались сделанная на круге сероглиняная керамика, крупные куски обожженной обмазки, изредка — кости. Обмазка прослеживалась в основном на глубине 0,2—0,5 м; ниже насыщенность слоя культурными остатками уменьшилась. На глубине 0,8 м встречены два черепка эпохи бронзы (тшинецкой культуры). Третий шурф, размерами 2 × 1,2 м, достиг глубины 0,4 м. Уже в 1-м штыке найдены крупные куски обожженной обмазки, ниже — обмазка в более мелких кусках.

Поселение 33 (Хрыцовцы III). Расположено на третьей возвышенности. В подъемном материале с этого поселения, наряду с керамикой гончарной сероглиняной — столовой и кухонной, попадалась керамика лепная; найдены также кусок шлака и обломок изделия из кремня.

Два следующих поселения находятся тоже на левобережье р. Горынки, у с. Якимовцы.

Поселение 35. Ниже с. Якимовцы на первой возвышенности обнаружены следы поселения. Найдены лепная керамика пшеворского облика, III—IV вв. н. э. и два фрагмента гончарной; один из них — времен культуры полей погребений.

Поселение 36. Открыто на второй возвышенности ниже с. Якимовцы. Встречены обломки керамики, шлак, куски обмазки. Керамика гончарная сероглиняная — столовая лощеная и кухонная; есть также лепная керамика, в том числе и «хрповатая». Число находок на обоих поселениях невелико.

⁵ Материал не опубликован. Он хранится в фондах Кременецкого краеведческого музея, частично — в экспозиции.

Поселение 40. У с. Загорцы на левобережье р. Горыни замечены следы поселения III—IV вв. Близ пруда — в обресе берега и на поверхности — найдены немногочисленные обломки гончарной серой лощеной посуды.

Последние поселения данной культуры открыты в самой Лепесовке и ее окрестностях.

Поселение 46 (Лепесовка II). На восточной окраине с. Лепесовка, по другую сторону ручья, протекающего вдоль западной оконечности раскапываемого поселения, на участке колхозницы Ф. Копия обнаружено селище культуры полей погребений. Найдена гончарная сероглиняная керамика — столовая и кухонная, в крупных обломках. В обресе левого берега р. Горыни, против участка Ф. Копия, оказалась хозяйственная печь.

Поселение 48 (Лепесовка III). Открыто к западу от поселения 46, вдоль левого берега р. Горыни, на огородах с. Лепесовка, окола усадеб Фоминчука, Швеца и др. Встречена сероглиняная столовая и кухонная посуда; вся она сделана на гончарном круге. Поселения Лепесовка II и Лепесовка III некогда составляли, видимо, одно целое с расположенным к востоку и отделенным от них ручьем большим поселением, на котором ведутся раскопки (Лепесовка I).

Поселение 44. Расположено в урочище Заставки (в 3 км к северу от правления колхоза «Большевик» и колхозного двора и в 4 км от раскапываемого поселения Лепесовка I), на левом берегу безымянного ручья, впадающего в р. Горынь. В отличие от всех остальных, оно было обнаружено не разведочным отрядом: о находках на пашне в урочище Заставки многочисленных «черепков серой гляцевитой посуды» сообщили экспедиции местный агроном т. Гайдук и плановик колхоза «Большевик» т. Пастернак. Сообщение подтвердилось полностью. Здесь на пахотном поле, на обширном участке (до 800 м в длину и не менее 150 м в ширину) встречаются в очень большом количестве крупные обломки сероглиняной гончарной посуды. Попадают и куски обмазки; отчетливых скоплений обмазки — развалов жилищ — не наблюдается. В подъемном материале, наряду с керамикой, оказались обломки грузил, пряслице, оселки, обломки стекла. Среди керамики, в том числе и орнаментированной, отметим обломок трехручной миски-вазы с широким воротником (ширина 6,2 см), который украшен многорядной сеткой, исполненной лощением; фрагмент сероглиняной лощеной миски-жбана с богатым геометрическим орнаментом, исполненным также лощением; обломок большого сосуда с оттянутым валиком (змея?) и др. Нет сомнения, что вся эта керамика происходит из лепесовских гончарных мастерских. Тут же найден великолепный образец светло-желтого каннелированного сосуда. Поселение (по подъемному материалу) в основном однослойное; доминирующую его часть составляют культурные остатки первой половины I тысячелетия н. э., но, как и в Лепесовке, встречаются также обломки керамики эпохи раннего железа и позднеславянские.

В 16 км к северо-северо-западу от с. Лепесовка⁶, у восточной окраины современного села Малые Дедеркалы (на расстоянии 250 м), на склоне к ручью, на пахотном поле обнаружены следы большого поселения первой половины I тысячелетия н. э., длиной не менее 500 м и шириной до 150—175 м. На поверхности найдено большое количество довольно крупных фрагментов сероглиняной лощеной керамики, сделанной на круге, в основном черняховской. Встречается и более поздняя керамика — начала II тысячелетия н. э., но в мелких фрагментах, а также лепная пшеворская; есть единичные обломки посуды эпохи раннего железа. Попадают и «индивидуальные» находки: пряслица, грузило, оселок, обломки стекла.

⁶ На карте поселение не обозначено. Открыто в 1957 г. М. И. Островским. См. М. А. Тихонов. Отчет о работах Днестровско-Волынского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1957 г. Рукопись. Архив ИА (Москва). Обследовано впервые, с участием М. И. Островского.

Найдены куски обмазки, но скоплений ее на поверхности не прослеживалось. Собранный подъемный материал в основном передан в Кременецкий краеведческий музей, часть взята экспедицией.

4. К двухслойным или многослойным поселениям, на которых встречен слой первой половины I тысячелетия н. э., относятся следующие:

Поселение 19. Расположено у с. Мышковцы, на правом берегу р. Горыни, на мысу, образованном течением реки и глубокой долиной, непосредственно по выходе из села. На площади около 150 м в длину и 40—50 м в ширину найдена керамика эпохи бронзы, лепная пшеворская и начала II тысячелетия н. э. Обнаружены также кремневые отщепы (в большом количестве), призматический нуклеус и кусок железного шлака.

Поселение 24. Находится у с. Манев, на правом берегу р. Горыни, на огородах, при выезде из села. Здесь изредка встречались фрагменты гончарной керамики X—XII вв. и лепные пшеворские, в том числе один «хруповатый».

Поселение 26. Открыто у с. Борщевка, на левом берегу р. Горыни, на первой возвышенности по выходе из села. На месте, называемом Галысько, довольно много фрагментов керамики, в большинстве относящейся к началу II тысячелетия н. э. Попадались и лепные пшеворские сосуды и, единично, гончарные — серые лощеные; встречен один трипольский фрагмент.

Поселение 37. К востоку от с. Якимовцы, на левом берегу р. Горыни, около хутора Буйгоры найдена керамика культуры полей погребений — гончарная, столовая и кухонная, а также лепная. Встречались фрагменты керамики начала II тысячелетия н. э.; попался железный шлак.

Поселение 51. Расположено у с. Варивитки, на левом берегу р. Горыни, между селами Ольшаница и Белогорье. На огородах обнаружена керамика в мелких обломках — лепная (в том числе один фрагмент сосуда эпохи бронзы) и гончарная первой половины I тысячелетия н. э., а также начала II тысячелетия н. э.

5. К поселениям X—XIII вв. — однослойным и смешанным, но содержащим культурный слой этой поры, — относятся следующие:

Поселение 1. Находится у с. Волица, на левом берегу р. Горыни, у истоков реки. На склоне берега, напротив восточной окраины селения, на протяжении около 400 м наблюдаются темные пятна и под одним из них — обожженная глина. Встречается керамика — гончарная X—XII вв. и лепная, неопределенная.

Поселение 3. Расположено тоже у с. Волица, на правом берегу р. Горыни. На второй возвышенности у окраины села обнаружено несколько обломков гончарной керамики X—XI вв.

Поселение 4. На правом берегу р. Горыни, на склоне берега против церкви, по выходе из с. Горынка-Великая найдена керамика начала II тысячелетия н. э. и более поздняя; фрагменты — средних размеров.

Поселение 5. Находится на правом берегу р. Горыни, напротив начала с. Горынка-Малая. Здесь встречено несколько обломков керамики X—XI вв.

Поселение 7. На левом берегу Горыни, за с. Горынка-Малая, на склоне берега небольшого ручья, найдены обломки гончарной керамики X—XIII вв. Единично попадались черепки посуды культуры полей погребений.

Поселение 20. Открыто у с. Загородье, на левом берегу р. Горыни, несколько выше села по течению реки. На береговом склоне обнаружена керамика эпохи бронзы, раннего железа и X—XI вв.; здесь же найдены отщепы кремня и обработанный кусок кремня.

Поселение 21. На том же берегу р. Горыни, напротив с. Бодаки известного трипольским поселением, есть древнерусское городище, на котором находят и трипольскую керамику. На трипольском селище при ег

обследовании обнаружена не только трипольская посуда, но и керамика X—XI вв.

Поселение 22. Расположено на правом берегу р. Горыни, ниже с. Бодаки, слева от дороги (в месте поворота ее от реки). На береговом склоне попадались маловыразительные фрагменты керамики. Есть керамика трипольская и гончарная X—XIII вв.

Поселение 23. На том же берегу р. Горыни, не доходя до с. Манев, рядом со старым еврейским кладбищем встречались керамика X—XIII вв. и несколько невыразительных фрагментов лепной керамики. Тут же найдены обломок кремневого полированного топора и отщепы кремня.

Поселения 28 и 29. Находятся на невысоком правом берегу р. Горыни, ниже с. Юшковцы, рядом с хутором Додатки, по обе стороны железной дороги. На протяжении около 250 м попадалась керамика эпохи поздней бронзы, раннего железа, а также гончарная X—XIII вв. Здесь же обнаружены обломок оселка и кремневая стрелка. Вероятно, оба пункта представляют одно поселение.

Поселение 34. На левом берегу р. Горынки, на южной окраине с. Якимовцы, около птичьего двора встречались фрагменты керамики X—XIII вв. В обресе виден выход культурного слоя мощностью около 0,5 см.

Поселение 39. На том же берегу р. Горынки, ниже с. Якимовцы, на расстоянии 0,5—1 км от железной дороги попадалась лепная керамика эпохи раннего железа и гончарная — X—XIII вв.

Поселение 42. Расположено на правом берегу р. Горыни, ниже с. Вязовцы, на второй возвышенности, несколько вдающейся в речную пойму. Здесь замечались частые развалы обмазки с вкраплениями угля и в них — большое количество керамики, относящейся к эпохе раннего железа и X—XIII вв.

Поселение 43. На левом берегу безымянной речки, впадающей справа в р. Горынь напротив с. Воробьевка, обнаружена керамика гончарная X—XIII вв. и лепная эпохи раннего железа.

Поселение 47. У с. Тихомль, за местечком Ямполь, на левом берегу р. Горыни находится древнерусское городище XI—XII вв. Оно обследовано, с закладкой шурфов и траншеи, Днестровско-Волинским отрядом в 1956 г.

Поселение 49. Расположено у с. Ольшаница на левом берегу р. Горыни, в 1,5 км к востоку от с. Лепесовка. Здесь на огородах найдены фрагменты керамики X—XIII вв. В траншее, прорезавшей часть древнего поселения, было отчетливо видно залегание культурного слоя на глубине 0,15—0,6 м⁷.

⁷ Кроме описанных памятников, был выявлен еще ряд поселений, определить которые не удалось. К ним относятся следующие:

Поселение 2. На правом берегу р. Горыни (на склоне его), на окраине с. Волица встречены мелкие фрагменты лепной керамики, очень немногочисленные.

Поселение 6. Находится на левом берегу р. Горыни на огороде, при въезде в с. Горынка-Малая. Здесь найден лепной черепок.

Поселение 14. Расположено на правом берегу р. Добрынки (приток р. Горыни), не доходя до Старого Олексинца. Зарегистрированы единичные находки мелких фрагментов керамики, крайне невыразительных.

Поселение 30. На левом берегу р. Горыни, против церкви в с. Пищатинцы, обнаружены немногочисленные фрагменты керамики — гончарной и лепной. Тут же найден кремневый топорик.

Поселение 38. На левом берегу р. Горынки, около хутора Буйгоры, встречалось большое количество лепной керамики. Обломки невыразительные.

Поселение 50. Расположено на правом берегу р. Горыни, напротив с. Ольшаница, на мысу высокого коренного берега, близко подходящего к руслу реки. Найдена лепная керамика, видимо, относящаяся к ранним эпохам (бронза?).

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

ПОСЕЛЕНИЕ У ДЕРЕВНИ БАРСУКИ НА РЕКЕ СОЖЕ

При разведочных работах, проводившихся Верхне-Днепровской экспедицией Института археологии АН СССР¹ в 1957 г. в Южной Белоруссии, было обследовано, наряду с большим количеством других археологических объектов, селище у дер. Барсуки (Барсуковка), Славгородского района, Могилевской области. Памятник обратил на себя внимание своеобразным керамическим материалом.

Селище расположено в 1 км на запад от дер. Барсуки — в урочище Лобовка. Оно занимает участок террасы правого, коренного берега р. Сожи, на север от проходящего здесь небольшого оврага. Культурный слой мощностью от 0,2 до 0,6 м хорошо виден в обресе берега. Он начинает проследиваться в 50 м на север от оврага и простирается примерно на 150 м вверх по реке².

В глубь берега слой поселения идет недалеко: при зачистке стенок окопа, проложенного в 20 м от кромки берега, параллельно ей, четко выраженный культурный слой уже отсутствует. Поселение разрушается под действием реки; оставшемуся неповрежденным участку грозит уничтожение в недалеком будущем.

Сильно гумусированный золистый культурный слой содержит значительное количество обломков лепной керамики³. Основу керамического комплекса составляют обломки грубых, толстостенных лепных сосудов своеобразных форм и орнаментации. Обломки принадлежат горшкам с широким устьем и слабо профилированными стенками. Невысокая шейка со слегка отогнутым наружу краем плавно переходит в стенки корпуса. Днища плоские, до 2 см толщиной. В глине — примесь крупной дресвы; обжиг неравномерный, костровый. Поверхность — серо-желтого цвета, иногда слегка сглажена. В одном случае часть сосуда удалось склеить почти на полный профиль (рис. 17—5). Горшок имел высокую шейку, четко выраженные плечики и удлиненную, конически суживающуюся нижнюю часть. Орнамент на сосудах представляет собой различно направленные пучки параллельных врезанных линий, нанесенные на поверхность сосуда зубчатым штампом. Распространены зигзагообразные и горизонтальные расчесы в верхней части сосуда (рис. 17—6—8). Наколами зубчатого штампа в не-

¹ Гомельский и Белорусский отряды (начальники отрядов — О. Н. Мельниковская и И. И. Артеменко).

² Под слоем поселения залегают слои стоянки (мезолит?). Стоянка занимала гораздо большую площадь по обе стороны оврага, слой ее только частично перекрывается слоем селища. Материал представлен крупными кремневыми орудиями и обломками со следами обработки. См. Отчет И. И. Артеменко за 1957 г. Архив ИА (Москва).

³ Материал разведки хранится в Краеведческом музее г. Речицы, Гомельской области. В фондах Института истории АН БССР имеется пакет керамики с поселения в Барсуковке. Возможно, речь идет о поселении, обследованном нами. Материал невыразителен; есть фрагмент стенки сосуда с пальцевыми вдавлениями (милоградского типа?).

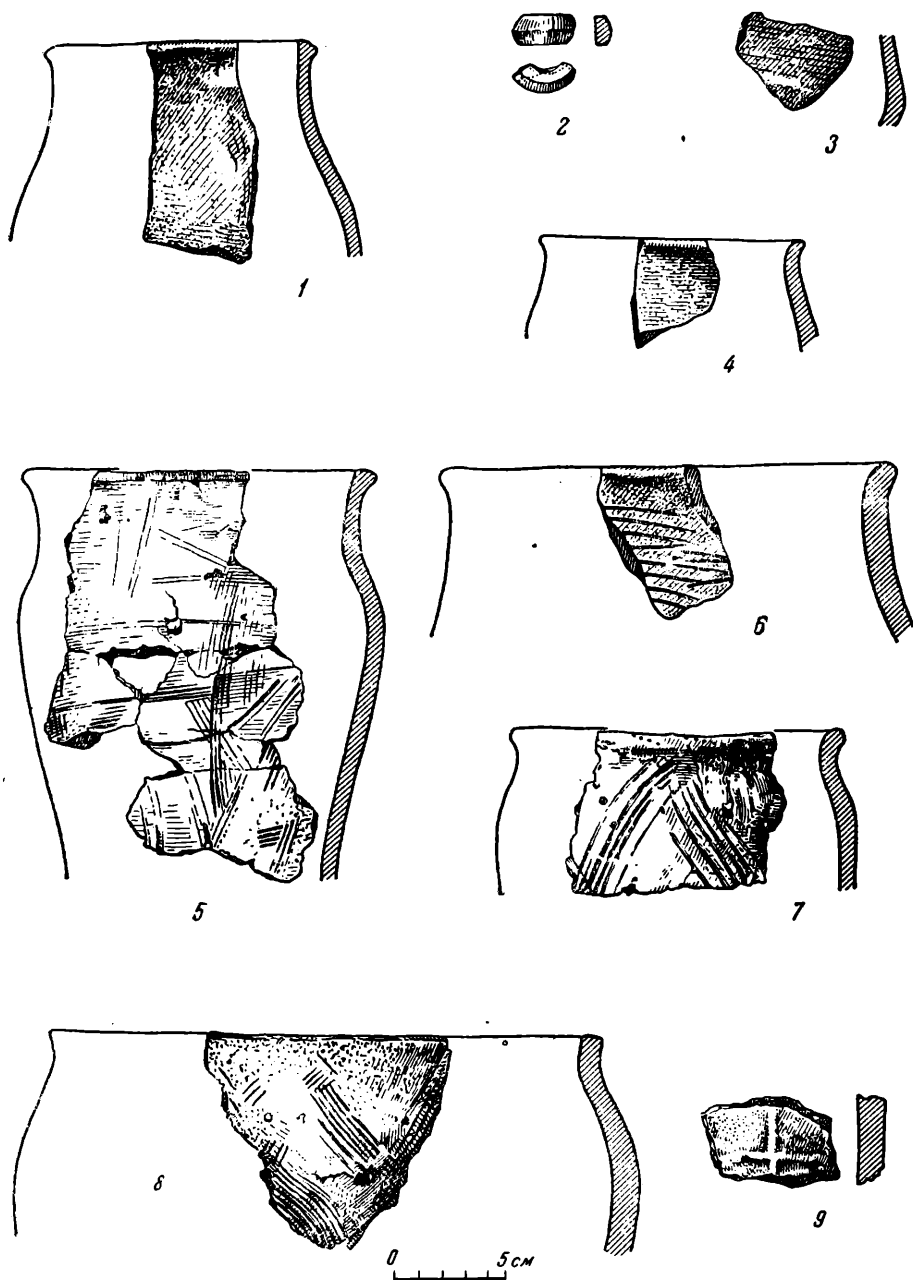

Рис. 17. Керамика с поселения Барсуки (1—9).

которых случаях орнаментировался и край сосуда. Иногда обработка штампом носит характер простого сглаживания поверхности сосуда. Среди днищ имеется обломок с рельефным знаком в виде креста (рис. 17—9); нанесен ли он на внутренней или на внешней поверхности — сказать трудно.

В слое встречаются также обломки, по внешнему виду отличающиеся от описанных выше. Эти черепки тоже содержат примесь дресвы в тесте, но принадлежат более тонкостенным сосудам и имеют слегка или хорошо заглаженную поверхность. Отметим среди них обломок верхней части сосуда вытянутых пропорций, с плавной линией профиля, и фрагмент сосуда

с ребром на корпусе, с хорошо заглаженной поверхностью (рис. 17—1, 3). Сюда же относится борт неглубокого горшочка или миски светло-серого цвет с хорошо вылощенной поверхностью (рис. 17—4). Возможно, керамика эта относится к другому культурному комплексу.

Кроме обломков сосудов, при разведке найдена часть низкого глиняного пряслица усеченно-биконической формы, с широким отверстием. Глина — с примесью песка; поверхность лощена и орнаментирована точечными наколами (рис. 17—2) причем, состоявшее из них изображение было повторено три раза. Связь этой вещи с лощеной керамикой на поселении очевидна. Следует отметить, что весь керамический материал располагался в слое равномерно (насколько об этом можно судить на основании зачистки), не был расчленен прослойками.

Небольшой материал не позволяет пока достаточно полно судить о памятнике, однако то, что имеется, не находит близких аналогий на территории Белоруссии, прежде всего вследствие неизученности здесь археологических памятников второй половины I тысячелетия н. э.⁴

На смежных территориях самые близкие аналогии Барсуковке — это памятники роменского типа⁵, что позволяет нам примерно датировать селение VIII в. н. э. Комплекс с лощеной керамикой, скорее всего, следует отнести к середине I тысячелетия н. э.

Указывая на общее сходство керамики из Барсуковки с роменской, — что дает возможность поставить этот памятник в ряд с другими ранними поселениями восточных славян, — следует отметить и ее значительное своеобразие, выражающееся прежде всего в отсутствии наиболее типичных роменских форм и в несколько отличающихся приемах использования зубчатого штампа. Крайне интересно, что эти особенности сближают памятник с поселениями западных областей — территории Польши⁶, Чехословакии⁷, Германии⁸. В связи с этим уместно вспомнить свидетельство русской летописи о западном происхождении радимичей. Не исключено, что поселение в Барсуковке древнее типичных роменских памятников на нашей территории и вся керамика с него относится к одному комплексу; на это как будто указывает однородная структура культурного слоя.

⁴ Возможно, аналогичные материалы обнаружены К. М. Поликарповичем при обследовании по р. Сожу. См. К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стоянкі сярэдняга Сажы. Працы Археалёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 407, № 29, и стр. 459, табл. 23, 7, 8.

⁵ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1906, стр. 56, рис. 27; стр. 72, рис. 43; стр. 53, рис. 19 и 23; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 126, рис. 83, 2.

⁶ Mirosława Gajewska. Grodzisko z IX ww. Chodliku Archeologia Polski, t. III, zesz. 2, Warszawa — Wrocław, 1959, рис. 37; M. Piotrowski. O grodziskach wielkopolskich. «Z otchłani wieków», 1928, zesz. 1.

⁷ L. Niederle. Život starých Slovanů, t. III, Praha, 1925, стр. 311; Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 338, 339; Jozef Poulik. Žití Morava Zeme davnych Slovanů. Brno, 1948—1950, рис. 100, с.

⁸ Н. Кногг. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Mannus-Bücherei, 58, Berlin, 1937, рис. 77, 79, 88.

В. В. СЕДОВ

ЯЗЫЧЕСКИЕ СВАТИЛИЩА СМОЛЕНСКИХ КРИВИЧЕЙ

В Смоленском Приднепровье известна немногочисленная группа городищ, которые своеобразной формой и особым положением заметно выделяются среди прочих укрепленных поселений. Расположены эти городища обычно в низких, заболоченных местах, отчего иногда называются болотными. Одни из них занимают небольшие естественные островки среди болот, другие искусственно насыпаны близ болот или сооружены в конце низких мысов, образуемых болотистыми низинами.

Форма этих городищ всегда круглая или овально-округлая; размеры их очень невелики (диаметр площадок — от 14 до 28 м). Площадки городищ возвышаются над уровнем окружающей болотистой местности всего на 2—4 м и во время значительных весенних разливов становятся островками. Площадки отдельных городищ ровные, в других случаях — слегка приподнятые к середине, в третьих — имеют небольшую воронкообразную вогнутость. Площадки городищ ограничены кольцеобразными рвом и валом или двумя невысокими валами, между которыми находится неглубокий ров. Культурного слоя на этих городищах нет.

Впервые на эти памятники обратил внимание первый исследователь смоленских городищ А. Н. Лявданский¹. Описав семь таких городищ, он отметил, что «по своим крошечным размерам они не могли быть укрепленными пунктами на случай защиты от нападения, а тем более местом жилищ, ...остается допустить, что они служили для обрядовых и вообще религиозных целей. Подтверждением этому может отчасти служить и их круглая, отнюдь не случайная форма»².

Вновь касаясь этих памятников в работе, посвященной классификации смоленских городищ, А. Н. Лявданский выделил их в особую (третью) группу городищ, продолжая считать их обрядовыми³. Предпринятые А. Н. Лявданским попытки датировать эти памятники оказались безуспешными, так как никаких находок на них обнаружить не удалось. Попытки датировать эти городища на основе материалов соседних селищ также не привели к определенным результатам. Окрестности городищ не были подвергнуты сплошной археологической разведке, а случайно открытые селища, несмотря на явную однотипность болотных городищ, датировались различно: близ некоторых городищ этого типа были обнаружены селища с лепной керамикой первой половины I тысячелетия н. э., а около двух других — селища древнерусского времени.

После работ А. Н. Лявданского эти памятники никем не обследовались, хотя относительно них были высказаны различные точки зрения. Так,

¹ А. Н. Л я в д а н с к и й. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды смоленских государственных музеев, вып. 1. Смоленск, 1924, стр. 47—56.

² Там же, стр. 50.

³ А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета, т. 3, вып. 3. Смоленск, 1926, стр. 187—190.

С. В. Киселев, обратив внимание на соседство Петровского болотного городища с древнерусским селищем, склонен был видеть в круглых городищах убежища для населения окрестных земледельческих деревень⁴. А. В. Арциховский рассматривал эти городища как феодальные замки Древней Руси. Он полагал, что обрядовое назначение их ничем не мотивировано. По его мнению, незначительные размеры жилых площадок городищ, большие размеры валов и рвов, связь со славянскими селищами заставляют

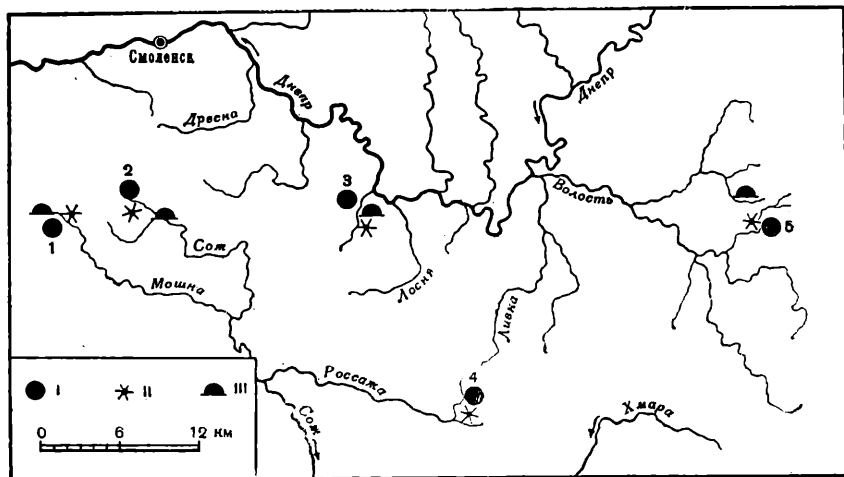

Рис. 18. Карта района археологического обследования 1955—1958 гг.

I — круглые городища; II — селища; III — курганные могильники; 1 — Кушлякое городище; 2 — Петровское; 3 — Шапыревское; 4 — Красногорское; 5 — Рудуловское

думать, что это были, скорее всего, феодальные замки⁵. Но на смоленских круглых городищах жилых слоев нет; их валы и рвы, наоборот, отличаются малыми размерами. Характеристика, предложенная А. В. Арциховским, основана на Тушковом городище, где действительно, небольшая жилая площадка сочетается с мощными земляными укреплениями, в один ряд с которым были ошибочно поставлены болотные городища Смоленщины.

В связи с характеристикой городищ правильной геометрической формы касается этих памятников и П. А. Раппопорт. Отмечая нерешенность вопроса о сущности и датировке круглых городищ Смоленщины, он высказывает предположение, что смоленские болотные городища «представляют собой не городища, а своеобразные майданы, т. е. разрытые для каких-то целей курганы»⁶.

В 1955—1958 гг. на левобережье Днепра к югу и юго-востоку от Смоленска Смоленским отрядом Среднерусской экспедиции ИИМК была проведена сплошная археологическая разведка, итогом которой явились открытие и обследование около 300 археологических памятников разного времени — от неолитических до поселений XV в. На этой территории были обследованы известные в археологической литературе и открыты новые круглые городища. Поскольку все эти городища лишены каких-либо находок, для определения даты их сооружения и использования большое зна-

⁴ С. В. Киселев. Поселение. Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН, вып. 2, 1928, стр. 61.

⁵ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1934, № 11-12, стр. 49—51.

⁶ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного водчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 40.

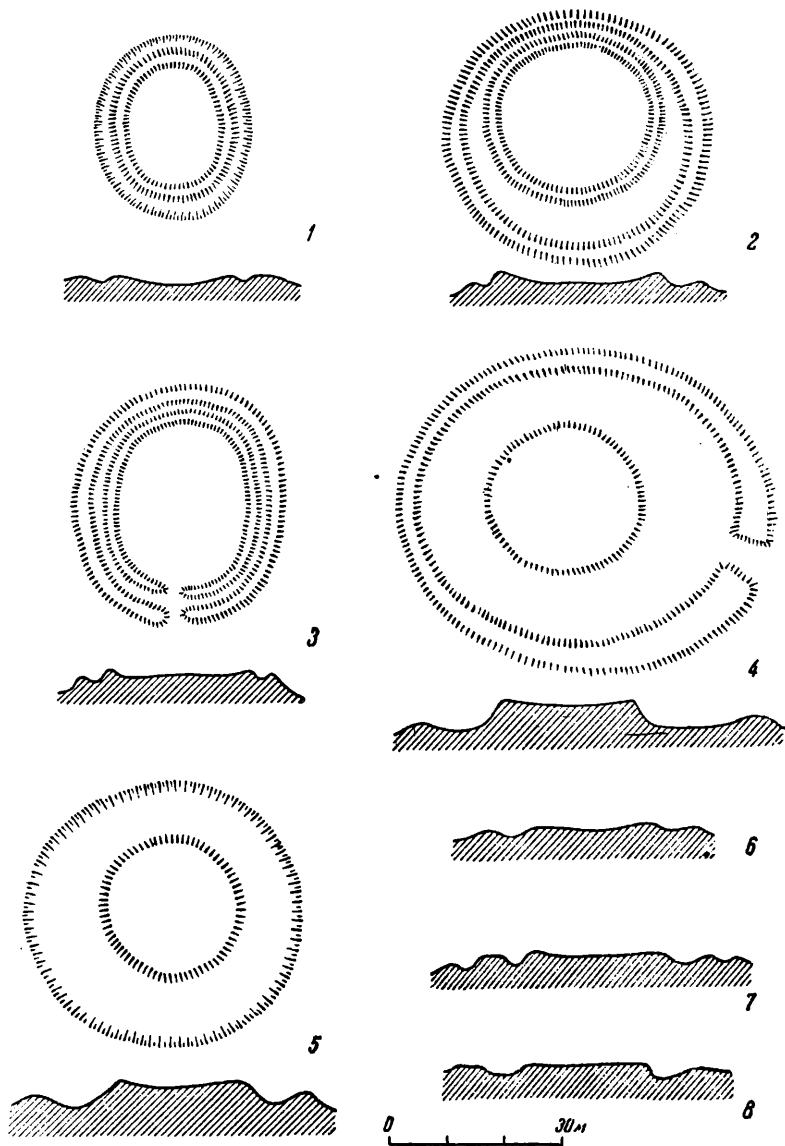

Рис. 19. Планы и разрезы круглых городищ.

1 — Шапыревское; 2 — Кушляинское; 3 — Рудавское; 4 — Красногорское; 5 — Петровское;
6 — Купринское; 7 — Буловицкое; 8 — разрез святилища в Перьяни.

чение имеет открытие археологических памятников по соседству с ними. В результате разведок установлено, что всем круглым городищам сопутствуют древнерусские памятники — селища и курганные могильники, начальные даты которых относятся к IX—X вв. Разберем эти памятники подробнее (рис. 18).

Шапыревское городище⁷ занимает небольшое всхолмление — островок среди широкой болотистой низины, по которой в 0,5 км восточнее городища протекает р. Березинка — левый приток Днепра. Ровная площадка городища имеет овальную форму (ее размеры — 20,5 × 14,5 м) и окруже-

⁷ Ранее это городище был обследовано А. Н. Лявданским (А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах..., стр. 270, 271).

на невысоким валом и рвом (рис. 19—1). Культурного слоя на площадке городища нет, непосредственно под дерновым слоем лежит материковая глина. Вал городища насыпан из окружающей дерновой земли, что включает предположение о курганном происхождении этого городища.

Обследование окрестностей городища показало, что ближайшим к нему памятником является славянское селище с лепной и раннегончарной керамикой IX—XI вв. Селище это открыто на правом берегу Березинки в 0,7 км юго-юго-восточнее городища, недалеко от дер. Березинка. Здесь же, рядом с селищем, находится курганный могильник, ныне частично распаханный. Сохранилось только 16 круглых насыпей; все они — со следами раскопок узкими кольцами или с глубокими кладойскательскими ямами. В начале XX в. часть курганов этого могильника была раскопана М. К. Тенишевой и В. И. Сизовым. Это были курганы с одиночными трупосождениями, в которых обнаружены славянские лепные и раннегончарные сосуды. Другие вещи, найденные при раскопках, позволяют бесспорно датировать этот могильник IX—X вв.⁸

Такое сочетание круглого городища с ранними древнерусскими селищем и курганным могильником не единично. В верховьях р. Мошны (приток р. Сожа) близ дер. Кушляница еще А. Н. Лявданским было обследовано круглое городище, устроенное на небольшом островке⁹. Площадка городища (ее размеры — 28 × 26 м) окружена невысоким кольцеобразным валом (рис. 19—2), сооруженным из окружающего грунта (красноватой глины). Разведывательной шурфовкой установлено, что культурный слой на городище отсутствует; под дерном и слоем гумуса (общей толщиной 0,35—0,45 м), не содержащими никаких культурных остатков, залегает глинистый материк¹⁰. На противоположном, правом берегу реки А. Н. Лявданский открыл селище¹¹. На распаханной площадке селища собраны черепки гончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом. Первый исследователь поселения отмечает, что некоторые черепки, собранные на пашне, тождественны с керамикой, происходящей из близлежащих курганов, другие относятся ко времени XI—XIV вв.

Упомянутый курганный могильник расположен на левом берегу р. Мошны в 200 м западнее городища и состоит из 79 курганных насыпей, среди которых одна длинная (ее размеры — 21 × 10 м при высоте около 2 м). А. Н. Лявданским и К. А. Дергачевым здесь было раскопано четыре круглых кургана¹². Судя по обряду захоронения в этих курганах, по керамике и вещам, курганный могильник сооружался в X в. и в самом начале XI в. Наличие же в составе курганного могильника длинной насыпи позволяет полагать, что начальная дата этого могильника относится к VIII—IX вв.¹³ Таким образом, это второй случай, когда рядом с круглым городищем, лишенным культурного слоя, расположены селище и курганный могильник древнерусского времени.

В 1957 г. городище подобного типа открыто в бассейне р. Волости (левый приток Днепра) близ дер. Рудлово. Городище занимает часть очень невысокого мыса, образованного заболоченной долиной р. Песошенки и безымянным ручьем. Несколько шурфов, заложенных в различных пунктах площадки, показали полное отсутствие культурного слоя на этом памятни-

⁸ Вещи из раскопок не сохранились, но подробно описаны А. Н. Лявданским (А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах..., примеч. 1 на стр. 271).

⁹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах..., стр. 259, 260.

¹⁰ А. Н. Лявданский отмечает, что местные жители добывали на этом городище камень, который, по их словам, залегает на глубине 0,4—0,5 м в виде мостовой в северо-западном углу площадки городища. Шурфовка А. Н. Лявданского не обнаружила здесь никакой каменной вымостки.

¹¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах..., стр. 260.

¹² Там же, стр. 260—263.

¹³ Другие курганы этого могильника могут относиться и к XI—XIII вв.

ке¹⁴. Площадка городища имеет овально-округлую форму и окружена двумя рядами невысоких кольцеобразных валов и рвов между ними. Размеры городища — 28 × 22 м (рис. 19—3). Предположение о том, что Рудловское городище было убежищем, куда собиралось для защиты население окрестных деревень, отпадает сразу же после его первичного осмотра. При сооружении этого городища совершенно не был использован рельеф местности, что кажется невозможным при сооружении городищ-убежищ. Более того, совсем рядом (в 400 м от круглого городища) находится другое городище, с культурным слоем раннего железного века, занимающее высокий, труднодоступный мыс правого берега р. Песошенки, которое могло бы быть в случае опасности использовано как убежище с большим успехом.

Опять-таки ближайшим к Рудловскому круглому городищу археологическим памятником оказалось древнерусское селище, открытое прямо напротив городища на правом берегу р. Песошенки. Культурный слой селища оказался перепаханным. На пашне собраны обломки древнерусской гончарной керамики X—XIII вв., по распространению которой определены приблизительно границы селища (его размеры — 150 × 100 м)¹⁵. Курганный могильник около этих памятников не оказалось. Не исключена возможность, что такой могильник здесь был и к настоящему времени целиком распахан. С другой стороны, по-видимому, не обязательно, чтобы курганный могильник был расположен близ городища. Может быть, курганным кладбищем населения окрестных деревень был могильник на р. Смородинке близ дер. Тимошево, отстоящий от Рудловского городища на 2,5 км. В настоящее время этот могильник полностью уничтожен кладоческательскими раскопками и распахкой. В 1914 г. два кургана этого могильника были исследованы Н. И. Савиным¹⁶. В обоих курганах были открыты остатки трупосожжений IX—X вв.

Красногорское городище расположено в топкой, болотистой местности на невысоком всхолмлении в 40 м от безымянного ручья — правого притока р. Россажи. Площадка городища имеет воронкообразную форму (ее размеры — 25,5 × 23,5 м) и ограничена кольцеобразным рвом шириной от 12 до 18 м и затем невысоким валом (рис. 19—4). В настоящее время площадка городища не годится для раскопчных исследований, так как испорчена многочисленными ямами. В обнажениях и при зачистке ям ни вещей, ни керамики не обнаружено.

Исследованиями 20-х годов XX в. было установлено, что площадка Красногорского городища насыпана искусственно¹⁷. В траншее, заложенной в восточной части городища, на материке (на глубине 1,5 м) открыта каменная вымостка размерами 3,5 × 3 м, сложенная в один ярус из не пригнанных друг к другу булыжников и колотых камней. Поверхность вымостки была очень неровная. Все камни носили следы огня, промежутки между ними были заполнены зольным слоем, выше каменной вымостки залегали мощный слой золы и обгорелые бревна. По мнению А. Н. Лявданского, обгорелые бревна являлись остатками навеса над каменной вымосткой, на которой горел костер. Здесь же исследователь замечает, что если это был действительно навес, то неясно, как он держался, потому что никаких следов вертикальных стоек не обнаружено. Если это все же было строение, пишет далее А. Н. Лявданский, то оно, вне всякого сомнения, не

¹⁴ До 1936 г. на площадке городища находилось кладбище. Могилами заняты значительная площадь городища и часть его валов. В центре площадки городища стояла деревянная часовня, разрушенная во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

¹⁵ В срединной части селища, кроме обломков древнерусской керамики, найдено несколько фрагментов лепной керамики, характерной для ранних городищ Смоленщины.

¹⁶ Н. И. Савин. Раскопки курганов у Дарагабуским і Ельнинским паветам Смаленскай губ. Працы археалагічнай камісіі, т. 2, Менск, 1930, стр. 220 и 223.

¹⁷ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах..., стр. 266—269.

могло быть жилым; костер на каменной вымостке зажигался в связи с какими-то другими целями.

При изучении остатков каменной вымостки и сгоревших бревен над ней нужно учитывать, что все эти остатки покрыты не культурным, а насыпным слоем, состоящим из золы, угля и темного гумуса. Поэтому каменную вымостку, открытую на материке, нужно относить ко времени сооружения городища, а не к тому времени, когда оно уже функционировало. Нам представляется более вероятным, что вымостка была сооружена перед тем, как насыпалось городище, и на ней был зажжен ритуальный костер, чтобы освятить место будущего городища-святыща. Именно в это время у смоленских кривичей был распространен обряд освящения огнем того места, где насыпался курган. Остатки ритуальных кострищ открываются во всех курганах смоленских кривичей IX—X вв.

Для определения даты Красногорского городища в 1958 г. были произведены археологические разведки в верховьях р. Россажи. В 130 м южнее городища, на склоне холма, на котором расположены постройки бывшего Красногорского имения, открыто селище. На пашне были собраны черепки гончарной керамики X—XIII вв. Разведывательный шурф, заложенный в восточной части селища, показал, что культурный слой селища полностью перепахан и насыщен черепками, обломками глиняной обмазки и мелкими угольками.

Таким образом, как и описанные выше круглые городища, Красногорское городище связано с древнерусской эпохой¹⁸.

К этому же времени относится и круглое городище, обследованное А. Н. Лявданским, в верховьях р. Сожа близ дер. Петрово¹⁹. Городище, как обычно, расположено в болотистой низине. Диаметр его круглой площадки равен 23,4 м. Площадка имеет воронкообразную вогнутость и ограничена рвом шириной от 8,5 м (с восточной стороны) до 15,2 м (с западной стороны); глубина рва — около 1,5 м. За рвом насыпан кольцеобразный вал, вершина которого ниже площадки городища (рис. 19—5). Внешний вид этого городища подчеркивает, что создано оно отнюдь не для оборонительных целей. Рядом с городищем находится большое селище, площадка которого, отмечает А. Н. Лявданский, почти сплошь усеяна черепками и кусками обожженной глины. Размеры селища — свыше 300 × 115 м на левом берегу ручья и до 210 × 120 м на его противоположном берегу²⁰. Многочисленная керамика, собранная на селище, принадлежит к древнерусской гончарной керамике; в том числе найдены венчики типа сосудов Гнездовского могильника, поэтому начальной датой селища нужно считать X в.²¹

Таким образом, около всех обследованных Смоленским отрядом круглых городищ открыты древнерусские поселения²². Однотипные памятники сопровождаются одновременными селищами. При этом следует подчеркнуть, что начальные даты всех без исключения селищ, расположенных близ

¹⁸ В 100—250 м севернее городища А. Н. Лявданским собрано несколько черепков лепной керамики, характерной для первой половины I тысячелетия н. э. Эти находки не мешают предложенной датировке. При хронологическом определении этих городищ необходимо учитывать однотипность памятников, которая не позволяет относить их к совершенно различным эпохам, к разным народам.

¹⁹ А. Н. Л я в д а н с к и й. Материалы для археологической карты..., стр. 51, 52.

²⁰ Там же, стр. 52—54.

²¹ В 2 км от селища есть длинный курган и неисследованный могильник, состоящий из круглых курганных насыпей.

²² Близ Булохинского и Язвинского городищ А. Н. Лявданским найдены черепки лепной керамики типа древнейших городищ Смоленщины. Все эти находки являются случайными, так как систематического археологического обследования в этих районах не производилось; поэтому и отнесение городищ к раннему времени случайно и ошибочно. Вероятнее всего, при обследовании окрестностей и этих городищ здесь откроются древнерусские селища, как это случилось с Красногорским городищем.

круглых городищ, относятся к VIII—X вв., т. е. к дохристианскому времени. К этому времени нужно отнести и рассматриваемые городища²³.

Датировка круглых городищ Смоленщины VIII—X вв. (может быть, VIII—XI вв.) не нарушает схему развития различных типов древнерусских оборонительных сооружений, намеченную П. А. Раппопортом. Он справедливо указывает, что городища правильной геометрической формы (в том числе и круглые) появляются позднее мысовых и островных городищ. Самые ранние городища правильной геометрической формы, пишет далее этот исследователь, возникают только в XI в. и получают широкое распространение лишь в XII—XIII вв.²⁴ Ни одно из описываемых круглых городищ Смоленщины не могло иметь военно-оборонительного значения. При их сооружении не использован рельеф местности, площадки этих городищ совсем открыты для противника, так как их валы незначительны по размерам и в ряде случаев расположены ниже площадок городищ. Рвы, окружающие эти городища, часто находятся перед валом (с внутренней стороны валов), что неудобно для обороны. Наконец, площадки городищ слишком малы для убежищ; другими словами, круглые городища Смоленщины убежищами быть не могли. Выстроены они явно с иными целями и поэтому должны быть исключены из разряда оборонительных сооружений Древней Руси.

Отсутствие культурных напластований на этих памятниках указывает на их нежилой характер. Поэтому для выяснения назначения городищ первостепенное значение имеет сравнительный материал. Ближайшей аналогией рассматриваемым памятникам является прежде всего древнерусское языческое святилище, открытое в Перыни²⁵. Смоленские городища, подобно Перыньскому святилищу, в своей основе имеют круглую (или овально-округлую) площадку, ограниченную кольцеобразным рвом (площадки смоленских городищ ограничены или кольцеобразным рвом, а затем валом, или двумя рядами кольцеобразных валов, между которыми находится ров). Очень сходны очертания рассматриваемых смоленских памятников и Перыньского святилища в разрезе, очень близки их размеры (см. рис. 19). Датировка Перыньского святилища и круглых городищ Смоленщины совпадает. Все это позволяет рассматривать Перыньское святилище и описываемые городища Смоленщины как памятники одного и того же порядка. Смоленские курганы-городища были языческими святилищами.

Рвы, окружавшие площадки смоленских городищ, подобно кольцеобразному рву Перыньского святилища и ровикам древнерусских курганов, имели ритуальное значение. Культовый характер кольцеобразного рва святилища в Перыни и близость Перыньского святилища и древнерусских курганов были подчеркнуты при публикации материалов о раскопках в Перыни²⁶. В связи с этим можно заметить, что и на знаменитом Арконском городище ров находится внутри земляных валов²⁷.

Топографическое положение смоленских круглых городищ на островах среди болот не является особенностью. Наоборот, островное положение характерно для западнославянских языческих святилищ. Перыньское святилище тоже расположено на холме, окруженном болотистой низиной и водами Волхова.

²³ Интересно размещение круглых городищ в Смоленском Приднпровье. В настоящее время известно около 20 памятников этого типа, и все они расположены на той территории, где известны длинные курганы, а также в области густого распространения круглых курганов с трупосожжением IX—X вв., т. е. в тех районах, которые были заселены кривичами в последней четверти I тысячелетия н. э.

²⁴ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 46.

²⁵ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 92—103.

²⁶ Там же, стр. 101 и 103.

²⁷ Carl Schuchhardt. Arkona — Rethra — Vineta. Berlin, 1926, рис. 4 и 5.

Трудно сказать, являются ли круглые городища рассматриваемого типа памятниками, распространенными только у смоленских кривичей, или же они характерны и для других восточнославянских земель. Несомненно, к этому типу памятников принадлежит круглое городище около дер. Хильчицы, расположенное в 5 км юго-восточнее г. Турова²⁸. Вогнутая площадка городища, несколько больших размеров (43 × 38 м), окружена сначала кольцеобразным рвом, потом валом, вершина которого на несколько метров ниже площадки городища. Близ городища открыто селище, на площадке которого, наряду с кремневыми орудиями и сожженными косточками, найдены лепная керамика второй половины I тысячелетия н. э. и древнерусская гончарная керамика. Возможно, что к этому типу памятников относится городище Освейка на Полотчине, расположенное на острове Освейского озера, на возвышении, именуемом Перункой. А. Г. Митрофанов, произведший разведывательное обследование городища, не нашел здесь никакого материала²⁹. Круглые городища известны и в ряде других областей Восточной Европы, но отнесение их к святилищам невозможно без специального археологического обследования каждого из них.

Никаких данных для предположения о том, стояли ли на площадках смоленских святилищ деревянные идолы, как это было на Перыньском святилище, или же каменные изваяния наподобие человека («болваны»), находки которых известны в различных местах Смоленщины, у нас нет. Это тема специального исследования, которое может появиться только после раскопочных работ на этих памятниках.

²⁸ А. Зьм. Каваленя і С. С. Шутау. Матэрыялы з дагісторы Тураушчыны. Працы, археалёгічнай камісіі, т. 2. Менск, 1930, стр. 362, 363 и рис. 6.

²⁹ Сообщение А. Г. Митрофанова.

³⁰ В 1961 г. П. Н. Третьяков произвел раскопочные исследования на упомянутом выше Шапыревском городище. Находка обломков лепных и раннегончарного сосудов под дерном близ вала городища подтвердила предлагаемую датировку круглых болотных городищ Смоленщины. П. Н. Третьяков относит эти памятники к числу городищ-святилищ восточных балтов.

В. В. КРОПОТКИН

ВИЗАНТИЙСКИЙ СОСУД ИЗ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

В 1954 г. в собрание Государственного исторического музея в Москве поступило от гр. Шибанова небольшое серебряное блюдо, найденное в апреле 1953 г. близ станции Алкино, Чишминского района, Башкирской АССР¹, на р. Деме, притоке р. Белой (рис. 20—1). Одновременно с ним в ГИМ поступил серебряный сасанидский сосуд из Алкина, изданный

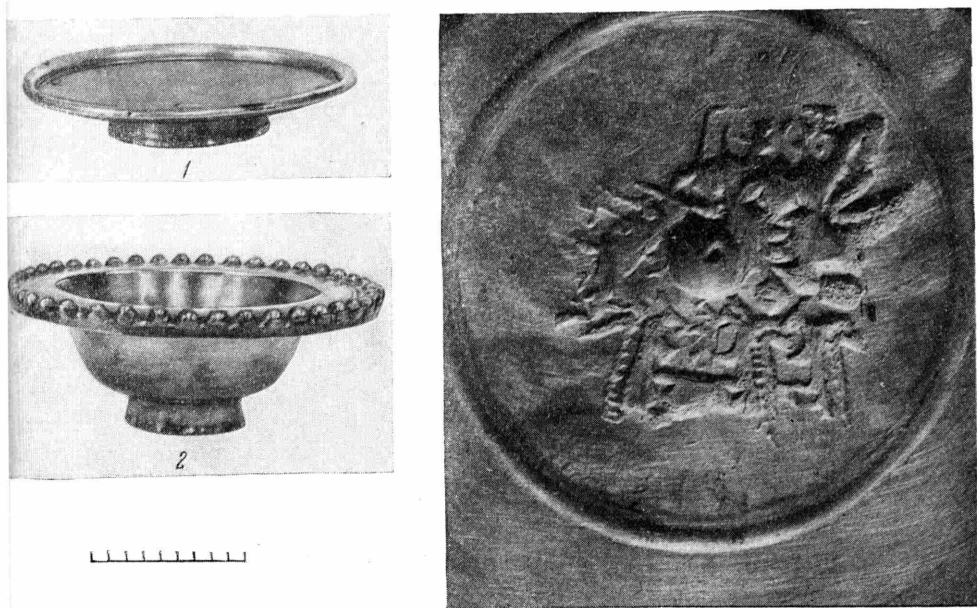

Рис. 20.

1 — блюдо из Алкина; 2 — чаша из Сулина; 3 — клеймо на дне блюда из Алкина.

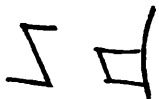
недавно А. П. Смирновым, но совместное их нахождение, к сожалению, не установлено².

Публикуемое блюдо (диаметр — 14,2 см, высота — 2,4 см) имеет гладкую внутреннюю поверхность; по краю сосуда идет валик шириной 0,8 см. В центре блюда — небольшое возвышение в виде уплощенного соска или пуговицы. Дно снабжено невысоким, круглым поддоном, немного

¹ ГИМ, инв. № 84846. Автор выражает благодарность дирекции ГИМ за разрешение опубликовать эту интересную находку. Вес блюда равен 320,1 г.

² А. П. Смирнов. Новая находка восточного серебра в Приуралье. Труды ГИМ, вып. 25, 1957.

расширяющимся книзу. В нижней части поддона — орнаментальный желобок³. Блюдце изготовлено на токарном станке, поддон припаян, и поверхность сосуда хорошо зашлифована. С обратной стороны блюда в центре поддона небрежно выбит пробирный знак (клеймо), расположенный внутри концентрического круга, ограниченного углубленной полоской. Клеймо — крещатой формы, сильно смещено двойным ударом (рис. 20—3). В центре этого круга находится углубление для закрепления сосуда на токарном станке. На обратной стороне сосуда, около поддона, процарапаны острым режущим инструментом два знака, напоминающие по своей форме буквы:

В трудах покойного Л. А. Мацулевича, посвященных византийским сосудам из Приуралья⁴, сделаны ценные наблюдения о времени и путях проникновения византийских и сасанидских сосудов в Прикамье. Изучение топографии находок византийских сосудов в Восточной Европе может свидетельствовать о важности Волго-Камского торгового пути в раннем средневековье (VI—VII вв. н. э.). Об этом же говорят сравнительно редкие находки золотых и серебряных византийских монет в Поволжье и Приуралье. Но важно отметить, что в некоторых приуральских находках византийские серебряные монеты, чеканенные во время правления императора Ираклия (так называемые гексограммы), обнаружены вместе с сасанидскими сосудами (Бартым)⁵ в сопровождении сасанидских драхм Ездигерда II, Хосрова I, Хормизда IV и Варахрана (442—591)⁶.

Монетные клады аналогичного состава нам известны только в Закавказье, где византийские серебряные монеты Ираклия и Ираклия Константина найдены в большом количестве в ряде пунктов (Двин, Игдар, Кош, Ленинкакан, Тбилиси, Эчмиадзин). В некоторых кладах, как и в Шестаковском кладе, византийские монеты найдены совместно с сасанидскими драхмами (Двин, Ленинкакан, Тбилиси)⁷.

Очевидно, что находки однородных по монетному составу кладов в Приуралье и Закавказье свидетельствуют о существовании прямого торгового пути, соединявшего эти отдаленные друг от друга географические районы.

Находки византийских сосудов в Керчи и в низовьях Дона (Сулин; рис. 20—2)⁸ говорят о том, что существовали и более западные пути проникновения византийского антика в Прикамье⁹.

³ Диаметр поддона — 6,8 см, высота — 1,1 см, толщина — 0,2 см.

⁴ L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Studien auf Grund der Silbergefäße der Ermitage. Berlin und Leipzig, 1929; Л. А. Мацулевич. Византийский антик и Прикамье. МИА, № 1, 1940, стр. 139—158, табл. I—IV.

⁵ Л. Н. Казаманова. Бартымский клад византийских серебряных монет VII века. Нумизматический сборник, часть 2, ГИМ, вып. 26, М., 1957, стр. 70—76.

⁶ Клад в с. Шестаково, Суксунского района, Пермской области, найденный в середине XIX в. Архив ИА, фонд 6, дело № 69 за 1851 г., лл. 1—16.

⁷ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1961.

⁸ «Древности». Труды МАО, XIX, 1901—1902. Протоколы, стр. 70—72, рис. 4.

⁹ Во время печатания статьи вышла в свет книга: Erica Chuikshank Dodd. Byzantine Silver Stamps. Washington, 1961. Исследователь датирует сосуд из Алкино временем императора Ираклия, 629/30 — 641 гг., а клеймо на дне блюда он делает попытку прочесть (см. указ. соч. № 74).

Э. А. СИМОНОВИЧ

КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ
У СЕЛА МИХАЙЛОВКИ

При поисках черняховского могильника эпохи полей погребений, размываемого водами Каховского моря, у с. Михайловки, Ново-Воронцовского района, Херсонской области, было открыто интересное захоронение кочевника¹. На месте, где в обрыве берега замечены следы погребений, были заложены раскоп и две траншеи, общей площадью 134 кв. м. Выяснилось, что разрушаются поздние погребения в деревянных истлевших гробах, скрепленных большими коваными гвоздями. Среди них оказалось одно древнее захоронение. В овально выткнутой яме на глубине 0,8 м от современной дневной поверхности лежал на спине скелет, ориентированный головой на северо-запад; левая рука вытянута, правая — согнута в локте, и кисть положена на бедро. Ноги вытянуты. Погребен мужчина немолодого возраста. Череп брахикраний. Погребенного сопровождал следующий инвентарь.

Слева у головы стоял лепной горшок желтовато-серого цвета (рис. 21—1). Глина — с дресвой. Обжиг неравномерный. По краю горшок украшен вдавлениями пальца. Высота — 12,8 см; диаметр венчика — 11 × 10,5 см, диаметр дна — 8,2 см.

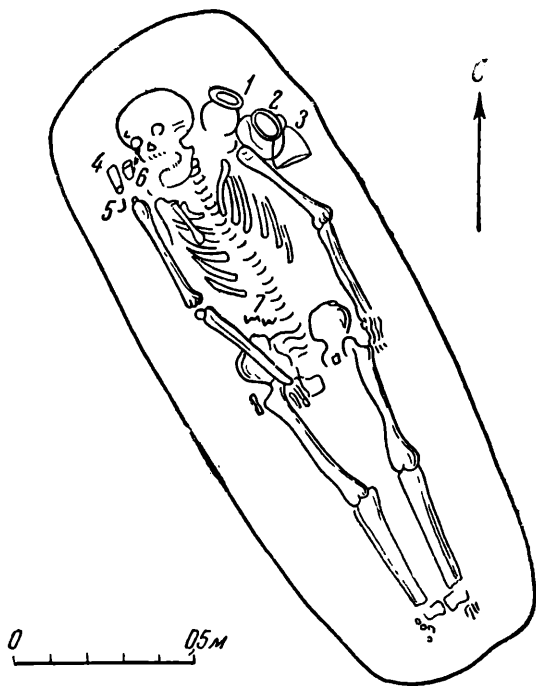

Рис. 21. План погребения кочевника у с. Михайловки.

1 — лепной горшок; 2 — гончарный горшок; 3 — стремя; 4, 5 — детали пласти; 6 — точильный брусок; 7 — угол.

¹ Остатки четырех черняховских погребений Михайловского могильника обнаружены при разведочном обследовании берегов Каховского моря О. Г. Шапошниковой в 1957 г. Работы 1958 г. производил Криничанский отряд Южнорусской экспедиции ИИМК, руководимый автором настоящей заметки

Рядом с лепным находился гончарный горшок серого цвета (рис. 21—2). Глина с небольшой примесью песка, обжиг равномерный. Поверхность в сколах, покрыта лощением. Между двумя горизонтальными врезанными желобками оставлена незалощенная полоса, покрытая рядами вертикальных параллельных тонких линий. На дне — сильно поврежденное клеймо в виде круга, обозначенного выступающим валиком (диаметр — 5,8 см) и еще четырьмя валиками, крестообразно расходящимися по радиусам из центра. Высота — 9,5 см; диаметр венчика — 11 см, диаметр дна — 11,5 см.

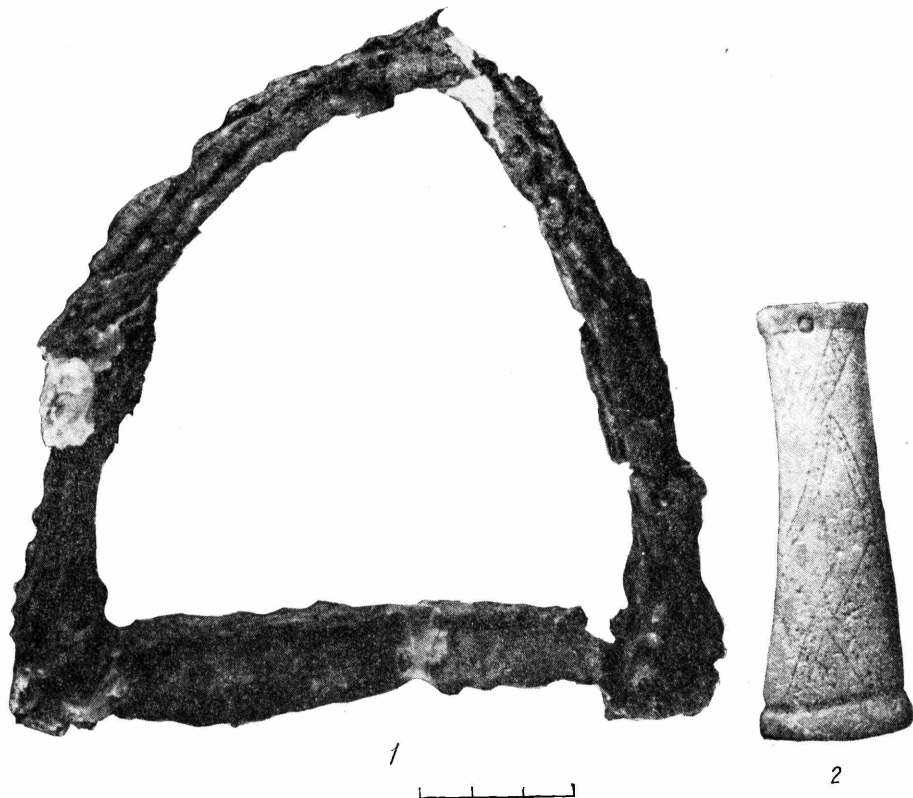

Рис. 22. Инвентарь захоронения.

1 — железное стремя; 2 — костяная рукоять плети.

Над гончарным горшком лежало железное стремя (рис. 21—3) очень плохой сохранности, с плоской поперечиной для ноги и ушком, которое распалось. Длина — 13 см. Размеры поперечины — 13×3 см (рис. 22—1).

Справа у головы лежала костяная рукоять плети (рис. 21—4), представляющая собой неровную цилиндрическую трубочку, немного суживающуюся к одному концу. Ручка украшена врезанными тонкими двойными пересекающимися линиями, образующими ромбы и треугольники. Между линиями нанесены ряды точек или штрихов (на узкой стороне). По краям рукояти — углубленные линии. На узком конце — два симметричных сквозных отверстия. Длина — 7,8 см; диаметр широкого конца — $3 \times 2,3$ см, диаметр узкого конца — $2,2 \times 2,1$ см (рис. 22—2).

Тут же найден железный, изогнутый крючком, плоский предмет (рис. 21—5), заостренный на одном конце, возможно, являющийся деталью плети и служивший или для закрепления ремня в ручке, или в качестве наконечника плети. Длина — 3,8 см. Максимальные размеры сечения железной полоски — $0,9 \times 0,3$ см. Рядом с рукоятью плети оказался камен-

ный небольшой, почти квадратный, точильный брусок (рис. 21—6), с обеих сторон к середине сточенный. Размеры — $4,7 \times 3,6$ см. Толщина — от 1,5 до 0,5 см.

В области таза было рассыпано несколько угольков (рис. 21—7).

Достаточно характерный керамический комплекс говорит о том, что погребение должно быть близко к салтовскому времени. В частности, лепной сосуд с вдавлениями пальца по краю и гончарный приземистый, расширяющийся книзу горшок с клеймом, украшенный лощением, а также орнамент рукоятки плети позволяют отнести это погребение к VIII—IX вв. н. э.² Тем же временем датируются близкие по обряду погребения могилы Зливкинского некрополя³.

Вскрытая вокруг погребения довольно значительная площадь показала, что данное захоронение является обособленным и с ним не связаны никакие другие погребения⁴. В то же время следует вспомнить, что в погребениях салтовской культуры встречаются кенотафы⁵. Таким образом, по-видимому, погибшего где-то в походе дружинника, судя по погребению у с. Михайловки, хоронили среди поля, без особых почестей, в простой грунтовой могиле, отмечая, по возвращении, его смерть на некрополе выкопанной пустой могилкой.

Исследованное погребение у с. Михайловки позволяет ставить вопрос о том, что обычай хоронить среди поля, без кургана, маскируя могилу умершего члена рода, практиковался у кочевников с древнейших времен и затем был воспринят монголами.

² Лепной сосуд подобного рода имеется в материалах Дмитриевского могильника, раскопанного С. А. Плетневой. Вполне аналогичны михайловскому гончарному горшку сосуд из Верхне-Салтовского могильника, с таким же клеймом, опубликованный С. А. Семеновым-Зусером (АП, т. II, Київ, 1952, стр. 276, рис. 3, 1, 2), а также сосуд из раскопок некрополя близ г. Нови Пазар в Болгарии (Ст. Станчев, Ст. Иванов. Некропольт до Нови Пазар, София, 1958, табл. XIII, 40).

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Труды XII Археологического съезда, т. I. М., 1905, стр. 211, 212, табл. XII, 6—8.

⁴ Такая особенность сразу же напоминает картину описания похорон кочевника у Плана Карпини. Автор рассказывает об обычае монголов тайно от других, где-нибудь в поле, хоронить умершего, снабжая его конем, вещами, пищей, и маскировать место могилы дерном, а также об обряде очищения огнем. Ряд деталей описания не совпадает с фактами, прослеженными при раскопках; в частности, отсутствует подбой, не так богат инвентарь, как в упомянутом рассказе, например, коня символизирует только положенное в могилу стремя, и пр. В целом обряд захоронения, описанный Планом Карпини, относится к XIII в., т. е. к более позднему времени, чем обнаруженное нами погребение. Тем не менее приведенный письменный источник, как нам кажется, помогает понять обособленное от прочих бескурганное захоронение у с. Михайловки (см. Плано Карпини. История монголов. «Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 32, 33).

⁵ С. А. Плетневой на Дмитриевском могильнике, например, были обнаружены совершенно пустые могилы без следов костяка (Доклад на Южнорусской группе Славянского сектора ИИМК 21 февраля 1958 г.)

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

О ЖИЛИЩАХ ОКОЛЬНОГО ГОРОДА ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

Раскопками 1959 г. в оковом городе Новогрудка¹ были открыты остатки трех своеобразных жилищ, последовательно сменявших друг друга. Нижнее из этих жилищ представляло собой сооружение площадью 100 кв. м, впущенное в котлован. Сохранился нижний венец сгоревшего сруба (местами число венцов доходило до четырех), под углы которого подложены камни. Длинные стены дома состояли из двух бревен, соединенных внахлестку. В эти стены была врублена еще одна стена, делившая помещение общей площадью 11 × 7 м на две неравные части. В большей из них, квадратной в плане, открыты остатки прямоугольной глинобитной печи, стоявшей в углу. Под печи глинобитный. Между печью и западной стеной дома заметны остатки горелого настила пола и лаги, а в северо-западном углу среди остатков обожженного настила — скопление камней. В меньшей части дома настил сгорел, о чем свидетельствует большое скопление золы. В восточной части дома на его венцах лежали обожженные дощечки, которые предположительно можно считать остатками двери (рис. 23).

Находок немного. Керамика представлена хорошо выработанными на круге горшками с отогнутым венчиком, иногда с желобком с внутренней стороны. Имеется слабо профилированный сосуд с клеймом на дне. Единичны находки фрагментов амфор. На полу у печи, близ бревен сруба, найдены однотипные железные орудия с рабочей частью в виде двуперой стрелы. Из других железных изделий можно упомянуть стиль, часть шпоры, нож с насечкой на спинке и др. Встречены также обломки прозрачных стеклянных сосудов в форме ритонов.

Над этим жилищем, после его гибели, в границах того же котлована было возведено еще одно, отделенное от нижнего культурным слоем мощностью около 0,4 м. Венцы второго дома почти полностью сгорели. Обращает на себя внимание печь, возведенная на том же месте, что и нижняя. Она сооружена из камней на глине и окаймлена рядом кирпичей (30 × 15 × 3,5 см) со следами известкового раствора. Под печи кирпичный. Сохранилось основание свода из камней. Площадь второго жилища, совпадающая по своим размерам с площадью нижнего помещения, определяется сгнившим деревянным полом, лучше всего сохранившимся в западной части. Направление тесин пола разное. Это дает возможность предположить, что и этот дом, подобно нижнему, был разделен перегородкой (рис. 24). В восточной и южной частях дома найдено много оконного стекла. На сохранившихся участках пола, на уровне его и в культурном слое, собрано очень большое количество находок, причем многие были обожжены.

¹ Археологические работы в Новогрудке (Гродненская область БССР) производятся с 1956 г. Славяно-Литовским отрядом Прибалтийской экспедиции. Обмеры жилищ и их чертежи выполнены М. В. Малевской.

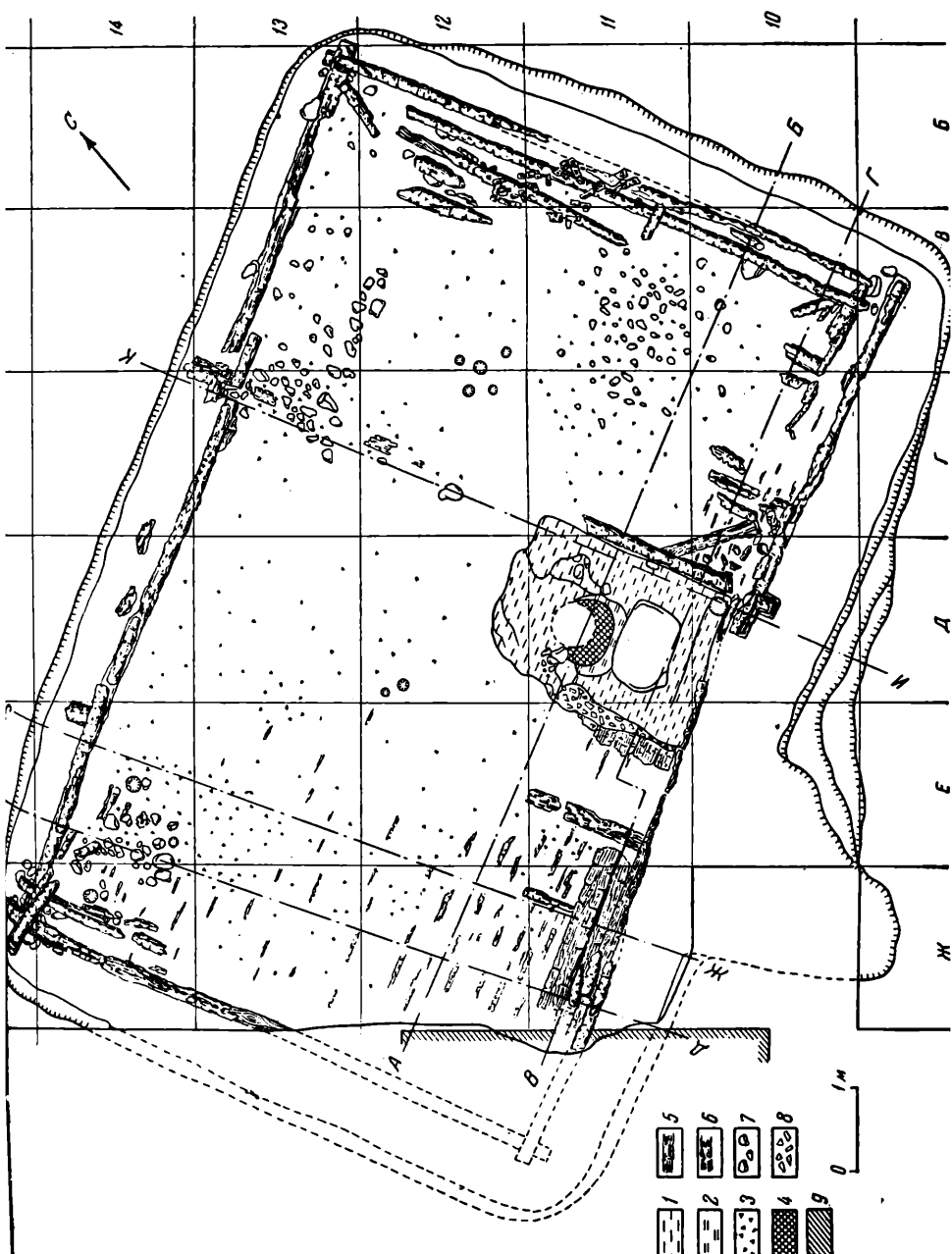
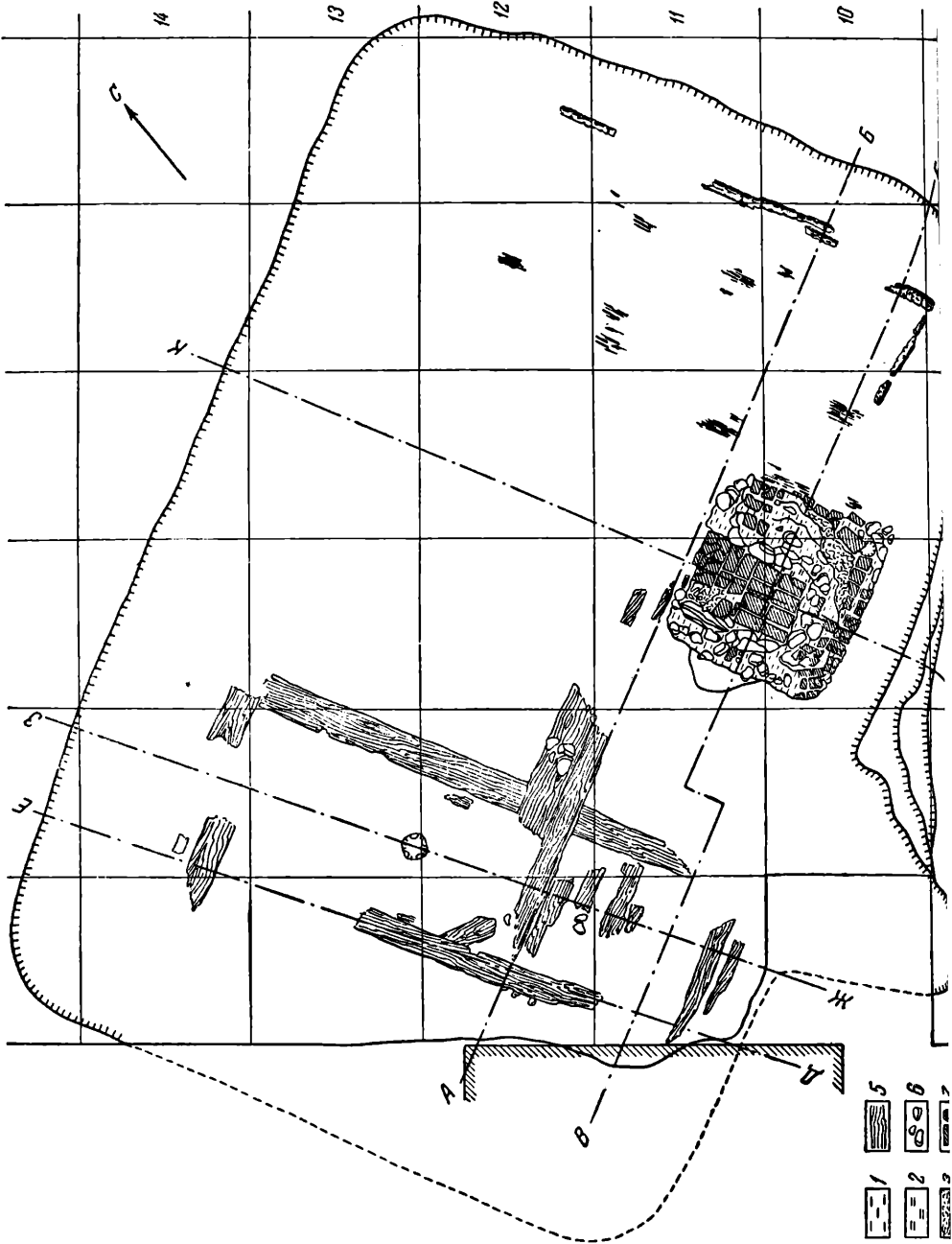

Рис. 23. План нижнего дома.

- 1 — необожженная глина;
- 2 — обожженная глина; 3 — зола;
- 4 — под печи; 5 — стена;
- 6 — кирпич; 7 — камень;
- 8 — ракушечник; 9 — постройка (современная).

Рис. 24. План среднего дома.

1 — необожженные глины;
2 — обожженные глины; 3 — известь;

Наряду с обычными горшками, сделанными на круге, имеются кринки, миски и другие формы посуды. Отличительной особенностью керамики является разнообразие орнамента, где, наряду с обычным линейно-волнистым, встречаются узоры в виде треугольников, квадратов, кружков, валиков с насечкой и др. Обычной и довольно частой находкой являются обломки бороздчатых амфор. Нередка поливная посуда. Среди этой последней обращает на себя внимание кувшин, покрытый красно-коричневой поливой. Разнообразны изделия из железа, преимущественно бытового назначения (ножи, ножницы, ключи, замки); встречены также оружие и орудия охоты. Найдены различные поделки из бронзы (бубенчики, пуговки, стиль, ажурный крест, орнаментированная накладка, цепь от хороса и т. д.). Очень интересна бляшка, покрытая листовым золотом со вставками из зеленого стекла. Наряду с этим, обнаружены тигельки, в которых плавилась бронза, тигелек с крупцами золота и литейная формочка. Упомянем также изделия из кости, в том числе двухсторонние гребни, полированную рукоять, а также проколки и заготовки из кости. В доме найдено много стеклянных браслетов и значительное количество стеклянных перстней. Поражает обилие обломков стеклянных сосудов. Некоторые из них совершенно необычны. Таковы небольшой тонкостенный бесцветный флакон со стеклянным валиком изнутри, а также синий флакон, расписанный белой эмалью и золотом. Можно упомянуть обломки красного тонкостенного сосуда, расписанного золотом, и много обломков бесцветных тонкостенных сосудов. Встречены также обломки фаянсовых тарелок с люстровой росписью.

Над вторым жилищем было возведено еще одно, третье жилище — наземное. Здесь сохранилась печь, возведенная из глины, с включением камней и кирпича, причем размеры кирпича иные, чем в нижележащей постройке (24 × 20 × 4 см). Вероятно, эта печь также была окаймлена рядом кирпича. Сохранилась деревянная опалубка печи. На полу у печи — следы подмазки глиной. От печи тянется горелый настил, на котором было найдено большое количество обожженной глиняной обмазки с отпечатками досок. Слой необожженной глины, лежавший частично под настилом, позволил определить площадь этого дома (около 80 кв. м). Обнаружены три горелые доски, по-видимому, от потолочного перекрытия. Встречено много камней и ракушечника, которые, вероятно, связаны с конструкцией жилища (рис. 25). Следует упомянуть также большое количество оконного стекла.

Находки в этом жилище необыкновенно обильны и по своему ассортименту напоминают изделия, найденные в нижележащем доме.

Таким образом, раскопками 1959 г. открыты большие жилища двух типов: углубленные в землю срубные и наземное — дерево-глинобитное. Жилища эти возведены одно над другим (рис. 26). Оба срубных дома сходны между собой конструкцией и планировкой, а верхний срубный дом и наземное жилище объединены характером находок, представляющих преимущественно бытовые изделия и предметы роскоши.

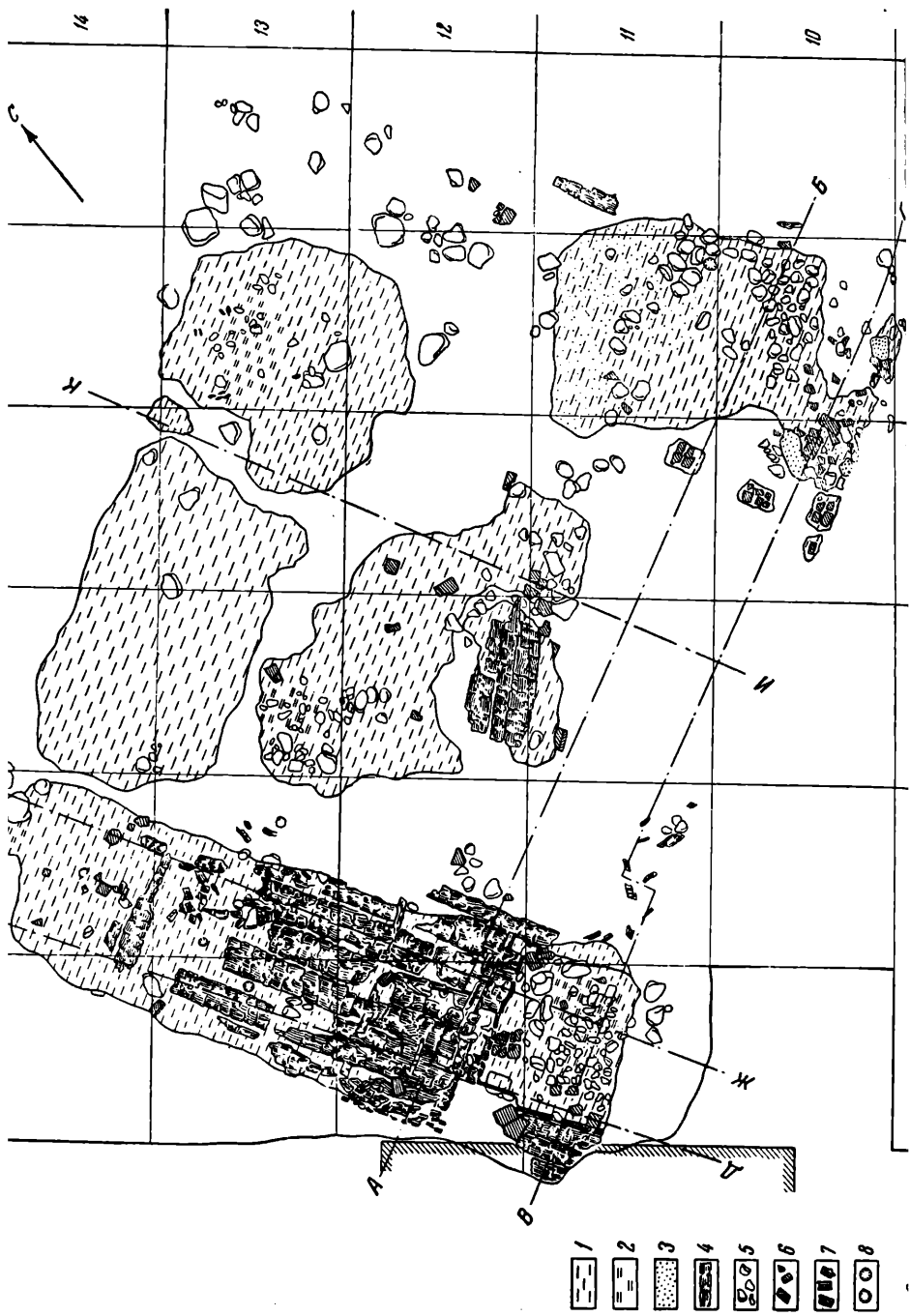
Керамика, особенно амфоры, а также такие массовые находки, как шиферные пряслица и стеклянные браслеты, позволяют отнести эти жилища к XII — началу XIII вв.

Хронологический разрыв между жилищами был небольшим. Находки из них расчленить довольно трудно, но сопоставление их может привести к заключению, что нижний дом вероятнее отнести к первой половине XII в., жилище, стоящее над ним, ко второй половине XII в., а наземное помещение — к началу XIII в. Эти жилища, возведенные друг над другом и сходные по планировке, конструкции и найденным в них вещам, вероятно, принадлежали одной богатой семье.

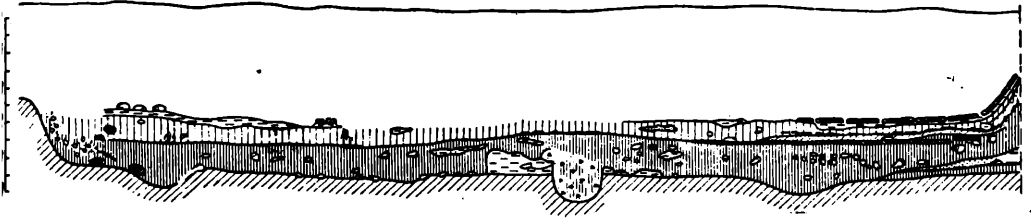
Плохо сохранившиеся остатки наземных дерево-глинобитных построек со стеклянными окнами открыты и на ряде других участков окольного города. Здесь также встречены обильные находки, аналогичные описанным

Рис. 25. План верхнего дома.

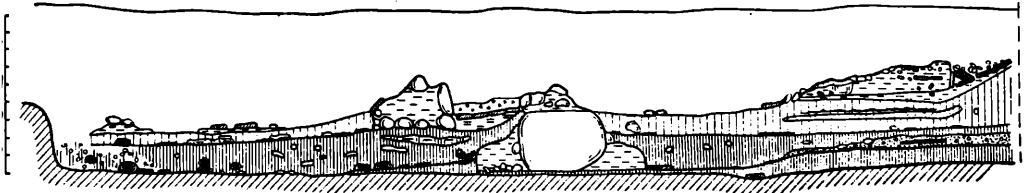
1 — необожженная глина; 2 — обожженная глина; 3 — песок; 4 — горелое дерево; 5 — камень; 6 — керамика; 7 — керамика; 8 — керамика.

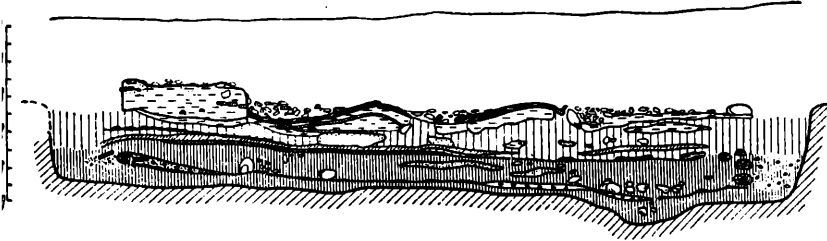
Б-А

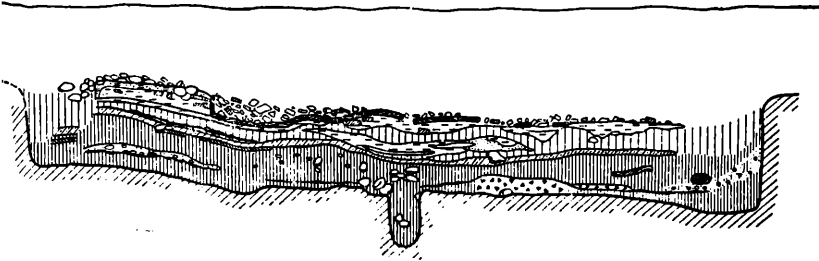
Г-В

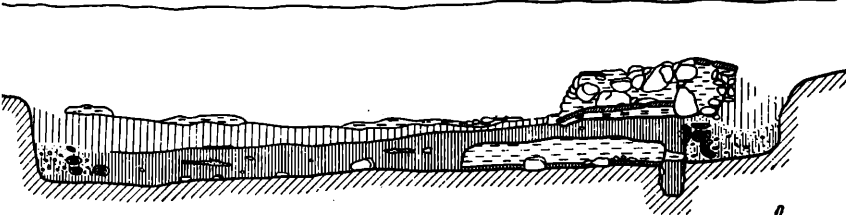
Д-Е

Ж-З

И-И

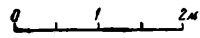

Рис. 26. Разрезы через жилища.

1 — необожженная глина; 2 — обожженная глина; 3, 4 — культурный слой; 5 — песок; 6 — предматериковый песок с галькой; 7 — угли; 8 — вола; 9 — горелое дерево; 10 — гнилое дерево; 11 — кирпич; 12 — камни; 13 — обожженная обмазка; 14 — материк.

выше². В их числе упомянем красный тонкостенный бокал, расписанный золотом, обломок сосуда с арабской надписью и много других предметов роскоши. Обращает на себя внимание, что среди обильного инвентаря чрезвычайно мал удельный вес изделий, свидетельствующих о развитии ремесла. К ним относятся преимущественно тигельки со следами цветных металлов и золота, обрезки и куски бронзы, литейная формочка, щипчики и некоторые другие предметы, связанные с ювелирным делом.

Не следует ли видеть в этих жилищах, на полу которых найдены тигельки и другие предметы, связанные с ювелирным делом, ювелирные мастерские? Этот вопрос может быть разрешен на сравнительном материале. Так, в ювелирных мастерских Новгорода преобладали находки, относящиеся к ремеслу³. В мастерской киевского ювелира-эмальера открыты большой горн и специальная печь, найдены трафарет для производства котлов, болванка, сопла, в другой — обнаружен большой набор литейных формочек для серебряных колтов, энколпионов и др., а также куски медного шлака и большое количество кусков разноцветной эмали⁴. В Киеве же, в мастерской, раскопанной на Киселевке, найдено было очень много обрезков меди, кучи и слитки ее, а также готовые изделия⁵. В жилище-мастерской ювелира Старой Рязани обнаружены слитки олова, обрезки тонких листов меди, медные стружки и пластины⁶.

В жилищах же околного города иная картина: тигельки и небольшой инструментарий, который связан с ювелирным делом, буквально тонут среди разнообразных вещей, многие из которых — иноземного происхождения.

Таким образом, большие и богатые жилища Новогрудка не могли являться мастерскими ювелира-ремесленника, работавшего на заказ или сбыт. Можно лишь заключить, что здесь на месте производилась выплавка и обработка украшений из цветных и благородных металлов. Изготавливались вещи в общем несложные (проволочная серьга, бусины, цепочка, бляшки и др.). О несложности ювелирных изделий свидетельствуют и литейные формочки для пуговиц.

Трудно сказать, кто именно в этих жилищах занимался ювелирным делом, однако роль этого ремесла здесь, вероятно, была не многим больше косторезного, так как заготовки из кости и полуфабрикаты здесь встречаются повсеместно.

Обитатели больших жилищ много занимались охотой. Об этом свидетельствуют охотничье оружие и остеологические остатки. Среди исследованных В. И. Цалкиным костей, найденных в жилищах, кроме костей домашних животных, отмечен, что обращает внимание, большой процент костей диких животных; среди них — лось, благородный олень, косуля, зубр, кабан, медведь, бобр, лисица и заяц.

В материальной культуре жилищ околного города Новогрудка запечатлелись широкие связи с внешним миром — Прибалтикой, Польшей, Киевской землей и Западом⁷. Фаянс с люстровой росписью мог быть привезен из Ирана.

Чрезвычайно интересны связи с Византией или другими странами Средиземноморья, откуда происходит целая серия уникальных тонкостенных сосудов, неизвестных ранее в городах Древней Руси. Специально занимавшаяся сосудами из Новогрудка Р. М. Джанполадян установила, что

² Ф. Д. Гуревич. Об околном городе летописного Новгорода. СА, 1962, № 1.

³ Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. Труды Новгородской экспедиции, т. I, 1956, стр. 79, 80, 86, 101, 102.

⁴ Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко. СА, XXV, 1956, стр. 328, 329.

⁵ М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., 1958, стр. 393.

⁶ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. М., 1955, стр. 139.

⁷ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч. стр. 252.

аналогия красному тонкостенному кубку известна в сокровищнице св. Марка в Венеции и в частной коллекции в Вашингтоне. Синий флакон весьма сходен с такими же сосудами из Коринфа и с Кипра⁸. К числу византийских находок принадлежит, по-видимому, и большой флакон с валиком изнутри, изготовленный из натриево-кальциевого стекла⁹.

Сопоставляя данные, характеризующие жилища,— их значительные размеры, наличие стеклянных окон и другие конструктивные особенности,— со специфическим богатым инвентарем, следует прийти к заключению, что раскопанный участок окольного города в XII в. и начале XIII в. был заселен городской знатью. Здесь же, по-видимому, жили ювелиры, косторезы и, возможно, другие ремесленники, обслуживавшие знать.

Местом, где жило богатое население, окольный город становится не ранее XII в. В X—XI вв. это было скромное поселение, по-видимому, неукрепленное. По данным П. А. Раппопорта, прорезавшего здесь вал, последний насыпан на культурном слое XI в.¹⁰

Богатые жилища окольного города,— как срубные, углубленные, так и наземные,— пока не имеют себе точных аналогий среди жилищ древнерусских городов. Трудно также объяснить, почему в Новогрудке, расположенном в гуще лесов Понеманья, не возникает типичный северный город с наземными бревенчатыми домами, как в соседних городах — Минске, Гродно и др., а появляются дома, характерные для южной строительной традиции.

Неясен также путь, по которому попадало в Новогрудок византийское стекло. Возможно, оно проникало с юго-запада. Еще в 1930 г. в Ополе (Польша) найдена стеклянная чаша с имитацией арабской надписи¹¹. В 1959 г. при работах в Слониме Г. И. Пех также нашел обломки сосуда со стилизованными арабскими буквами¹². Своеобразие богатых жилищ окольного города древнего Новогрудка нуждается еще в дальнейшей интерпретации. Роль их может быть уяснена лишь в ходе дальнейших исследований, когда эти жилища смогут быть рассмотрены на большом сравнительном материале.

⁸ Р. М. Жанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. Византийский временник, т. XIX, 1961.

⁹ Данные лаборатории археологической технологии ЛОИА.

¹⁰ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч.; П. А. Раппопорт. Отчет о работе экспедиции по исследованию крепостей, 1959 г. (Хранится в Институте истории АН БССР).

¹¹ W. Hołubowicz. Opole w wiekach X—XII. Katowice, 1956, стр. 252.

¹² В. Очкина. Археологические раскопки. Газета «Советская Белоруссия», № 170, 22/VII 1959 г.

Е. И. ГОРЮНОВА

ВТОРОЙ ХАРИТОНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК¹

XI—XII века ознаменовывались в Верхнем Поволжье второй крупной волной славянской колонизации. С конца XI в. и особенно в XII в. движение на северо-восток приняло массовый характер. Это уже не только вольная крестьянская колонизация «бродников» и «повольников», устремившихся еще в X в. из центральных районов Киевского государства на сравнительно свободные от феодальных порядков залесские земли, населенные финно-угорскими племенами. С укреплением Ростово-Суздальского княжества и ростом его городов, окруженных поселками иноплеменного населения, возникла необходимость в переселении на недавно освоенную территорию русских. Княжеская колонизация коснулась прежде всего городских центров и их ближайшей округи. Заселялись также районы, имевшие стратегическое значение.

С развитием г. Ростова, который в XII в. назывался уже «Великим»², и превращением его в крупный политический центр особое значение приобретала берущая начало в оз. Неро р. Которосль, устье которой (территория современного г. Ярославля) открывало ворота на Волгу. По свидетельству летописца, именно здесь, на «Стрелке», образованной долиной р. Которосли и Волгой, еще в XI в. находился небольшой мерянский поселок «Медвежий угол», жители которого оказали «непокорство» князю Ярославу, приехавшему из Новгорода для подавления первого крупного восстания смердов в Поволжье (1024 г.). Ярослав, как гласит летопись, «устави землю ту», т. е. навел здесь порядок. В числе мероприятий, связанных с упрочением в Поволжье княжеской власти, явились, по-видимому, основание в устье Которосли нового города, который был назван именем Ярослава, а также переселение в этот важный стратегический узел русского земледельческого населения из центральных районов Руси.

Именно к этому времени, ко второй половине XI—XII в., относятся многочисленные могильники, открытые в последние десятилетия в ярославской округе³. В 1954 г., при обследовании правого берега Волги от пристани Красный Холм до поселка Харитоновского, было открыто и частично исследовано еще 6 памятников этого времени, в том числе 5 курганных могильников и одно селище.

Настоящую заметку мы посвящаем одному из обследованных могильников — Второму Харитоновскому, расположенному на земле Государственной селекционной станции, близ поселка Харитоновского, Некрасовского сельсовета, на высокой террасе правого берега Волги. Группа состоит из

¹ Работы Мерянского отряда Среднерусской экспедиции ИА АН СССР.

² ПСРЛ, т. II, стб. 451.

³ «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.». ИГАИМК, вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 103, рис. 91; «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 78.

23 сохранившихся курганов (часть из них была уничтожена) разной величины. Центральное положение занимал большой курган (№ 21), насыпь которого первоначально достигала, по-видимому, 2 м высоты (вершина ее была деформирована при корчевке пня большого дерева⁴) при диаметре 9—7 м. Курган этот был окружен насыпями меньшей величины — от 4,4 до 2,3 м в диаметре при высоте не более 0,5 м. Три небольших насыпи (№ 8, 10 и 11) были слиты основаниями. Все курганы имели форму сегмента. Исследовано раскопками было всего 4 кургана: центральный большой (№ 21) и 3 небольших насыпи, расположенных к западу от него (№ 15) и к востоку (№ 2 и 22).

Наиболее интересны результаты раскопок кургана № 21. Насыпь кургана песчаная, пестрая, с большим количеством угля и золы, образующей на разных уровнях прослойки, гнезда; в последних зола представляла собой сцементированные с песком комья. На уровне 0,45 м в восточной и западной полах насыпи выступили 3 кирпично-красных пятна прокаленного песка, которые ниже слились в одно большое пятно, площадью $7 \times 3,5$ м. Помимо золы и мелких углей, здесь встречены кальцинированные кости животных. Особенно сильный прокал песка наблюдался в восточной доле, где на глубине 0,78 м обнаружен большой валунный камень.

Вся насыпь, особенно в ее нижних горизонтах, насыщена обломками глиняной, обожженной до состояния шлака обмазки (печины?). На некоторых из них отчетливо заметны отпечатки дерева. Особенно большое скопление кусков ошлакованной глины оказалось в западной стороне, где на глубине 1,4 м от высшей точки сохранившейся насыпи, несколько ниже (на 15 см) поверхности древнего горизонта, было обнаружено 2 черепа, лежавших на расстоянии 1,5 м друг от друга. Судя по рельефу и массивности, череп, лежавший справа, принадлежал мужчине (№ 2), слева — женщине (№ 1). Череп женского погребения находился в неестественном положении — затылочным отверстием кверху. При корчевке пня, по-видимому, частично было задето и погребение.

Судя по сильной возрастной деформации костей — редукции подбородочной части нижней челюсти и совершенно заросшим зубным ячейкам, череп принадлежал женщине, похороненной в глубоко старческом возрасте. Кости скелета почти не сохранились. Фрагменты плечевых костей и костей предплечья лежали в беспорядке в области груди. Смещены были и те немногочисленные вещи, которые найдены при костяке. Около плечевой кости, в области груди, лежал в двух обломках витой серебряный браслет с завязанными концами (рис. 27—1), рядом с ним — серебряный перстень с щитком в виде плоского завитка (рис. 27—2). В том месте, где должны были находиться кости ног, обнаружено большое пятно костра с мелкими угольками, золой и кальцинированными костями животных. Отсутствие крупных углей и обилие золы свидетельствуют о том, что горючим материалом служили хворост и еловые лапы, дающие большое количество тонкой золы.

Костяк второго погребения (мужского) лежал, видимо, параллельно первому, головой на запад. Под сравнительно хорошо сохранившимся черепом находились куски обожженной печной обмазки. Нижняя челюсть и кости рук отсутствовали. Сохранившийся фрагмент левой бедренной кости позволяет определить положение скелета, лежавшего, видимо, в вытянутой позе. Вещей при костяке не найдено.

Сделанные в процессе раскопок наблюдения позволили проследить детали погребального обряда, связанные с какими-то древними традициями. Следует прежде всего отметить, что захоронения под данной курганной насыпью произведены в разное время — мужчины раньше, женщины —

⁴ Возможно, что курган имел две вершины. Аналогичный случай мы наблюдали при раскопках Первого Харитоновского могильника.

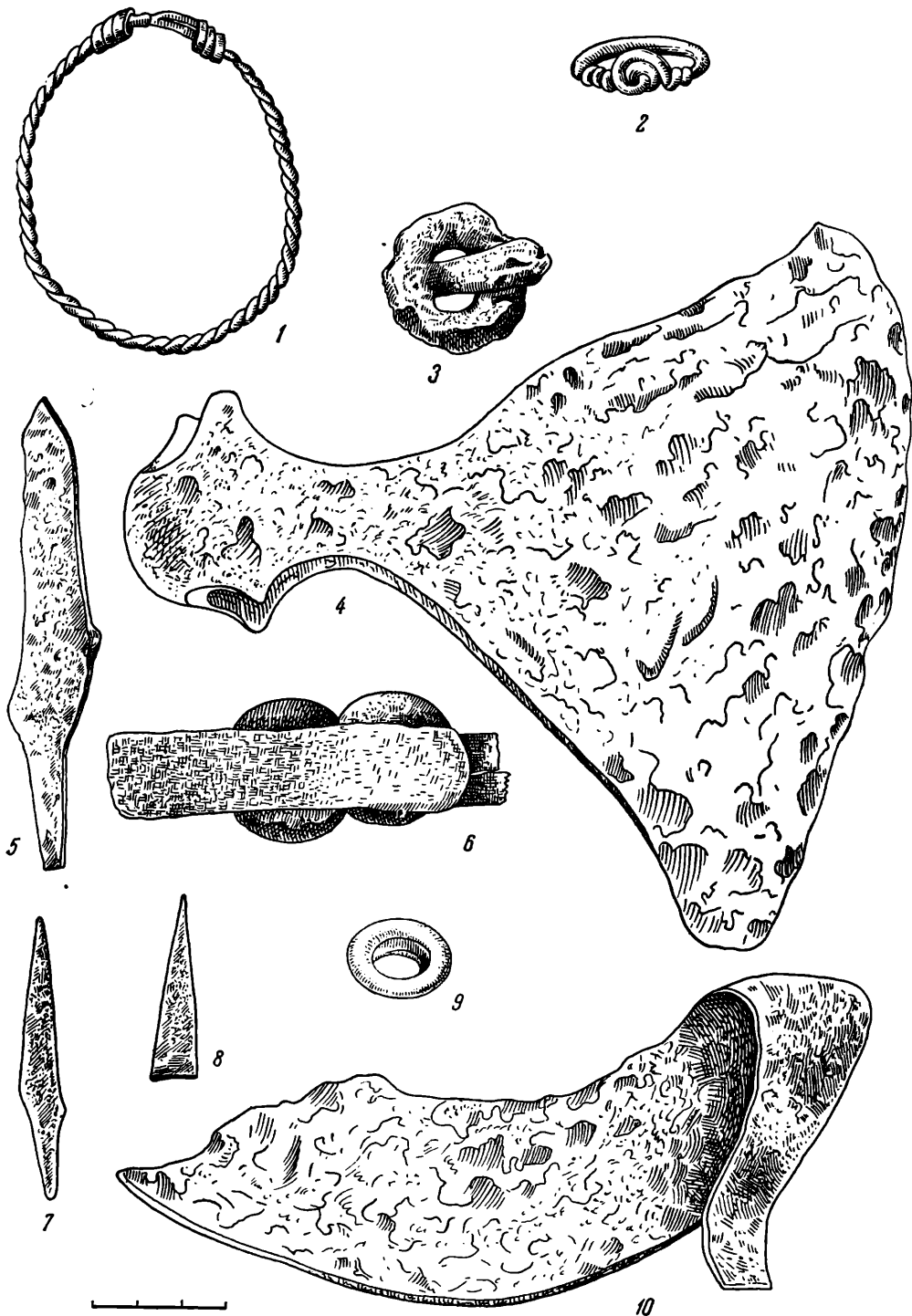

Рис. 27. Погребальный инвентарь из курганов № 21 и 22.

1 — браслет серебряный (женское погребение); 2 — перстень серебряный; 3 — поясная железная пряжка; 4 — боевой топор; 5 — нож; 6 — часть тканого пояса с поясными (железными) кольцами; 7 — ножичек железный; 8 — обломок наконечника стрелы; 9 — янтарная бусина; 10 — обломок железного серпа (1, 2 — из кургана № 2; 3—10 — из кургана № 22).

позднее. Об этом свидетельствует большая перемешанность, пестрота насыпной земли, нарушенность стратиграфии насыпи. При подготовке места для погребения его очищали от дерна и раскладывали на ровной площадке большой костер. В момент догорания его забрасывали песком (вследствие этого обожженный песок оказывался не только под золой костра, но и над ней). На эту-то песчаную подсыпку и клали умершего, накрывали тесаной сосновой доской, после чего забрасывали землей, взятой из ямы, вырытой неподалеку от места погребения. Возведя насыпь примерно до половины ее высоты, разравнивали площадку и снова возжигали поминальный костер, в который бросали, очевидно, куски мяса — части поминальной трапезы. Среди золы найдено множество мелких костей животных, иногда полубо-горелых. Горючим материалом служили хворост и еловый лапник. Обугленные остатки того и другого отчетливо были заметны в зольном слое ритуального костра. Костер забрасывали землей, не дав ему потухнуть. Этим, по-видимому, и можно объяснить прокаленность земли не только в нижележащих слоях, но и над костром.

Мы упоминали о присутствии в насыпи кургана обожженных кусков глиняной обмазки, которая не может быть ничем иным, кроме печины. Как сказано выше, под головой того и другого погребения куски обгоревшей до состояния шлака глины найдены в огромном количестве — ими как бы устлано изголовье умерших. Куски печины — символ домашнего очага. Обряд, который мы имели случай впервые наблюдать при раскопках Харитоновских курганов, может быть, по-видимому, поставлен в связь с обычаем приносить на кладбище печную золу из домашнего очага, делать «домовину» для умерших, вставлять в крышку гроба маленькое стекло — «окошке» и т. п. Все эти обычаи, связанные с представлениями о «душе» и смерти человека, были на определенном этапе развития идеологии широко распространены как среди славян, так и среди неславянских народностей⁵. Пережитки этих представлений можно было наблюдать в недавнем прошлом в погребальных обычаях многих финно-угорских племен и народностей Поволжья и Прикамья. Полное соблюдение освященного древней традицией обряда в данном конкретном случае было, возможно, обусловлено высоким общественным положением и преклонным возрастом умерших.

Следующий из раскопанных курганов (№ 22), расположенный близ описанного выше, относится к числу небольших курганов. Его песчаная, пропизанная корнями деревьев насыпь неправильно округлой формы не превышала в высоту 0,5 м при диаметре около 4 м. Погребальная «обстанова» здесь несколько отличалась от описанной выше. В насыпи кургана отсутствуют следы поминального костра. На уровне материка, т. е. на уровне горизонта древней почвы, была подготовлена площадка размерами 2,65 × 2,20 м, с которой был счищен дерн, и разложен большой костер. Как и в первом случае, горючим материалом здесь служили мелкий хворост и еловые лапы, не успевшие полностью сгореть при засыпке костра песком. Костяк мужского погребения лежал в вытянутом положении, головой на запад, с руками, свободно положенными вдоль туловища. Костяк — сравнительно хорошей сохранности. Обращают на себя внимание высокий рост и могучее сложение умершего (рост выше 1,8 м). Высокий, очень покаты́й лоб с сильно развитыми надбровьями, высокое переносье — эти признаки создают впечатление большого физического сходства с погребенным под курганом № 21. Возможно, между ними была близкая родственная связь, тем и объясняется расположение погребальных курганов в непосредственном соседстве.

Сопровождавшие погребение вещи сравнительно немногочисленны, но достаточно характерны для данной эпохи (XI в.). Справа, с внутренней

⁵ И. Н. Смирнов. Черемисы. Казань, 1889, стр. 120, 122; его же. Вотяки. ЮАИЭКУ, т. IX, вып. 2, Казань, 1891, стр. 238.

стороны от правого предплечья, сохранился фрагмент тканого пояса с двумя железными поясными кольцами и такой же кольцевидной поясной пряжкой (рис. 27—3). Рядом с ними лежали 2 железных ножа — один маленький, другой — более крупных размеров (рис. 27—5, 7), и обломанный наконечник стрелы. Все эти предметы были, видимо, подвешены к поясу при помощи поясных колец в каком-то несохранившемся футляре. Слева, у левой голени, лежали массивный боевой топор (рис. 27—4), сломанный и намеренно согнутый серп (рис. 27—10) и кольцевидная янтарная бусина (рис. 27—9). На всех предметах наблюдались следы сильно истлевшего дерева, которое покрывало тонкой пеленой и кости скелета. Видимо, и здесь перед засыпкой погребения его покрывали широкой тесаной доской из хвойного дерева. Под костяком и с боков никаких следов дерева не обнаружено.

Раскопанные, помимо описанных, 2 небольших кургана (№ 2 и 15) оказались пустыми. Курган № 2 был насыпан непосредственно на поверхность древней почвы, не расчищенной для погребения. Курган этот был, очевидно, «памятным», насыпанным в честь умершего на стороне родича. Под насыпью кургана № 15 оказалась довольно глубокая могильная яма (0,64 м). По ее углам лежали большие кованые гвозди.

Небольшая коллекция вещей, полученная в результате раскопок, по существу, лишь двух курганов позволяет довольно точно датировать эти курганы второй половиной XI в. Основанием для датировки служат такие вещи, как витой проволочный браслет с завязанными концами, серебряный перстень с щитком в виде завитка и большой секировидный боевой топор (рис. 27—1, 2, 4). Витые проволочные браслеты с завязанными концами и данный тип перстней связаны своим происхождением с Северной Прибалтикой (о. Готланд), где они встречаются в огромном количестве. Это были характернейшие украшения в эпоху викингов⁶. Аналогичный перстень был найден в одном из ярославских могильников — Воздвиженском, весь комплекс вещей которого датируется XI—XII вв.⁷ Не противоречит этой дате и секировидный боевой топор. Для ранней поры (X—XI вв.) характерны топоры этого же типа, но более миниатюрных размеров.

Характер погребального обряда — погребения на поверхности древнего горизонта — также служит надежным признаком указанной даты. Позднее, начиная с XII столетия, погребения, как правило, совершались в подкурганых могильных ямах. Переход к этому типу погребений уже наметился в период существования данного могильника (курган № 15); возможно, что он продолжал функционировать и в XII в. О подлинных размерах этого кладбища мы не имеем представления, так как часть курганов была срыта.

⁶ M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Vikingerzeit, II. Stockholm, 1941, табл. 144, рис. 1; табл. 84; табл. 134, рис. 6; табл. 72, рис. 79; табл. 83.

⁷ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 71 рис. 22.

А. Е. АЛИХОВА

МОИСЕЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ
В ПЕРИОД КИЕВСКОЙ РУСИ

Городище у хутора Моисеева (Курская область, Дмитриевский район, с. Береза) было обнаружено Ю. А. Липкингом. В 1955 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР совместно с Курским краеведческим музеем на городище были проведены раскопки¹. Оно относится к раннему железному веку, но были обнаружены также следы жизни на нем и в период Киевской Руси.

Городище расположено на одном из отрогов высокого правого берега р. Свапы, протекающей на расстоянии около 2 км от него, и на левом берегу маленькой, местами пересыхающей речушки Ипуть. У его подножия со стороны мыса находятся постройки заречной части хутора Моисеева (рис. 28—1).

Городище узкое, вытянуто с севера на юг и состоит из трех площадок. По конструкции оно необычное: первая (со стороны мыса) площадка не имеет вала и отделена от второй площадки рвом (глубиной 4 м), видимо, более позднего происхождения; вторая площадка небольшая (длиной 58 м), заканчивается высоким (4 м) валом; третья площадка тоже сравнительно небольшая (длиной 65 м) и замыкается таким же валом — высотой 3 м от площадки и 5 м со стороны рва, глубина которого — 2 м. Восточный склон городища, начиная от мыса и до середины третьей площадки, срезан современной канавой.

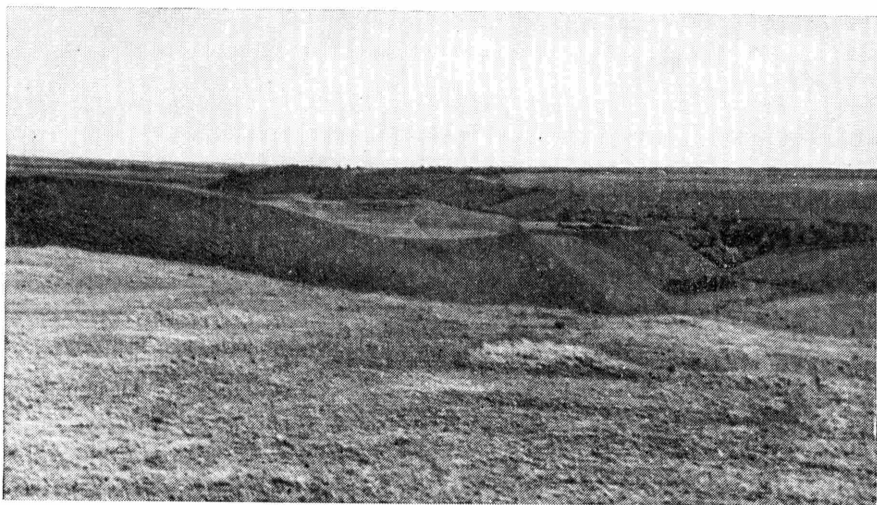
Жизнь на городище впервые возникла в раннее скифское время. Она была интенсивной и продолжалась достаточно долго.

В период Киевской Руси, после длительного запустения, городище и вся его округа были вновь заселены. На городище были, по-видимому, вновь насыпаны высокие валы, в настоящее время сильно распаханные, вырыт или углублен ров. Возможно, к этому периоду относится и сооружение рва, отделившего первую площадку от второй.

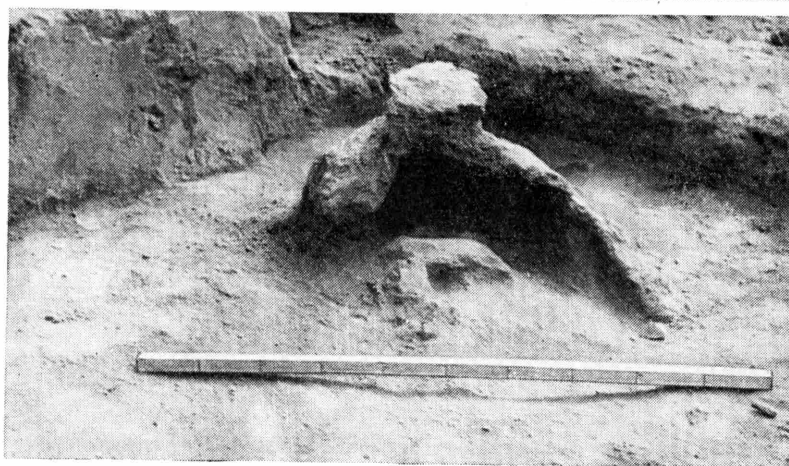
В пределах третьей площадки, защищенной валами, очевидно, был детский. Однако культурный слой здесь очень тонок и содержит, главным образом, материал скифского времени, среди которого встречаются единичные обломки гончарной славянской керамики и найдено 7 обломков стеклянных браслетов. Здесь же обнаружено 9 погребений, расположенных двумя группами.

К северу от городища и к западу от него, за оврагом находится большое селище, на котором местами прослеживаются незначительные углубления, возможно, — следы от землянок. Здесь по всему полю встречается славянская керамика, найдены обломок стеклянного браслета и лемех (см. ниже

¹ В экспедиции участвовали А. Е. Алихова (руководитель экспедиции), Ю. А. Липкинг и Е. В. Недзвецкий.

1

2

Рис. 28. Моисеевское городище.

1 — вид на городище с северо-запада; 2 — вид печи в землянке.

рис. 30—3), а на поле за рвом городища в большом количестве попадаетея шлак.

На первой площадке городища, у края оврага, в раскопе II была обнаружена землянка, квадратная в плане (3,6 × 3,6 м), глубиной 1,7 м от современной поверхности; в материк она была углублена на 1,2 м. С южной стороны, обращенной к мысу, помещался вход в землянку в виде коридора шириной 2 м и длиной 2,3 м, расширявшийся внутрь жилища (рис. 29—2), обнесенный плетнем, следы которого сохранились в виде ямок. Часть их пересекает коридор. Возможно, здесь в песке плетнем был укреплен порог в виде ступеньки. В центре землянки и по углам были ямы от столбов.

В юго-восточном углу, справа от входа, была небольшая глинобитная печь со сводом шириной 45 см, высотой 25 см и длиной 60 см (рис. 28—2). Край устья печи разрушен. Сверху на печи лежал комок обожженной глины. Под состоял из слоя плохо обожженной глины, среди которой были мелкие угольки. На полу землянки, посередине нее, прослеживался тонкий слой обожженной глины, поверх которой лежала тонкая углистая прослойка. Следует заметить, что печь была сооружена не на полу землянки, а на

20 см выше, уже на некотором заполнении дна землянки. Последняя, очевидно, частично перестраивалась, так как центральный столб существовал недолго; затем он был снят и пол обмазан глиной, прикрывшей это место. В западной половине землянки обнаружены две ямы. Одна — овальной формы, 45 × 85 см — была углублена в материк всего на 0,1 м; вторая, расположенная рядом с ней, трапециевидной формы, размерами 40—

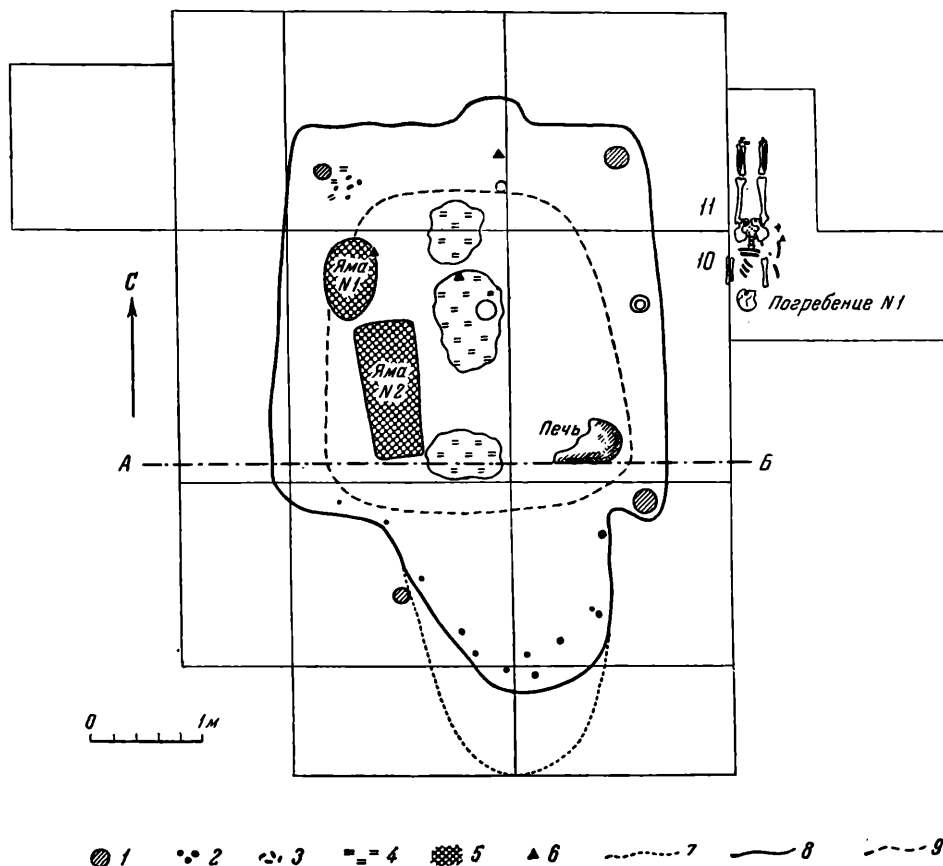

Рис. 29. Землянка и погребение с Моисеевского городища.

1 — столбы; 2 — пятна от столбиков на глубине 90 см; 3 — уголь; 4 — обожженная глина; 5 — ямы; 6 — гончарная славянская керамика на глубине 1,3 м; 7 — контуры входа на глубине 60 см; 8 — контуры ямы на глубине 70 см; 9 — контуры землянки на глубине 1,4 м; 10 — кольцо железное на глубине 1,2 м; 11 — височное кольцо.

55 см × 1,25 м, была углублена в материк на 0,3 м. В обеих ямах никаких находок не было. У дна землянки на глубине 1,3 м в разных местах оказалось несколько фрагментов гончарной славянской керамики XVII—XIII вв. У середины восточной стенки, близ несколько повышенного здесь дна землянки найдено крупное плоское железное кольцо диаметром 11 см.

Моисеевская землянка по устройству печи и по обмазке пола глиной ближе стоит к аналогичным жилищам, известным на Украине — в Киеве², на Райковецком городище³ и др. Печь ее сходна также с печью, обнаруженной на Липинском городище на р. Сейм⁴.

² М. Каргер. Розкопки у Києві в 1946 р. АП, т. 1, Київ, 1949.

³ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 28 и сл.

⁴ И. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 73, рис. 18.

Вообще открытый на Моисеевском городище тип землянки является дальнейшим развитием аналогичных жилищ конца I тысячелетия н. э., известных на р. Сейм около с. Волинцево⁵. Там также устроена глинобитная печь на небольшом возвышении, пол обмазан глиной и в одном случае прослежен такой же коридорообразный спуск в землянку.

Снаружи близ восточной стены землянки, на расстоянии 65 см от нее, на глубине 0,4 м в культурном слое обнаружено женское погребение, ориентированное головой на юг (рис. 29). Череп был перевернут, кости туловища и левая рука смещены и растащены. Костяк лежал в вытянутом положении; предплечье правой руки помещалось поперек туловища. Около черепа и у левого бедра было найдено по проволочному височному кольцу, разного размера, с заходящими концами (рис. 30—1). Над погребением на глубине 0,2 м оказалась характерная для раннего скифского времени гвоздевидная булавка редкой формы — с двумя головками, одна из которых отломана. Эта булавка и ориентировка умершей головой на юг вообще отличают погребение от русских захоронений и, в частности от обнаруженных на третьей площадке описываемого городища. Мало помогают в разрешении вопроса о датировке этого захоронения и височные кольца, встреченные здесь. Этот тип колец был широко распространен как в скифское время, так и в русских захоронениях домонгольского периода.

Другие погребения, обнаруженные в раскопах V и VI, бесспорно, принадлежали славянскому населению. В них костяки лежали в вытянутом положении, головой на запад, с отклонениями к югу. В обряде захоронения привлекают внимание встреченные в двух случаях крупные куски фосфорита, положенные в головы или ноги погребенного (раскоп V, погребение № 3; раскоп VI, погребение № 9).

Раскоп V. Погребение № 2 открыто на глубине 0,3—0,35 м. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад — юго-запад. Кости туловища смещены и перемешаны, череп перевернут. В ногах, между стопами, находился железный нож. Костяк хорошо сохранился. Он принадлежал мужчине немолодого возраста.

Погребение № 3 обнаружено на глубине 0,3 м. Костяк, ориентированный головой на запад — северо-запад, лежал на спине в вытянутом положении, лицом к югу. Руки были согнуты в локтях, кисть правой руки располагалась в области крестца; предплечье левой руки лежало поперек туловища, ребра и нижняя челюсть были смещены. Костяк принадлежал молодой женщине. В головах и в ногах на уровне захоронения было положено

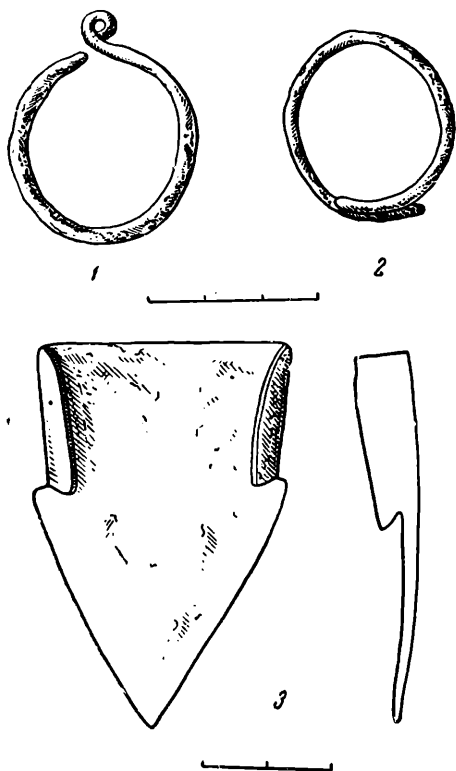

Рис. 30. Моисеевское городище и селище.

1 — височное кольцо из погребения № 1; 2 — височное кольцо из погребения № 3; 3 — лемех с селища

⁵ В. И. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 251—269.

по куску фосфорита (весом по 4—5 кг). Под правым виском найдено височное кольцо с завитком на конце (рис. 30—2).

Погребение № 4 найдено на глубине 0,6 м. Скелет лежал в вытянутом положении, головой на запад — юго-запад. Кости туловища и руки были смещены и растащены. Костяк принадлежал, по-видимому, женщине средних лет. Вещей нет.

Погребение № 5 открыто на глубине 0,7 м. Костяк, обращенный головой на запад, покоился на спине. Ноги были слегка согнуты в коленях. Предплечье левой руки лежало поперек туловища; правое предплечье и кости туловища смещены. Череп был повернут лицом к северу, возможно, в результате смещения. Под костями ног заметны следы тлена, в области груди найден обломок перержавевшего гвоздя. Костяк принадлежал женщине.

Погребение № 6 обнаружено на глубине 0,7 м. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, ориентированный головой на запад — юго-запад, лицом к югу. Предплечье левой руки находилось в области груди, а правой — было вытянуто вдоль туловища. Погребенный — человек средних лет.

Раскоп VI. Погребение № 7 (подростка) вскрыто на глубине 0,3 м. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Правая рука была протянута вдоль туловища, кисть располагалась в области таза; левая рука была слегка согнута в локте и кисть лежала на крестце. Вещей не оказалось.

Погребение № 8 (женское) найдено на глубине 0,35 м. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Руки были согнуты в локтях и кости предплечий помещались поперек туловища. Вещей нет.

Погребение № 9 (женское) обнаружено на глубине 0,35 м. Скелет покоился на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Предплечье левой руки смещено. Вещей не было, лишь в ногах найден крупный кусок фосфорита, весом примерно 15 кг.

Для датирования описанных погребений может служить только одно височное кольцо с завитком на конце. Этот тип височных колец, судя по раскопкам многочисленных Гочевских курганов, очень редко встречается в Курской области — на древней северянской земле⁶. В то же время он известен на соседних славянских землях и датируется домонгольским временем.

⁶ Д. Я. Самоквасов. Атлас гочевских древностей. М., 1915.

В. П. ДАРКЕВИЧ

ОСТЕРСКАЯ НАХОДКА

В краеведческом музее г. Остер, Черниговской области, хранится предмет, уникальный для территории Древней Руси. Он найден в 1959 г. при пахоте на древнерусском селище домонгольского времени у с. Кошаны (урочище Исаево)¹.

Это продолговатый костяной стержень, на конце которого искусный резчик изобразил голову льва. В раскрытой пасти лев держит человеческую голову (рис. 31—1). Длина поделки — 9,5 см, ширина — 1,2 см, толщина — 0,6 см, длина резной части — 2,5 см. Особенно выразительна в своей хищной злобе и жестокости львиная морда (рис. 31—2). Она трактована несколько обобщенно, что усиливает впечатление. Несколькими врезными линиями рельефно выделены челюсти, складки кожи, слегка выпуклый лоб, глаза и нос с точками ноздрей. Грива, подобная ошейнику, стилизована в виде чешуек, с продольной черточкой каждая². Если львиная морда с боков уплощена, то человеческая голова объемна и пропорциональна (рис. 31—3). Это мужская голова с короткими волосами на лбу, овальным лицом, с большими глазами, массивным носом и тонким ртом.

Этот образ трагической гибели человека в пасти хищника имеет множество параллелей в романском искусстве XI—XII вв., где с особой изощренностью и мрачной фантазией рисовались ужасные посмертные мучения грешников. Символический образ свирепого льва, терзающего человека, нашел здесь особое развитие. Он коренится в символике Библии и писаний христианских богословов (Августин, Гонорий из Отэна). Здесь рыкающий лев, ищущий, кого бы поглотить, символ сил ада, дьявола, смерти. Согласно св. Августину, зло является стремительным, как лев, и неистовствует подобно ему. Сила льва — в его пасти, как медведя — в его лапе³. Изречение апостола Петра гласит: «Супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит иский кого поглотити»⁴. В одном древнерусском литературном памятнике XVI в. дается такой образ смерти: «Прииде к нему смерть и бе видение ея яко лев» и т. д.

В романской пластике изображения львов, держащих человека то в пасти, то в лапах, встречаются на тимпанах стен соборов⁵, в декорации

¹ Приношу благодарность директору музея С. Д. Василенкс, любезно предоставившему мне вещь для публикации.

² Подобной чешуей покрыты шея и хвост одного из драконов южного фасада Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Г. К. Вагнер. К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА, 1960, № 1, рис. 1).

³ E. P. Evans. Animal symbolism in ecclesiastical architecture. London, 1896, стр. 88.

⁴ И. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881, примеч. на стр. 69.

⁵ Например, на тимпане собора в Стогби XII в., хранящемся в Историческом музее Лунда (Henrik Sognell. Den Svenska konstens historia. Stockholm, 1944, табл. 25, низ).

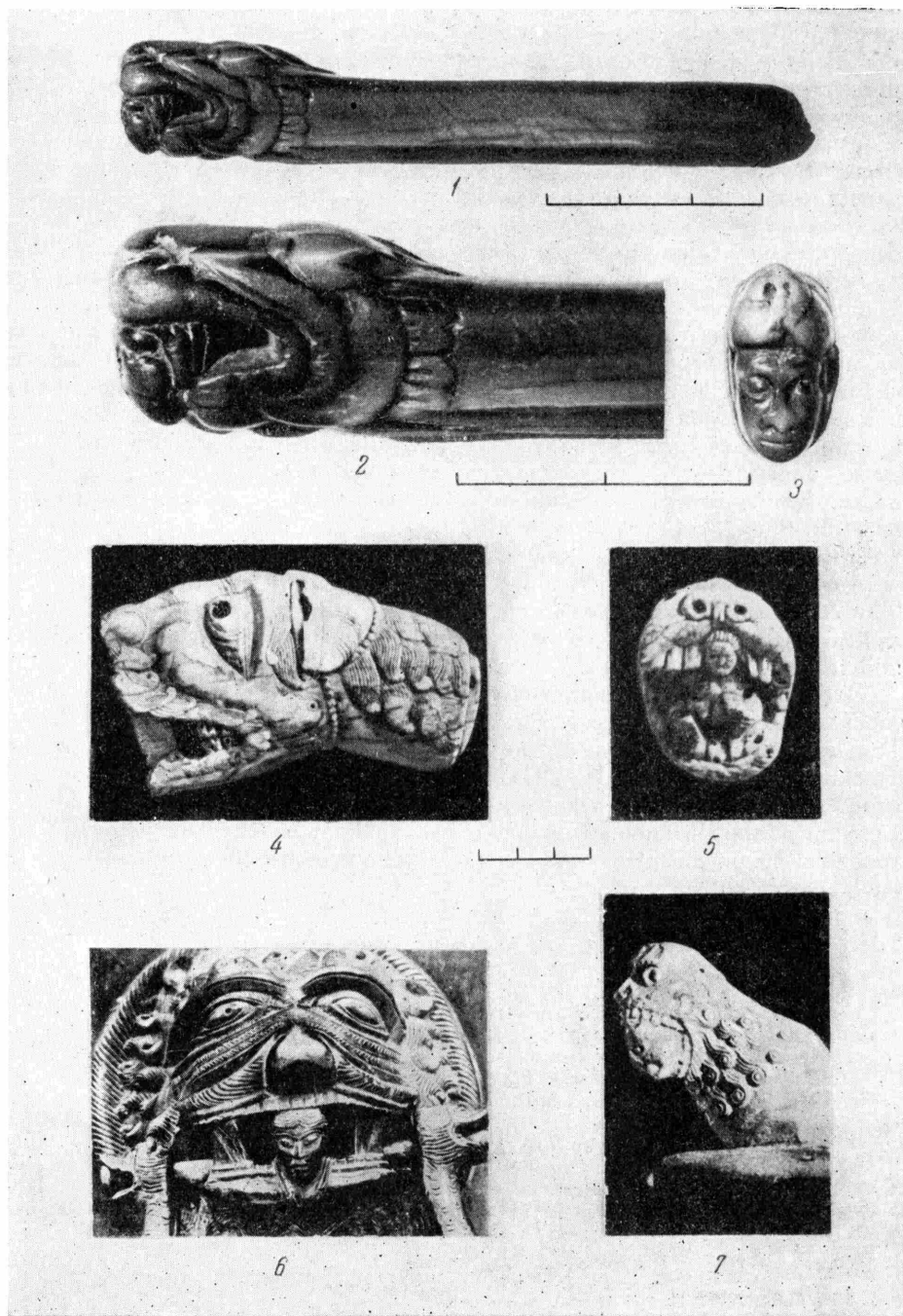

Рис. 31. Остерская находка и ее романские параллели.

1—3 — костяная голова льва из Остерского музея; 4, 5 — костяная львиная голова из Южной Германии (Айхштетт); 6 — рукоятка магдебургских врат XII в. (Новгород); 7 — деталь купели (Эльзас).

порталов⁶, на капителях⁷, в качестве скульптур, оформляющих различные части здания⁸. В Италии, особенно в Тоскане, львы, поддерживающие колонны у входа в собор или церковные кафедры, представляют сатану, подчиненного служению христианству. В церквях Пьяченцы, Феррары, Модены, Рима колонны покоятся на плечах людей со львами под ними, которые терзают других людей. Это еретики, которых заполучил дьявол, в свою очередь побежденный силой христианского учения⁹.

Лев, держащий в пасти человеческую голову, вместе с другими монстрами поддерживает купель в одной из церквей Эльзаса (рис. 31—7). Добродетель крестившегося торжествует над духовной гибелью — таков смысл этого изваяния¹⁰. На магдебургских вратах (середина XII в.) из Софийского собора в Новгороде рукоятки сделаны в виде львиных масок, из открытых пастей которых выглядывают головы поглощенных грешников (рис. 31—6)¹¹.

Аналогичные сюжеты встречаются и в резьбе по кости, как, например, на английском ларце (около 1100 г.), где изображены два льва, поедающие человека (Британский музей)¹². Особенно интересна вырезанная из моржовой кости львиная голова XII в. из Южной Германии (Айхштетт). В раскрытой пасти ее сидит на корточках мужчина, в грудь которого впились две змеи (рис. 31—4, 5). Вероятно, она являлась украшением одной из косых перекладин епископского кресла¹³. Несмотря на большие размеры (длина — 8—9 см), тщательную детализацию (особенно в разработке гривы, шерсти возле пасти, глаз, в которых, по-видимому, сидели жемчужины) и усложненную символику, эта голова живо напоминает остерскую находку. Они сближаются по форме (хотя львиная голова из Германии более округла), а также сходным абрисом челюстей и трактовкой передней части львиной морды.

Вся совокупность стилистических признаков указывает на то, что остерская находка является произведением западного косторезного ремесла. Так, аналогичная трактовка гривы встречается у драконов на навершиях епископских посохов XII—XIII вв.¹⁴ Мужская голова, проглатываемая хищником, несмотря на некоторые индивидуальные черты, имеет чисто романский облик. Возможно, это изделие, которое можно датировать XII в., попало в Черниговскую землю из Южной Германии, которая имела в это

⁶ Например, на главном портале собора св. Иакова в Ратызбоне (L. Kalinowski. *Treści ideowe i estetyczne drzwi gnieźnieńskich*. В кн.: «*Drzwi gnieźnieńskie*», t. II, Wrocław, 1959, стр. 93); на арке северного портала собора Лунда (1123 г.; Henrik Cornell. *Указ. соч.*, табл. 23, низ).

⁷ На капители нефа церкви св. Исидора Леона (первая половина XII в.; G. Gailard. *La sculpture romane espagnole*. Paris, 1946, табл. XXVIII, 35); на капителях церкви школы Лангедок (первая половина XII в.), где львы образуют парные композиции (P. Deshayes. *Die romanische Plastik Frankreichs, Elfte und Zwölftes Jahrhundert*. Berlin, 1930, табл. 27); на капители бенедиктинской церкви в Хеклингене (W. Blanckenburg. *Heilige und dämonische Tiere. Die Symbolsprache der deutschen Ornamentik im frühen Mittelalter*. Leipzig, 1943, рис. 71).

⁸ Скульптура у входа на хоры в соборе Хур (Швейцария; W. Blanckenburg. *Указ. соч.*, рис. 66); в церкви Росхайм (Эльзас; там же, рис. 67); на апсиде собора в Эксе (середина XII в., Прованс; R. Hamann. *Tierplastik im Wandel der Zeiten*. Berlin, 1949, рис. 53, а).

⁹ E. P. Evans. *Указ. соч.*, стр. 91, 92.

¹⁰ R. Will. *Repertoire de la sculpture romane de l'Alsace*. Strasbourg — Paris, 1955, стр. 86 и табл. XXXII, b.

¹¹ A. Godschmidt. *Die Bronztüren von Nowgorod und Gnesen*. Marburg, 1932, табл. 11; 20, а, b; 51, b. На бордюре бронзовых дверей XII в. из Гнезно лев, пожирающий нагого человека, помещен напротив сцен, предшествующих описанию убийства св. Войцеха в прусской языческой земле (Z. Kępiński. *Symbolika drzwi gnieźnieńskich*. В кн.: «*Drzwi gnieźnieńskie*», t. II, Wrocław, 1959, стр. 213, 214).

¹² L. Kalinowski. *Указ. соч.*, стр. 94.

¹³ A. Godschmidt. *Die Elfenbeinskulpturen der romanischen Zeit (XI—XIII Jahrhundert)*, Bd. 4, Berlin, 1926, стр. 59 и табл. LXXVII, 306, а — d.

¹⁴ O. Pelka. *Elfenbein*. Berlin, 1920, рис. 109.

время прочные торговые связи с Киевом (г. Регенсбург на верхнем Дунае¹⁵).

Сцена терзания человека львом была известна и древнерусскому искусству. Она изображена на фрагменте шиферной плиты из Киева¹⁶ (Киевский исторический музей). Вероятнее всего, эта композиция сложилась под влиянием западных образцов и относится к тому же комплексу теологических идей. Оскал львиной пасти и поза поверженного человека сближают изображение со скульптурой из музея в г. Шпейере (Южная Германия)¹⁷.

В кругу других предметов западноевропейского искусства, найденных на территории Киевской и Черниговской земель, львиная голова из Остерского музея приобретает особый интерес. Подобные находки помогут объяснить и происхождение некоторых романских деталей в декорации черниговских храмов XII в.

¹⁵ В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. Журн. Мин. нар. проsv., 1888, VII, стр. 121—150; А. А. Спицын. Торговые пути Киевской Руси. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 4; Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. В кн.: «История культуры Древней Руси», т. 1. М.—Л., 1951, стр. 343.

¹⁶ М. Макаренко. Скульптура й різьярство Київської Русі. Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Зб. 1, Київ, 1931, табл. XIV, рис. 29. М. Макаренко считал этот сюжет порождением византийских культурных форм и быта, рассматривая его как изображение борьбы с дикими зверями на константинопольском ипподроме (там же, стр. 82). Доказательств в пользу своей точки зрения он не привел никаких.

¹⁷ W. Blankenburg. Указ. соч., рис. 69.

Г. К. ВАГНЕР

ДВА СЮЖЕТА ФАСАДНОЙ ПЛАСТИКИ
ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА 1230—1234 ГОДОВ

Из всех выявленных скульптурных композиций на библейские и евангельские сюжеты, входивших в оформление фасадов Георгиевского собора 1230—1234 гг., к настоящему времени реконструированы три: «Преображение»¹, «Распятие» («Святославов крест»)² и «Семь спящих отроков эфесских»³. В этой заметке делается попытка реконструкции композиций «Три отрока в печи огненной» и «Даниил во рву львином». На изначальное существование первой композиции на фасаде Георгиевского собора было указано еще К. К. Романовым⁴. Второй сюжет был отмечен Д. В. Айналовым⁵.

В Книге пророка Даниила рассказывается о четырех иудейских отроках — Данииле, Анании, Азарии и Мисаиле, увезенных в вавилонский плен царем Навуходоносором. Вскоре Анания, Азария и Мисаил были возведены в высокие чины, но за отказ поклоняться царскому идолу брошены в «огненную печь», где, однако, не сгорели, так как посланный богом ангел навел на печь свежесть и влагу. Далее следует описание сходной истории Даниила, брошенного в львиный ров царем Киром. Драматизм содержания, картинная яркость и религиозная назидательность обоих сюжетов обеспечили им широкое распространение в христианском искусстве⁶.

Три отрока в «печи огненной» обычно изображались стоящими рядом на печи, имевшей вид куба или шестигранника с тремя проемами для топлива. Но известны случаи, когда печь не представлена, а заменена символом в виде пламени (миниатюра в греческой псалтыри IX в.⁷; рельеф

¹ К. К. Романов. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. ИАК, вып. 36, СПб., 1910, стр. 83, табл. VIII.

² Там же, стр. 83. См. также К. К. Романов. «Святославов крест» в г. Юрьеве-Польском. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 205—208, таблица в приложении (без номера); Г. К. Вагнер. К вопросу о реконструкции северного фасада Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. «Архитектурное наследство», сб. 14. М., 1962, рис. 1.

³ Г. К. Вагнер. О первоначальной форме рельефной композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора г. Юрьева-Польского. СА, 1960, № 2, стр. 266, рис. 2. Надо сказать, что из всех трех перечисленных композиций с несомненностью реконструировано только «Преображение». «Распятие» и «Семь спящих отроков» реконструированы с известной долей гипотетичности.

⁴ К. К. Романов. К вопросу о технике выполнения рельефов собора св. Георгия в Юрьеве-Польском. *Seminarium Kondakovianum*, II, Prague, 1928, стр. 159, 160. Как видно из текста этой работы, К. К. Романов намеревался опубликовать статью о композиции «Три отрока в печи огненной», но этот замысел остался неосуществленным.

⁵ Demetrius Ainalov. *Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit*. Berlin und Leipzig, 1932, стр. 27. Композиция тоже осталась неопищенной.

⁶ Louis Réa u. *Iconographie de L'art chrétien*, т. II, Paris, 1956, стр. 390—406.

⁷ Из бывш. собрания Хлудова, ныне — ГИМ, л. 160 б.

на северном фасаде Успенского собора во Владимире, XII в.⁸). Отроки изображались иногда во весь рост (греческая Хлудовская псалтырь), но чаще всего — по колена или по пояс, ноги же их скрыты пещью (Киево-Софийский собор, середина XI в.⁹; псалтырь Британского музея, 1066 г.¹⁰; фреска над апсидой крещальни Успенской церкви Елецкого монастыря в Чернигове, XII в.¹¹; южные врата Суздальского собора 1222—1225 гг.¹²; славянская псалтырь из бывш. собрания Хлудова, XIII—XIV вв.¹³; Новый завет с псалтырью в собрании ГИМ, XIV в.¹⁴ и т. д.) или пламенем (рельеф Успенского собора во Владимире).

В раннехристианских памятниках отроки нередко изображались нагими¹⁵, а также в опоясанных или свободных туниках или хламидах¹⁶. Но уже в это время складывается и в византийском искусстве закрепляется специфическая иконография одежды отроков — туника с подвязанным в двух местах (над бедрами) подолом, имеющая, таким образом, нижний край в виде трех свисающих треугольников или фестонов. Сверх туники — плащ. На головах отроков чаще всего — фригийские колпачки (монументы на кладбище Каллиста; саркофаг в Милане¹⁷; греческая Хлудовская псалтырь; Киево-Софийский собор). Описанная одежда с «фестончатым» подолом не получила в иконографии специального названия. Н. П. Кондаков считал, что она имеет палестинско-пастушеское происхождение и в византийской иконографии присвоена лицам и святым, происходившим с Востока¹⁸.

Три отрока в печи (или только в пламени) изображались в фронтальных позах (греческая Хлудовская псалтырь; Киево-Софийский собор; Успенская церковь Чернигова), или же в такой позе изображена центральная фигура, а боковые — повернуты к ней (псалтырь Британского музея; рельеф Успенского собора во Владимире; суздальские врата; славянская Хлудовская псалтырь; Новый завет с псалтырью в ГИМ). Положение рук — молитвенное. Варианты: 1) руки воздеты, как у орантов (греческая Хлудовская псалтырь); 2) руки центральной фигуры (иногда и одной из боковых) в положении оранта, руки боковых фигур подняты с поворотом к центральной фигуре (рельеф Успенского собора; Новый завет с псалтырью в ГИМ); 3) руки всех отроков подняты перед грудью и обращены ладонями вперед (Киево-Софийский собор; псалтырь Британского музея); 4) с руками перед грудью изображен только средний отрок, боковые же — с воздетыми руками (суздальские врата, славянская Хлудовская псалтырь).

⁸ А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 2, рис. 3 и 13. К сожалению, нам остался неизвестным рельеф на фасаде храма Креста в Ахтамаре X в.

⁹ «Древности Российского государства». Киево-Софийский собор, вып. IV, СПб., 1887, табл. 47.

¹⁰ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, М., 1948, табл. 124а.

¹¹ За ознакомление с этой росписью я благодарен Н. В. Холостенко. Успенская церковь Елецкого монастыря не имеет точной даты. По мнению Н. В. Холостенко, она предшествует Борисоглебскому собору Чернигова 1120—1123 гг.

¹² «Древности Российского государства», отд. VI, СПб., 1853, табл. 31.

¹³ Собрание ГИМ, л. 281.

¹⁴ В. Н. Лазарев. Указ. соч., табл. 315, а, б.

¹⁵ M. Martigny. Dictionnaire des antiquités chrétiennes. Paris, 1877, стр. 339.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 338. См. также L. Réa u. Указ. соч., стр. 400.

¹⁸ Н. П. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, стр. 97. В такой же тунике изображался пророк Даниил, а также восточные волхвы, маги, цирковые артисты и т. д. (Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. Труды VIII Археологического съезда, т. I, СПб., 1892, глава V. Тут же приведены примеры). Поэтому правильнее было бы называть такой костюм «халдейским» или «фригийским». Даниилу, Анании, Азарии и Мисаилу он был присвоен, очевидно, потому, что их история тесно связана с «Халдеей».

Над отроками почти всегда помещена поясная фигура ангела с распростертыми крыльями и осеняющими руками. Но в рельефе Успенского собора г. Владимира на этом месте изображен Вседержитель¹⁹. В греческой Хлудовской псалтыри ангел стоит сзади отроков, не возвышаясь над ними. На одной из новгородских икон XV—XVI вв. ангел и три отрока держатся за руки, образуя своеобразный «хоровод» на печи²⁰.

На некоторых произведениях живописи у печи изображаются истопники или истукан, которому отроков принуждал поклоняться Навуходоносор, а также сам Навуходоносор на троне (Киево-Софийский собор, суздальские врата, славянская Хлудовская псалтырь, Новый завет с псалтырью в ГИМ, икона из бывш. собрания Н. П. Лихачева²¹ и др.). В таком виде рассматриваемая композиция вошла в древнерусские лицевые подлинники, например Строгановский. В рельефных композициях эти дополнительные фигуры отсутствуют.

Обращаясь к рельефам Георгиевского собора, находим, что среди всех сохранившихся фигурных изображений имеются только два, иконографически соответствующих отрокам. Около южного окна западного фасада находится камень с фигурой оранта во весь рост и в фестончатой одежде, свойственной отрокам²². Размеры камня: высота — 56 см, ширина — 45 см. Вторая фигура, тоже в рост и в такой же одежде, изображена на камне, находящемся слева от западного окна южного фасада²³. Эта фигура повернута на $\frac{3}{4}$ вправо. Руки ее воздеты перед грудью и направлены тоже вправо. Размеры второго камня: высота — 50 см, ширина — 44 см. Обе фигуры — с юными лицами и с нимбами. В кладке нижней части восточного деления южной стены находится камень (высота — 34 см, ширина — 67 см) с поясной фигурой ангела²⁴. Крылья и руки ангела распростерты.

Рельеф с ангелом, несомненно, происходит из верхней части композиции «Три отрока в печи огненной»²⁵. Что касается фигур отроков, то из двух выделенных рельефов к этой композиции тоже, несомненно, принадлежал второй рельеф с фигурой в повороте вправо. Это была крайняя левая фигура композиции. Фигура оранта в фронтальной позе иконографически вполне могла бы быть центральной фигурой той же композиции. В таком случае каменный блок с этой фигурой должен был бы находиться рядом со вторым блоком, справа от него. Одним из технических условий при этом должна быть одинаковая высота блоков, так как ряды кладки Георгиевского собора 1230—1234 гг. хотя и были разной высоты, но в пределах каждого ряда горизонтальность швов выдерживалась²⁶. Между тем оба рассматриваемых блока — разной высоты. Если даже учесть, что блок с фигурой в повороте снизу немного обколот, все равно обе фигуры не одномасштабны. В иконографии же рассматриваемого сюжета средняя фигура ничем не выделялась. Наконец, — и это самое главное, — фрагменты растительного орнамента на блоках, при сопоставлении последних рядом,

¹⁹ По мнению Я. И. Смирнова, рельеф с изображением Вседержителя появился здесь позже, т. е. в виде замены фигуры ангела (Архив ЛОИА, ф. 29, № 529). Неизвестно, на чем Я. И. Смирнов основывал свое суждение. Если он исходил только из иконографии сюжета, то иконография как раз дает примеры, когда в четвертой фигуре подразумевался не ангел, а «сын божий». Эти примеры относятся к раннехристианскому искусству. М. Martignou. Указ. соч., стр. 339, 340; Z. Réa u. Указ. соч., стр. 399, 400.

²⁰ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 120.

²¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, ч. II. СПб., 1906, табл. 682.

²² А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 36, рис. 5.

²³ Там же, табл. 36, рис. 3.

²⁴ Там же, табл. 40, рис. 1. Пользуюсь случаем выразить здесь благодарность архитектору А. В. Столетову за предоставленные мне масштабные прорисы с рельефов.

²⁵ С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Кандидатская диссертация, 1953, стр. 59.

²⁶ См. подробнее Г. К. Вагнер. О первоначальной форме рельефной композиции «Семь спящих отроков...», стр. 266.

не совпадают, т. е. не являются один продолжением другого. Промежуточного же блока с одним растительным орнаментом не могло быть; такого разрыва фигур не допускает иконография сюжета.

Остается признать, что фронтальная фигура оранта представляет собой не центральную фигуру из композиции «Три отрока в печи огненной», а пророка Даниила, изображавшегося в такой же одежде и в такой же позе²⁷. Следовательно, из трех фигур отроков, входящих в композицию «Три отрока в печи огненной», до нас дошла только одна. Остальные две фигуры могут быть легко докомпонованы, так как главной чертой.

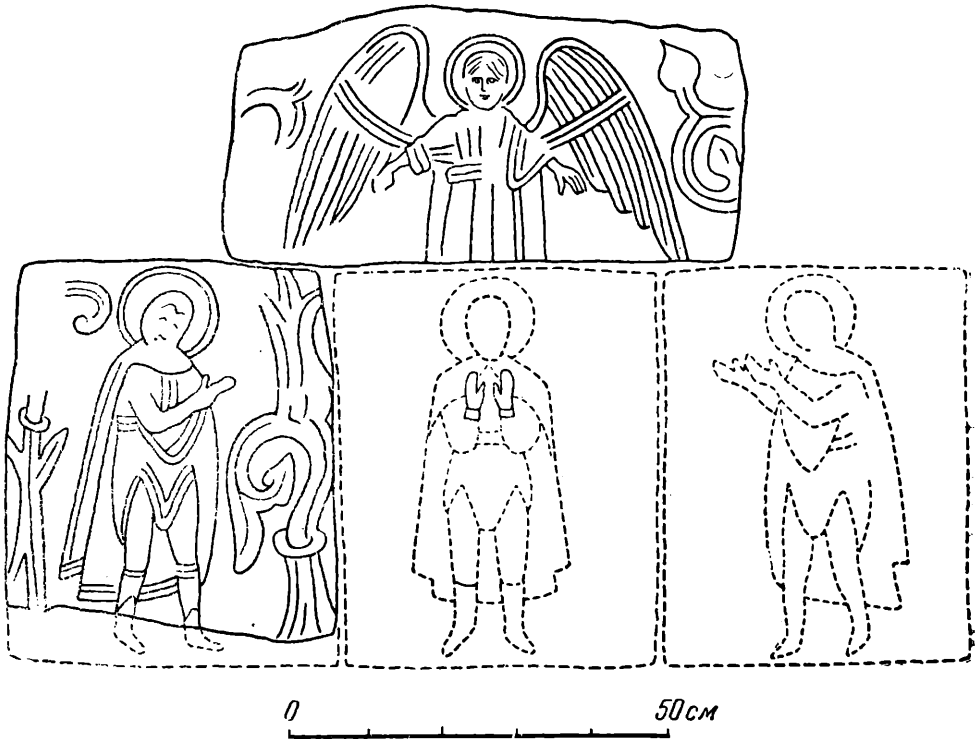

Рис. 32. Схематическая реконструкция композиции «Три отрока в печи огненной».

реконструируемой композиции была зеркальность с четко выраженной осью симметрии. При этом поза центральной фигуры может вызвать сомнения лишь в смысле положения рук: они могли быть воздеты, как у оранта, но могли быть подняты и перед грудью. По аналогии с суздальскими воротами нами предпочтен второй вариант.

Все три блока с фигурами, несомненно, находились рядом и были одинаковой высоты. Блок с фигурой осеняющего ангела находился, конечно, над центральным блоком. На рис. 32 приводится схематическая реконструкция композиции.

Что касается изображения самой печи, то среди сохранившихся рельефов нет ничего, что указывало бы на его первоначальное вхождение в композицию. По-видимому, печь и не была изображена. Миниатюра греческой Хлудовской псалтыри доказывает такую возможность²⁸. Таким образом,

²⁷ См. ниже.

²⁸ Возможность отсутствия изображения печи подтверждается и всем характером сюжетных композиций Георгиевского собора. За исключением «Троицы», в них отсутствует всякий стаффаж. В «Троице» тоже нет обычного архитектурного фона. В «Преображении» нет обычной горы Фавор и т. д.

первоначальная композиция «Три отрока в печи огненной» состояла из двух рядов кладки, общей высотой около 90 см²⁹, и имела пирамидально-ступенчатую форму, аналогично одноименной рельефной композиции Успенского собора во Владимире. Конфигурация композиции очень хорошо подходит для размещения последней в тимпане какой-либо закомары Георгиевского собора.

Центральные закомары должны быть исключены, так как в них, конечно, должны были размещаться композиции на важные евангельские сюжеты — «Распятие», «Вознесение», «Преображение». Боковая южная закомара западного фасада тоже исключается, потому что здесь находилась композиция «Семь спящих отроков эфесских»³⁰. Поскольку кроме композиции «Три отрока в печи огненной» на фасаде Георгиевского собора находилась композиция «Даниил во рву львином», остается еще пять боковых закомар (северного, южного и западного фасадов), в одной из которых и должна была размещаться композиция «Три отрока в печи огненной». Не предрешая пока вопроса о том, в какой именно боковой закомаре и на каком фасаде находилась изучаемая композиция³¹, дадим схему ее размещения исходя из пропорциональных данных тимпанов угловых закомар.

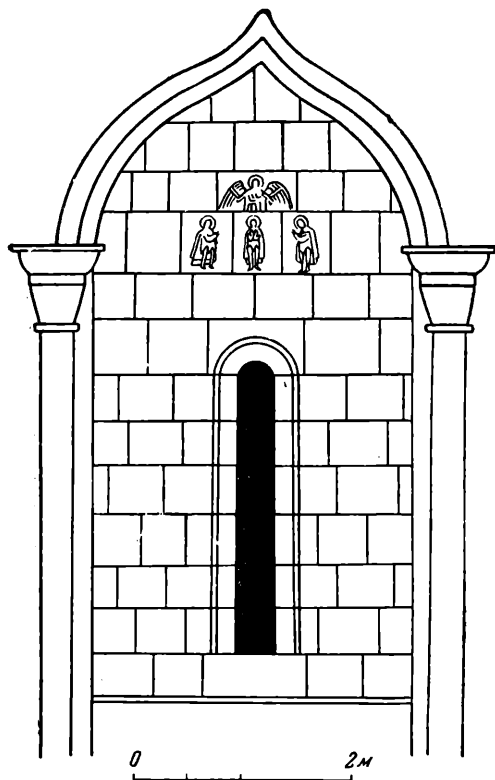

Рис. 33. Схематическая реконструкция боковой закомары Георгиевского собора с размещением композиции «Три отрока в печи огненной».

Боковые закомары Георгиевского собора 1230—1234 гг. очерчивались радиусом на 90 см меньше, чем радиус центральных закомар³². От перемычек ниже лежащих окон (северного и южного фасадов) до вершины тимпанов закомар было приблизительно 2,43 м. На западном фасаде это расстояние было еще больше³³.

Принимая высоту одного ряда белокаменной кладки в среднем за 45 см, находим, что кладка боковой закомары (без профилировки) состояла из шести рядов блоков. Из реконструированной нами композиции видно, что одни ряды были выше, другие — ниже, но общее число рядков кладки от этого не изменяется. Логичнее разместить композицию в центре, тогда сверху и снизу нее останется по два ряда кладки. На рис. 33 дается схема-

²⁹ Следует учесть, что блок с фигурой отрока снизу немного обколот, вероятно, не более чем на 4—5 см.

³⁰ Г. К. Вагнер. О первоначальной форме рельефной композиции «Семь спящих отроков...», стр. 269, 270.

³¹ Этот вопрос должен быть рассмотрен после реконструкции композиции «Даниил во рву львином».

³² Г. К. Вагнер. О первоначальной форме рельефной композиции «Семь спящих отроков...», стр. 269.

³³ Там же.

тическая реконструкция «условной» боковой закомары Георгиевского собора с размещением рельефной композиции «Три отрока в печи огненной».

Следует оговориться, что предлагаемая реконструкция исходит из допущения, что второй ярус Георгиевского собора в средних закомарах был по высоте равен нижнему ярусу, как это наблюдается в церкви Покрова на Нерли и Дмитриевском соборе г. Владимира. Если же учесть, что Георгиевский собор 1230—1234 гг. мог иметь между подпружными арками и барабаном главы добавочный объем в виде постамента³⁴, то высоту второго яруса необходимо немного снизить. Реконструированная нами рельефная композиция «Семь спящих отроков эфесских» важна, между прочим, тем, что дает своего рода «лимит» для такого снижения. Второй ярус не может быть снижен (по сравнению с первым) более чем на 40—50 см, т. е. в среднем на один ряд кладки. Если принять такой вариант реконструкции собора, то композиция «Три отрока в печи огненной» все равно может остаться на указанном месте, но над ней будет не два, а один ряд кладки.

Библейская история трех иудейских отроков — Анании, Азарии и Мисаила — тесно связана с историей четвертого отрока — Даниила. Даниил, как и три отрока, тоже отказался поклоняться вавилонскому истукану, за что был брошен царем Дарием в ров со львами³⁵. Оставшись невредимым и прославившись как мудрец, Даниил при царе Кире снова был брошен в ров со львами за то, что разрушил вавилонские капища. И на этот раз он остался невредимым благодаря заступничеству бога, который через ангела посылал с пророком Аввакумом пищу Даниилу.

Сюжет «Даниил во рву львином» был предметом многочисленных изображений в христианском искусстве. С ним связывалась идея чудесной покровительственной силы божества, весьма актуальная в эпоху развития феодальных отношений³⁶.

В ранних (до V в.) памятниках Даниил изображался в виде античной фигуры без одежды, с двумя львами у ног (Большой латеранский саркофаг³⁷, саркофаг в Арле³⁸ и др.). Затем появляются его изображения в тунике (плита музея Бурже, V в.)³⁹ и, наконец, в специфическом восточном («халдейском») костюме с треугольными «фестонами» по подолу, который был характерен и для трех отроков. Миниатюра ватиканского списка «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова (VII в.) дает вполне сложившийся византийский иконографический извод сюжета «Даниил во рву львином». Даниил стоит в фронтальной позе, руки его воздеты, как у оранта, у ног пророка — два льва. Сбоку изображен пророк Аввакум, несущий пищу Даниилу⁴⁰. Изображение Аввакума (иногда с ангелом) свойственно, однако, только живописным композициям, к тому же не всем⁴¹. В пластике основными объектами изображения были фигура Даниила и львы. Наиболее лаконичным и схематичным характером отличались композиции разбираемого сюжета на печатях. Вследствие круглой

³⁴ Ср. Н. Н. Воронин. Памятники владими́ро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М., 1945, стр. 77, 78; его же. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусств. М. 1952, стр. 301.

³⁵ L. Réa u. Указ. соч., стр. 401.

³⁶ Там же, стр. 402.

³⁷ Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии..., рис. 57; его же. Очерк памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900, рис. 11.

³⁸ Marcel Aubert. La sculpture française au moyen-âge, 1946, без места изд., стр. 20.

³⁹ Там же, стр. 21. См. также армянские и грузинские рельефы, композиционно близкие друг другу. Бабкен Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII веков. Ереван, 1949 (на армянск. яз.), стр. 115, рис. 9, 10; Материалы по археологии Кавказа, вып. IV, М., 1894, стр. 84, табл. XXXIII.

⁴⁰ К. Е. Редин. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916, стр. 32.

⁴¹ К сожалению, нам осталась неизвестной миниатюра с изображением Даниила в греческой псалтыри IX в. из бывш. собрания Хлудова (ныне в ГИМ). Эта миниатюра была вырезана из псалтыри еще до поступления последней в ГИМ.

плоскости печатей львы (обычно два) изображались как бы припавшими головами к ногам Даниила⁴², что, впрочем, вполне отвечает смыслу сюжета.

В скульптуре романских капителей встречаются изображения Даниила, сидящего в окружении нескольких львов⁴³. Иногда Даниил представлен в жанровой позе, сидящим опершись головой на руку, что напоминает сюжет «Христос в темнице». Есть, наконец, изображения Даниила среди других человеческих фигур и нескольких львов, причем Даниил держит соседних львов за передние лапы⁴⁴.

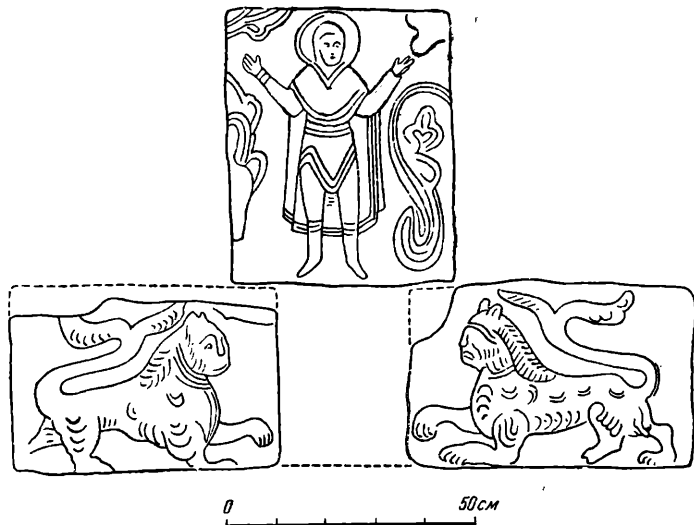

Рис. 34. Схематическая реконструкция композиции «Даниил во рву львином».

Среди ранних произведений древнерусского искусства известны изображения Даниила без львов, но в этих случаях перед нами не сцена во рву львином, а обычное изображение пророка. Даниил держит руки перед грудью, ладонями вперед⁴⁵; иногда в одной руке его — свиток⁴⁶. На южных вратах Суздальского собора 1222—1225 гг. сюжет «Даниил во рву львином», дан уже в развернутом виде, с пророком Аввакумом и даже с ангелом⁴⁷. Даниил изображен в позе оранта, но не в «халдейской» тунике. У ног Даниила — два льва: левый припал к ногам пророка, правый сидит с грозно поднятой лапой. В славянской Хлудовской псалтыри XIII—XIV вв. сцена «Даниил во рву львином» дана в иконографическом изводе, очень близком одноименной сцене южных врат Суздальского собора⁴⁸. Даниил представлен орантом, но в «халдейской» тунике. У ног пророка, вероятно, тоже два льва (фигуры их срезаны). Слева ангел при-

⁴² Ср. византийские печати в сфрагистическом альбоме Н. П. Лихачева (Архив ИА АН СССР), табл. LXVI, рис. 7 и 8. С ними могут быть сопоставлены печати из новгородских находок. Одна из них хранится в Новгородском музее (инв. № 11135) и датируется XII в., местонахождение другой неизвестно; фото — в архиве Н. П. Лихачева (Архив АН СССР, Ленинград, ф. 246, оп. 1, ед. № 123, рис. 116, с). Датируются 20—30-ми годами XII в. За сообщение этих сведений я благодарен В. Л. Янину.

⁴³ Marcel Aubert. Указ. соч., стр. 63.

⁴⁴ Там же, стр. 92; L. Réau. Указ. соч., стр. 404.

⁴⁵ Фреска Киево-Софийского собора. «Древности Российского государства». Киево-Софийский собор, вып. III, СПб., 1871, табл. 42, прим. 34.

⁴⁶ Фреска в барабане Новгородского собора св. Софии, «История русского искусства», т. II, М., 1954, стр. 75.

⁴⁷ «Древности Российского государства», отд. VI, СПб., 1853, табл. 31.

⁴⁸ Собрание ГИМ, л. 276 об.

носит ко рву пророка Аввакума. На одной старой, «новгородского письма», иконе из собрания Н. П. Лихачева у ног Даниила изображено три льва: два правых напоминают правого льва суздальских врат, левый лежит лапами вверх, выражая полное повиновение Даниилу. Сам Даниил стоит в позе оранта, на нем «халдейская» туника с «фестонами»⁴⁹.

Перечисленные памятники позволяют заключить, что в рельефе оранта у южного окна западного фасада Георгиевского собора следует видеть изображение пророка Даниила. Иконографически Даниил, как и три отрока в печи, дан в классическом византийском типе. Вероятно, в таком же типе Даниил был изображен и в греческой Хлудовской псалтыри, вариант (или копия) которой оказал влияние на сюжеты фасадной пластики Георгиевского собора⁵⁰. Поскольку, однако, поза Даниила-оранта ассоциировалась с молением Даниила именно во рву с львами, указанный рельеф Георгиевского собора представлял собой, несомненно, часть подобной композиции. Вероятно, это была первая рельефная композиция в древнерусском искусстве на данную тему⁵¹.

Среди рельефов собора есть шесть экземпляров с фигурами львов. Они могут быть разделены на четыре группы: 1) два геральдических льва с одной поднятой передней лапой⁵²; 2) два льва в спокойных лежачих позах, повернуты влево⁵³; 3) один лежащий лев со скрещенными передними лапами и головой, повернутой на зрителя⁵⁴; 4) лев вправо (из-за плохой сохранности облик его неясен)⁵⁵. Как видим, некоторые изображения не имеют геральдической пары; следовательно, рельефов было больше. Какие же рельефы львов и в каком количестве входили в композицию «Даниил во рву львином»?

Краткий обзор древнерусских и кавказских памятников показал, что чаще всего около Даниила изображалось два льва в относительно агрессивных позах. Из перечисленных рельефов данному условию удовлетворяют геральдические львы первой группы. Поднятые передние лапы этих львов напоминают позу правого льва в аналогичном сюжете на суздальских вратах. Блоки, на которых изображены указанные львы, — почти одинаковой высоты (38 и 40 см), но их высота значительно меньше блока с пророком Даниилом (56 см). Следовательно, блоки со львами не могли быть в одном ряду с изображением Даниила⁵⁶. Их следует располагать одним рядом ниже так, чтобы верхние углы блоков со львами сближались с нижними углами блока с Даниилом. В таком случае львы окажутся у ног Даниила, что и требуется иконографией сюжета. Между блоками со львами мог быть небольшой блок с растительным орнаментом. Вся композиция развертывалась на фоне «коврового» узора.

На рис. 34 приводится схематическая реконструкция композиции «Даниил во рву львином». По размерам и конфигурации она аналогична композиции «Три отрока в печи огненной». Это подтверждает, что оба сюжета, связанные литературно, размещались на фасаде Георгиевского собора симметрично, т. е. композиция «Даниил во рву львином» тоже находилась в боковой закомаре. Ее расположение будет таким же, как и композиции «Три отрока в печи огненной».

⁴⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, ч. II, стр. 8, № 566.

⁵⁰ Этому вопросу мною посвящается отдельная работа.

⁵¹ Д. В. Айналов называл Даниилом фигуру среднего отрока в «печи огненной» на фасаде Успенского собора во Владимире (Demetrius Ainalov. Указ. соч., стр. 75, 76). Чем вызвано такое странное толкование, — неизвестно.

⁵² А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 41, рис. 6 и 7.

⁵³ Там же, рис. 8.

⁵⁴ Там же, рис. 1.

⁵⁵ Там же, табл. 32, рис. 1. За масштабные прорисы с этих рельефов я благодарен архитектору А. В. Столетову.

⁵⁶ См. подробнее Г. К. Вагнер. О первоначальной форме рельефной композиции «Семь спящих отроков...», стр. 265. 266.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

О НЕКОТОРЫХ НАХОДКАХ В ДРЕВНЕМ ТОРОПЦЕ

Раскопки на Малом Торопецком городище, проводившиеся Я. В. Станкевич в 1957 и 1958 гг. и прерванные в связи с ее кончиной, были в 1960 г. возобновлены. Изученный участок еще не велик и не доведен до материка.

Тем не менее кое-какие интересные данные как общего, так и частного характера уже имеются.

На городище отложились слои XI — начала XIV в. Культурный слой, мощностью до 3 м. содержит остатки не менее пяти ярусов бревенчатых построек. Под верхним слабо выраженным ярусом построек начала XIV в. лежит мощный слой пожарища, относящийся ко второй половине XIII в. Пожар уничтожил все постройки, слабее затронув бревенчатые мостовые, настланные между рядами жилищ. В пожаре погибло огромное количество зерна, лежащего толстым слоем на площади в несколько десятков квадратных метров.

В том же районе, где погибло зерно, но немного ниже слоя пожарища, найдена свинцовая вислая печать (рис. 35). На одной ее стороне изображена фигура в рост очень неясных очертаний, по сторонам ее надписи, у которых отступились не все буквы: А — Г — I — Ω || ... А... — Н. На другой стороне печати — изображение св. Федора Стратилата в виде воина в рост, с копьем и щитом, и надписью слева: ΘΕ — ΟΔ — Ο — Ρ.

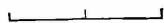

Рис. 35. Печать великого князя Ярослава Ярославича (XIII в.).

Аналогичная печать привешена к договору о взаимных торговых сношениях, заключенному Александром Невским и новгородцами с немецкими посланцами. Договор написан в 1262 г. на пергаменте и скреплен тремя золотыми и тремя такими же свинцовыми печатями¹. Одна пара печатей принадлежит новгородскому архиепископу, Далмату, вторая — представителям Новгорода и третья — княжеская.

Княжеские золотая и свинцовая печати аналогичны торопецкой, и по ним полностью восстанавливается имя второго святого, не читаемое на торопецком экземпляре — ΑΘΑΝΑΣΗ. По смыслу третья пара печатей должна была бы принадлежать Александру Невскому, от лица которого составлен договор. Однако имена святых не позволяют этого сделать

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики вып. 1. Труды Музея палеографии, I, Л., 1928, стр. 36—38, рис. 13.

Правда, Федор — крестное имя отца Александра Невского (Ярослава Всеволодовича), но Афанасий — крестное имя не Александра Невского, а брата его, Ярослава Ярославича, которому и принадлежат печати и договора 1262 г. и аналогичная им торопецкая печать.

В 1262 г. Александр Невский был в Орде, и оставшийся в Новгороде на время его отсутствия Ярослав Ярославич скрепил договор своей печатью². Князь Ярослав Ярославич был родоначальником тверских князей; впервые упомянут в летописи в 1238 г. в числе князей, оставшихся в живых после монгольского нашествия; умер в 1271 г. в Орде, похоронен в Твери в церкви Козьмы и Демьяна. Следовательно, печать может быть датирована 40—60-ми годами XIII в. За время своей жизни Ярослав Ярославич княжил в Твери и Новгороде и непродолжительное время в Пскове, Ладоге и Владимире. Никаких данных о связях Ярослава Ярославича с Торопцем в письменных источниках не имеется.

Торопец избег участи многих русских городов и не был захвачен татарами. Здесь было, по-видимому, более или менее спокойно в годы монгольского нашествия. В этой связи обращают на себя внимание неоднократные находки в Торопце целых и фрагментированных энколпионов с обратной надписью «Богородица, помогай». Как писал Б. А. Рыбаков, отливка таких энколпионов была начата в Киеве незадолго до монгольского завоевания, а топография их находок за пределами Среднего Поднепровья — Поволжье, Северный Кавказ, Бессарабия — свидетельствует о заносе энколпионов в районы татарских кочевий русскими пленными³. Несколько таких же крестов найдено в Крыму, в частности в Херсонесе, куда они могли попасть вместе с беженцами из Поднепровья⁴. На севере такие энколпионы никогда еще не были найдены. Очень может быть, что и торопецкие энколпионы связаны с бегством в 1240 г. какой-то части населения Поднепровья в северные города, не разоренные монголами.

² Н. П. Лихачев в *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*, вып. 1. Труды Музея палеографии, 1, Л., 1928, стр. 39—40.

³ Б. А. Рыбаков в *Ремесло Древней Руси*. М., 1948, стр. 455, 527—529.

⁴ Г. Ф. Корзухина в *О памятниках «корсунского дела» на Руси*. Византийский временник, т. XIV. М., 1959, стр. 136, 137.

Н. Н. ВОРОНИН

К ИСТОРИИ ПОЛОЦКОГО ЗОДЧЕСТВА XII ВЕКА

Видное место в истории полоцкой архитектуры XI—XII вв. принадлежит ныне полностью исчезнувшему с лица земли комплексу зданий бывш. Борисоглебского монастыря на Бельчице под Полоцком, первоначально входивших в ансамбль княжеского пригородного поселения. Каждое из этих зданий играет значительную роль в общей истории древнерусской архитектуры. Большой собор начала XII в.— один из ранних образцов храмов крестообразного плана с притворами. Малая Пятницкая церковь-усыпальница интересна своей бесстолпной системой и оригинальной прямоугольной апсидой, говорящей о связях каменной архитектуры с деревянным зодчеством. Особенно знаменит Борисоглебский собор — двойник Спасского собора Евфросиниева монастыря с его башнеобразной композицией, входящей, как и Пятницкая церковь, в круг построек выдающегося полоцкого зодчего Иоанна¹.

Кроме этих трех зданий, в составе монастырских построек существовало четвертое, считавшееся, по преданию, «монастырским домом». Его руины видел еще А. М. Павлинов, который мог лишь отметить, что кирпич этой постройки был сходен по размерам с кирпичом большого древнейшего собора, что встречался, кроме того, лекальный, закругленный «как бы для полуколонки» кирпич, а раствор содержал большую примесь толченого кирпича, кусочки которого достигали «величины грецкого ореха»².

В сборнике описаний древностей, хранящемся в библиотеке имени В. И. Ленина, есть «Записка», проливающая новый свет на это исчезнувшее здание. Вот текст «Записки»³:

«Около 1790 года к Полоцкой старинной Борисо-Глебской церкви пристраивалась новая ризница: из находящегося на подворьи бугра, велено брать песок, для примеси с известью. Работники, надкопавшись глубже в бугор, открыли каменную стену, а вскоре полное основание храма, уцелевшее от разрушения, следующей фигуры (рис. 36). На месте престольном найдено 4 оловянные подсвечники с свечами, и на том же месте, продолжая работу нашли яму, которой дно едва доставали длинным шестом, но спуститься в яму ни кто не мог для удушающего воздуха. В продолжении времени оная яма засыпалась. Бока стен внутри и с наружи сделаны из не большого, прочно выделанного, тонкого и звенящего кирпича, несравнимо лучшего от нынешнего английского; нутрь стен выложено диким камнем и все залито известью, смешанною не с песком, но с толченым в маленькие кусочки кирпичем, так твердо, что Архимандрит, желая до основания вы-

¹ Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины. «Архитектурное наследство», кн. 6, М., 1956, стр. 1—17; его же. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусств, М., 1952, стр. 260 и сл.

² А. М. Павлинов. Древние храмы Витебска и Полоцка. Труды IX Археологического съезда, т. I, М., 1895, стр. 12.

³ РОБИЛ, Р-177, л. 142 и 142об. Сохраняем орфографию подлинника.

ломать кирпичь для другого употребления, не смог сего сделать. В некоторых местах внутренних стен и колонн, видна была зеленая краска, следовательно она церковь была вся выкрашена. По ныне еще остатки сего фундамента не разрушились до основания. Не известно, когда и кем построена, когда и кем разрушена она церковь...».

Сообщаемые «Запиской» подробности не оставляют сомнения в том, что это то же здание, руины которого видел в конце прошлого века А. М. Павлинов. «Большой, прочно выделанный, тонкий и звенящий кирпич» — это, конечно, плинфа, залитая цемяночным раствором — «известью, смешанною не с песком, но с толченым в маленькие кусочки кирпичем». Однако, в отличие от других зданий комплекса, кладка здесь была полубутовая, с заполнением внутренней полости плинфяной стены бутом («внутрь стен выложено диким камнем»). Все это говорит, что здание принадлежало той же поре XII столетия, что и остальные храмы.

Схема плана свидетельствует, что это, конечно, не «монастырский дом», как гласило предание, и вообще не гражданское здание, а храм, что отчетливо понял и автор «Записки». Он одноапсиден и необычайно вытянут, если автор «Записки» правильно передал в своем наброске его пропорции. С севера и юга, примерно посередине боковых стен, выдаются открытые внутрь полукруглые выступы, отвечающие трансепту, образованному четырьмя квадратными столбами. Последние расставлены очень широко, так что сетка нефов, обычно дробящая интерьер крестовокупольного храма, в сущности исчезла, сменившись целостным и единым пространством зального характера. В то же время большие размеры подкупольного прямоугольника свидетельствуют либо об исключительных размерах барабана главы, либо о башнеобразной композиции верха, сходного с верхом Спасо-Евфросиниевского собора, а может быть, и усложненного. Думаем, что последний вариант вероятнее. В том и другом случае боковые полукружия-конхи играют и художественную, и конструктивную роль: они являются одновременно и контрфорсами по поперечной оси распора, и создают живописность и ярусность композиции здания в целом. Что обозначают прямоугольники в западных углах храма — сказать трудно; не исключено, что это угловые пилоны, усиливающие конструкцию западной части, лишенной контрфорса-конхи. Прямоугольные выступы по осям здания с севера, юга и запада, видимо, изображают входы и площадки перед ними. Не вполне ясно, что означает указание «Записки» на глубокую яму в апсиде церкви. Малая Пятницкая церковь имела подземную крипту в основном помещении храма⁴. Не было ли и здесь крипты, но под алтарем, как это было в храмах романского запада?

Таковы данные о четвертом памятнике Бельчицкого архитектурного комплекса. Если до сих пор известные три храма тесно связаны с русской традицией и органически включаются в процесс ее развития, то четвертый храм очень необычен и стоит несколько особняком. Он принадлежит к типу триконхов, распространенных в храмовой монастырской архитектуре Афона, Болгарии, Румынии и особенно Сербии на протяжении почти семи столетий — с XI по XVII в.⁵ Боковые конхи были связаны с особым

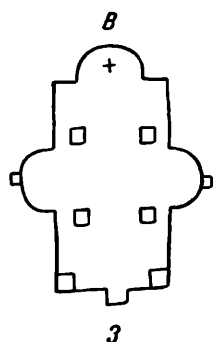

Рис. 36.

План храма XII века

⁴ Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины, стр. 10.

⁵ Н. Мавродинов. Византийската архитектура. София, 1955, стр. 148—150. А. Дероко. Монументална и декоративна архитектура у средњовековној Србији. Београд, 1953, рис. 24, 104, 279, 357, 364, 370, 470; N. Chika Budesti. L'ancienne architecture religieuse de la Valachie. «Bulletin de la Commission des monuments historiques de Roumanie», fasc. 1-2, Bucaresti. 1942.

распорядком монастырского церковного пения; в Болгарии конхи назывались «певницами». Следовательно, четвертый Бельчицкий храм — явно монастырский. В ряду триконхов он принадлежит к их древнейшим образцам, что утверждают его материал и техника. Появление в Полоцке XII в. храма-триконха свидетельствует о связях Полоцка с Балканами и о знакомстве полоцких зодчих с архитектурой балканских стран и, видимо, особенно Сербии. Вспомним, что княгиня Евфросиния посылала посольство в Константинополь к патриарху Луке ХризOVERгу и императору Мануилу Комнину за Эфесской иконой богородицы, которая и была доставлена в Полоцк⁶. Видимо, это посольство не было одиноким эпизодом в зарубежных художественных связях Полоцка: они охватывали и славянские государства Балкан⁷.

⁶ ПСРЛ, т. XXI, стр. 215; Ф. И. Титов. Преп. Евфросиния, княжна Полоцкая. Труды Киевской духовной академии, 1910, № 4, стр. 510.

⁷ Когда настоящая заметка была уже написана, появился второй памятник триконхового типа — открытый раскопками 1960 г. В. А. Богусевича храм в Путивле конца XII в. Доклад В. А. Богусевича «Раскопки в Путивле в 1960 г.» на секции славяно-русской археологии Пленума Института археологии АН СССР 8 апреля 1961 г.

П. А. РАППОПОРТ

МСТИБОГОВ ГОРОДОК

В 15 км к юго-западу от г. Волковыска (Гродненская область БССР) находится местечко Мстибово. Это небольшое и в настоящее время ничем не примечательное местечко в прошлом играло довольно заметную роль в истории. Здесь существовал деревянный замок, в котором в 1572 и 1576 гг. происходили съезды панов великого княжества Литовского¹. В документах XV и XVI вв. Мстибово называется Мстибовым городком, причем отмечено даже существование в составе Волковыского повета Мстибовогской волости².

В хронике Стрыйковского Мстибовог городок упомянут в середине XIV в. среди городов, выделенных в удел князю Кориату³. Наконец, наиболее раннее упоминание Мстибогова помещено в той же хронике Стрыйковского при описании похода князей Даниила и Василька на Литву в середине XIII в.⁴

Таким образом, несомненно, что Мстибовог городок был основан во всяком случае не позднее середины XIII в. Действительно, рядом с современным местечком, среди низменной, сильно заболоченной долины возвышается хорошо сохранившееся городище⁵. Оно имеет форму совершенно правильного круга и защищено по периметру мощным валом, имеющим очень крутые склоны и высоту около 5 м (рис. 37). Въезд, проходящий насквозь через вал, расположен с востока. Диаметр площадки — 30 м, а по гребню валов — 56 м.

Городище расположено на сильно заболоченной местности, причем его площадка возвышается над уровнем болота всего на 1 м. К югу и юго-западу от круглого городища местность несколько повышается и менее заболо-

¹ «Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego», т. 3, Warszawa, 1846, стр. 698; то же в «Encyklopedya Powszechna», т. 18, Warszawa, 1864, стр. 980. См. также Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния. Сост. П. Бобровский, ч. 2, СПб., 1863, стр. 1071; «Городские поселения в Российской империи», т. 2, СПб., 1861, стр. 110.

² М. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892, стр. 163, 164; «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. 2, СПб., 1848, № 137, стр. 166 (документ 1538 г.); т. 3, СПб., 1848, № 19, стр. 80 (документ 1558 г.); там же, № 107, стр. 239 (грамота 1578 г.); «Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов», т. II, Киев, 1846, отд. 2, стр. 90 (документ 1557 г.).

³ «Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strzykowskiego», т. I. Warszawa, 1846, стр. 382.

⁴ Там же, стр. 287. Князя «взял Слоним, Волковыйск и Мстибовог (Mścibohów) под Миндовгом». В Ипатьевской летописи этот поход датирован 1252 г.

⁵ Сведения об этом городище имеются: И. К. Шулицкий. Археологические и историко-географические заметки. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству IX Археологического съезда, Вильна, 1893, отд. 1, стр. 62; Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна, 1895, стр. 39, 40.

чена. Здесь, примерно в 120—150 м от городища, находится длинный невысокий вал, перед которым сохранились следы рва. Вал этот упирается обоими своими концами в болото и, таким образом, защищает участок, примыкающий к круглому городищу с наиболее доступной для подхода стороны.

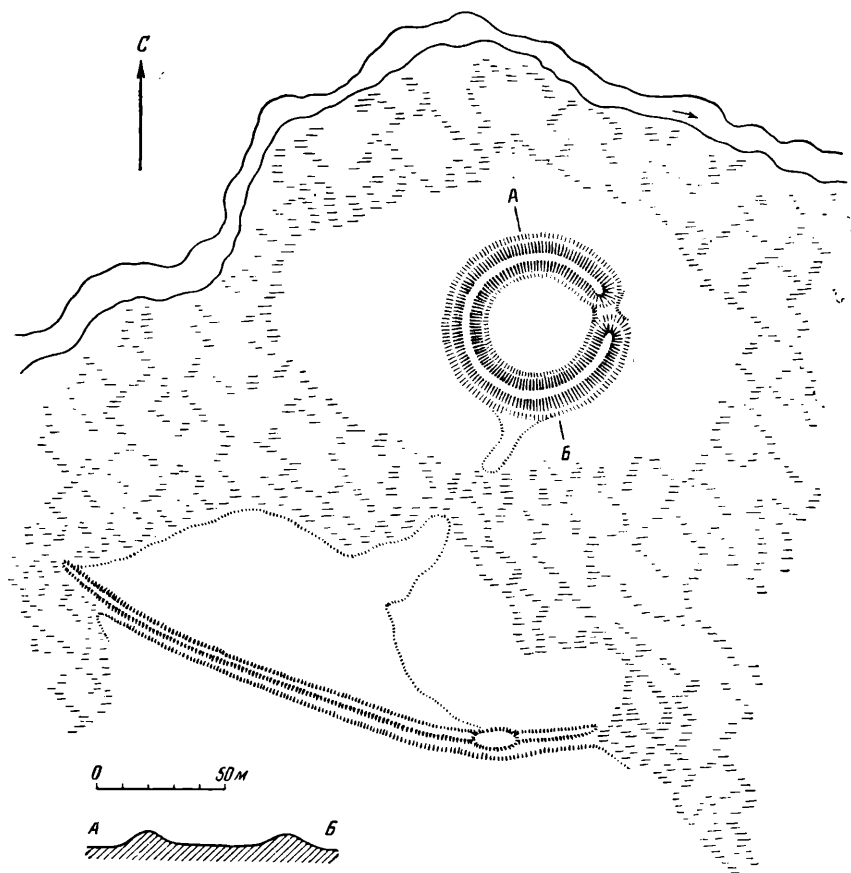

Рис. 37. План городища у Мстивово.

В районе этого длинного вала, а также к югу от него на земле в значительном количестве встречаются керамика XVI—XVII вв. и изразцы. Здесь же были найдены единичные фрагменты древнерусской керамики. Шурфы, заложенные на площадке круглого городища, показали, что гумусный слой здесь имеет толщину всего от 0,3 до 0,4 м; ниже залегает материковый песок. В гумусном слое встречаются немногочисленные фрагменты керамики XII—XIII вв., а также единичные фрагменты керамики XVII—XVIII вв.⁶

Совершенно очевидно, что, несмотря на наличие фрагментов керамики XVII—XVIII вв., городище относится не к этому времени, а представляет

⁶ Автор приносит искреннюю признательность за помощь при обследовании городища директору Волковьского музея Г. И. Пеху. Городище было обследовано экспедицией по изучению древнерусских крепостей в 1959 г. В изучении городища автору помогли А. Н. Горшков, Л. Н. Литвинский и А. П. Раппопорт. Сведения С. А. Таракановой о наличии на этом городище лепной и раннегончарной керамики, по-видимому, ошибочны. См. С. А. Т а р а к а н о в а. Археологическая разведка по Неману. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 108.

собой остатки русского укрепленного поселения XII—XIII вв. Бедность культурного слоя может свидетельствовать либо о чрезвычайно непродолжительном времени существования здесь поселения, либо о том, что данное укрепление служило, скорее, административным и военно-опорным пунктом, чем местом постоянного поселения.

Но если описываемое городище относится к XII—XIII вв. и называлось Мстибоговым городком, то есть все основания связывать его с определенным историческим лицом. В Ипатьевской летописи описано, как в 1202 г. князь Владимир Игоревич и отложившиеся от князя Даниила Романовича галицкие бояре послали в г. Владимир-Волынский попа с предложением выдать им детей князя Романа. Владимирцы хотели убить этого попа, однако «Мъстибог и Мончюк и Микифор реша: „не подобаеть нам убити посла“»⁷. Летописец добавляет, что они делали это, «имеяху бо леств во сердце своемъ, яко предати хотяху господу свою и град».

Судя по тексту летописи, можно полагать, что Мстибог, Мончюк и Микифор были представителями боярской партии, враждебной князю Даниилу; упоминание Мстибога первым среди этих имен, по-видимому, говорит о его заметной роли и влиятельном положении среди владимирских бояр.

Не этому ли Мстибогу принадлежал городок Мстибогов в районе Волковыска?

Тесная связь района Гродно и Волковыска с Волынью на рубеже XII—XIII вв. не подлежит сомнению. Поэтому наличие в этом районе крупных земельных владений и замков волыньских бояр также вполне вероятно. Одним из таких замков, очевидно, и был Мстибогов городок.

⁷ Ипатьевская летопись под 6710 г.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ЗАМЕТКИ О ДРЕВНЕРУССКОМ КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

1

Одним из наиболее интересных для истории древнерусского керамического производства горнов является глинобитный горн, найденный среди других сооружений домонгольского времени при раскопках В. В. Хвойко в 1909—1910 гг. в древнерусском городе Белгороде под Киевом. Он вместе с подобными, но хуже сохранившимися сооружениями был расположен у ворот детинца с наружной стороны крепости. Н. Д. Полонская, описавшая это сооружение, отмечает, что в плане горн имеет грушевидную форму. Длина его была 2,6 м при ширине 2 м. В центральной части горна была глинобитная тумба, тоже в плане грушевидная, с поперечным каналом в ней, соединенным с вертикальным. Все сооружение сверху было перекрыто «плоским сводом». Автор публикации высказала предположение, что перед ней — полностью сохранившийся древнерусский горн, и поэтому она сделала попытку разъяснить его конструкцию.

Н. Д. Полонская считала, что «внутреннее сооружение служило для того, чтобы разбивать пламя и направлять его равномерно по оставшемуся свободному пространству между стенками печи и внутренним грушевидным сооружением»¹. Каналы же во внутреннем сооружении, по ее мнению, служили для отвода дыма. Автором было также предположено, что сосуды, подготовленные к обжигу, должны были загружаться в пространство между стенками горна и его внутренним грушевидным сооружением. По окончании же обжига «плоский свод» печи разламывался для извлечения готовых сосудов и загрузки новой партии необожженной керамики.

С такой характеристикой горна, открытого при раскопках в Белгороде, согласился и А. В. Филиппов, который характеризовал его как обжигательную печь горизонтального типа с обратным пламенем, отличающуюся оригинальностью конструкции, интересную в технологическом и теплотехническом отношении. Им также было высказано предположение, что эту гончарную печь можно рассматривать как продукт развития античной технологии².

Подробное изучение опубликованных данных о конструкции открытой в Белгороде обжигательной керамической печи позволило автору настоя-

¹ Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911, стр. 64.

² А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. М., 1938, стр. 12. С этой реконструкцией Белгородского горна согласился и Б. А. Рыбаков (см. «Ремесло Древней Руси». М., 1948, стр. 350, 351), который выделяет его в качестве примера технически наиболее совершенного древнерусского горна. Здесь же приводятся несколько иные размеры этого сооружения (длина — 3 м 25 см).

ших заметок усомниться в правомерности такого толкования ее конструкции. Прежде всего показалось странным, что подобного типа керамические горны ни до, ни после раскопок В. В. Хвойко не встретились и, наоборот, довольно часто продолжали встречаться двухъярусные керамические горны с «козлом» и без него.

Сведения о том, что белгородский горн был найден с посудой в нем, также оказались преувеличенными, ибо на самом деле в пространстве между стенками горна и грушевидным сооружением лежали только крупные сильно перекаленные обломки сосудов, которые рассыпались при попытке извлечь их из горна. Можно предположить, что сосуды в Белгородском

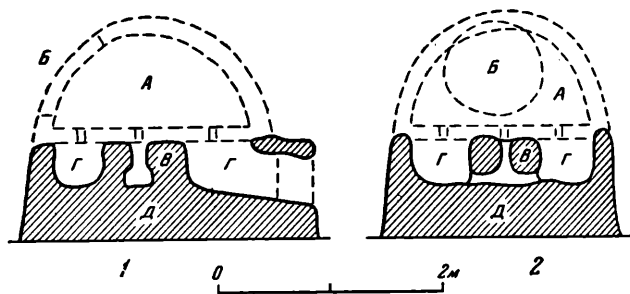

Рис. 38. Реконструкция горна, найденного при раскопках Белгорода.

1 — продольный разрез; 2 — поперечный разрез; А — обжигательная камера; Б — загрузочное отверстие; В — «козел» с продуктами в нем; Г — топочная камера; Д — сохранившаяся часть основания горна, стенки топочной камеры и «козел» (показаны штриховкой)

горне неоднократно прожигались и нахождение их в этой части горна было вызвано совсем иными причинами. Кольцевой канал горна, в который, по предположению Н. Д. Полонской, загружались сосуды, оказался настолько небольшим в сечении и в особенности таким низким, что автор реконструкции вынужден был «разместить» обжигаемые горшки на боку и в наклонном положении, а это в гончарной практике, как известно, никогда не бывает.

Странным кажется и необходимость после каждого обжига разрушать трудно восстановимое «плоское» перекрытие обжигательной печи. В горне описанной конструкции невозможно было обжигать не только такие крупные сосуды, как корчаги, но даже большие горшки. Трудно поверить, чтобы древнерусские гончары сознательно пошли на уменьшение объема обжигательной камеры горна ради каких-то якобы особых теплотехнических качеств этого сооружения. Одноярусность горна затрудняла тягу в этом сооружении, а наличие только одного дымоотводящего отверстия ставит под сомнение возможность проведения обжига в горне подобной конструкции: это отверстие было совсем малым.

Все эти недоумения полностью отпадают, если предположить, что В. В. Хвойко открыл не горн «оригинальной конструкции», а обычный двухъярусный горн с «козлом», разрушенный до уровня пода обжигательной камеры, в каком виде обычно и доходят до нас древнерусские обжигательные печи (рис. 38). «Плоский свод», перекрывавший сооружение, конечно, не что иное, как перекрытие топочной камеры горна. Отсутствие в нем прогаров — лишь результат плохой расчистки (их в некоторых горнах этого времени бывает вообще мало — от 3 до 5). Единственный прослеженный в горне прогар был в грушевидном сооружении, которое оказывается обыкновенным «козлом», необходимым в силу значительных размеров Белгородского горна. Наличие подобных прогаров в «козле»

горна отмечено неоднократно и в других керамических горнах, как древних, так и современных.

Присутствие крупных обломков керамики в кольцевом канале Белгородского горна,— причем сильно перекаленных,— также объясняется довольно просто. Их помещали в топочные ходы для регулировки раскаленных масс горячего воздуха в горне. Обломки таких сосудов были находимы и в других керамических печах.

2

Среди керамических изделий русских гончаров домонгольского времени, внимание автора привлёк оригинальный сосуд в виде кувшина с закрытой горловиной и окошкообразным отверстием в нижней части боковой стенки. Б. А. Рыбаков определил его как «глиняный дорожный фонарь оригинальной конструкции». По его предположению, внутрь такого сосуда вставлялась свеча, что и изображено на изданном рисунке³.

Автором публикации было отмечено наличие у подобных сосудов еще одного круглого отверстия небольшого диаметра, которое должно было служить для улучшения вентиляции в фонаре. Просмотр серии сосудов подобной конструкции показал отсутствие у них второго отверстия, что поставило под сомнение использование данного предмета в качестве переносного фонаря. Было также установлено, что верхняя часть сосуда, обычно разрушенная, завершалась у целых их экземпляров блюдцем небольшого диаметра.

Сосуды данного типа использовались, конечно, не как фонари, а как обычные масляные светильники. Отверстие в нижней части стенки сосуда служило для предотвращения разрыва его при обжиге. Светильники близкого вида, но с отверстием в донной части, подобного окошкообразного выреза в нижней части боковой стенки не имеют. Светильники такой конструкции были распространены, в частности, в Новгороде.

Большая часть сосудов-ламп не имела и ручки для переноса. Этот тип светильников использовался в качестве стационарного. Судя по характеру обработки поверхности этих светильников и орнаментации их, можно думать, что они датируются временем от конца X в. и до начала XII в. Для предотвращения разбрызгивания масла они, по-видимому, ставились на небольшие глиняные сковородки. В более позднее время встречаются подобные светильники с примазанными к ним снизу такими блюдами. В XII столетии в Киевщине они заменяются более портативными и легче изготавливаемыми светильниками «киевского типа». Район распространения и тех и других примерно совпадает.

3

В археологической литературе неоднократно встречаются сведения о нахождении в слоях домонгольского времени сосудов с поверхностью, расписанной красной, черной и коричневой красками⁴. Не отрицая в принципе возможности отыскания подобной расписной керамики, следует заметить, что в ряде случаев эта окраска на сосуды попадала в результате особого технологического приема, хорошо известного древнерусским гончарам и не имеющего ничего общего с преднамеренным раскрашиванием сосудов. Речь идет о технике «овара» или закалки сосудов, когда раскаленный горшок, только что извлеченный из горна, обрызгивался жидким тестом или квасом, что повышало прочность керамических изделий. Пятна овара на поверхности сосудов часто и принимаются за остатки росписи. Подобная

³ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 355, рис. 97; е г о ж е. История культуры Древней Руси, т. 1. М., 1948, стр. 140, 141, рис. 97, 11.

⁴ М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М., 1958, стр. 449, табл. LXXVII.

техника изготовления сосудов хорошо прослеживается в особенности на белоглиняных сосудах XV—XVIII вв. Техника закалки применялась и для лепной керамики.

4

При раскопках древнерусских городов, расположенных в северной части европейской территории Союза, где, благодаря почвенным условиям, в культурном слое хорошо сохраняются органические остатки, нередко встречаются сосуды, оплетенные берестой⁵. В свое время М. Г. Рабинович при публикации оплетенного берестой чернолощеного кувшина XVIII в., найденного в Москве при исследовании территории Яузской гончарной слободы, высказывал предположение, что оплетка эта делалась для предотвращения поломки сосуда при доставании воды из колодца⁶.

Просмотр большой серии оплетенных берестой сосудов подтвердил еще раз, что на самом деле эта оплетка имеется только на испорченных сосудах — с трещинами и является починкой сосудов. Сосуд в этом случае оплетался узкой берестяной лентой по всей поверхности. Такой способ починки, конечно, исключал дальнейшее применение сосудов для варки пищи. Именно такой способ починки глиняных сосудов сохранился в ряде районов и до настоящего времени. Горшки, оплетенные берестой, называются «пеленатыми». В. И. Даль приводит загадку-шутку о таких сосудах: «Был младенок, не знал пеленок, стар стал, пеленаться стал». Там же приводится и другая пословица на тот же сюжет: «Жена не горшок, не расшибешь, а расшибешь, берестой не перевьешь»⁷.

⁵ Они найдены при раскопках в Новгороде, Пскове, Старой Ладге, Москве.

⁶ М. Г. Рабинович. Московские гончары в XVI—XVIII столетиях. КСИЭ, вып. 1, 1946, стр. 70; его же. Гончарная слобода в Москве в XV—XVIII вв. МИА, № 7, 1947, стр. 60; его же. Из истории быта городского населения Руси в XI—XVII в. СЭ, 1955, № 4, стр. 46.

⁷ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, 1955, стр. 83 и 383.

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

ЗДАНИЕ КОЖЕВЕННОГО ЗАВОДА XVII ВЕКА
В ПСКОВЕ

Сохранившиеся до нашего времени остатки производственных построек древнего Пскова не только не исследованы, но до сих пор не были даже выделены из общей массы памятников древнепсковской гражданской архитектуры, так что, в сущности, было неизвестно, существуют ли они. Между тем постройки производственного назначения отличались своеобразным, только им присущим, обликом и играли заметную роль в архитектурном пейзаже города. Особенно много их было по берегам р. Псковы. Из известных нам документов видно, что в XVI—XVII вв. на этой реке, в районе от Старого Примостья до Верхних Решеток, были расположены разного рода производства, в особенности те, которые нуждались в употреблении большого количества воды. Переписные книги Морозова и Дровнина 1585—1587 гг. перечисляют, кроме находившихся там двух десятков мельниц и почти такого же количества бань, еще две кузницы, пять мыловаренных «поварен» (на Запковском берегу, у Старого Примостья)¹, там же «вощеную», «сальную», пивную и винную «поварни»², ближе к Верхним Решеткам, на том же берегу, «зелёную варницу», а на другом берегу («в Петровском конце») «варницы» пивную и винную, «вощеную», «сальную», мыльную³. Из некоторых документов XVII в. можно заключить, что на Запковье у Псковы были снетосушильные предприятия⁴.

На р. Пскове были предприятия кожевенного производства. Из тех же книг Морозова и Дровнина видно, что участок этой реки, с берегами и островами, от Бродов до Верхних Решеток носил название «Кожевников»⁵. По переписи Морозова и Дровнина, вблизи Верхних Решеток «на острову» числится только одна кожевенная «варница»⁶. Но нужно учитывать, что перепись составлялась после Ливонской войны и осады Пскова 1581 г., почти совершенно разоривших псковское ремесло. До 1581 г. здесь, без сомнения, было сосредоточено несколько мастерских по выделке кожи, что только и могло послужить основанием для наименования этого района «Кожевниками».

Значительное развитие получило кожевенное производство в Пскове во второй половине XVII в. В то время наиболее богатые псковские купцы создавали собственные мастерские по выработке товаров из скупавшегося ими сырья, и, в частности, по выделке кожи. Из документов XVII в. и начала XVIII в. видно, что промышленные «кожевенные дворы» имели

¹ Эти «поварни» во время переписи уже были заброшены.

² Сборник МАМЮ, т. V, 1913, стр. 73.

³ Там же, стр. 11.

⁴ К. Г. Е в л е н т ь е в. Книги псковитина посадского торгового человека Поганкина. Псков, 1870, ч. II, стр. 6.

⁵ Сборник МАМЮ, т. V, стр. 18, 19.

⁶ Там же, стр. 11.

Русиновы, Н. И. Ямской, Поганкины. С. И. Поганкин в 1655 г. купил у «гостя» С. И. Стоянова довольно обширный «кожевной двор» на берегу р. Великой, на Завеличье, а вслед за этим приобрел соседний земельный участок, видимо, с целью расширения этого «двора»⁷. Эти новые, принадлежавшие псковским купцам, кожевенные производства, по сравнению с прежними мастерскими ремесленников, были крупными предприятиями, располагавшими большими количествами необработанного и полуобработанного сырья и дорогостоящим оборудованием. По этой причине для них стали возводиться каменные постройки.

До нашего времени на р. Пскове в районе бывших «Кожевников» дошли остатки каменных производственных зданий и среди них — двух больших построек, определено принадлежавших кожевным заводам XVII в. Одна из них находилась на островке, называемом ныне «Милицейским островком». Помещавшееся в ней кожевенное производство действовало вплоть до 1917 г.⁸ В 1918—1919 гг. это здание потеряло крышу, начало разрушаться и к 40-м годам нашего века почти сравнялось с землей⁹, оставшись неисследованным и необмеренным¹⁰.

Автору привелось осматривать его в начале 20-х годов. Оно было двухэтажным, но второй этаж, возможно, являлся надстройкой, сделанной в XVIII—XIX вв. Планировка этого здания была необычной. В нижнем этаже, кроме ряда сравнительно мелких помещений, была обширная, квадратная в плане палата, перекрытая сомкнутым сводом, опиравшимся на находившийся в центре палаты столб. Конструкция свода (без распалубок, хотя распалубки здесь были бы полезны), небольшие размеры и вытянутые пропорции окон говорили о принадлежности этой палаты к начальному этапу каменного гражданского строительства XVII в. в Пскове¹¹. Особенно архаичным был круглый столб, поддерживающий свод, ничем не отличавшийся от столбов псковских палат XVI в.

В настоящее время верхний этаж этого здания полностью утрачен, исследовать же остатки его нижнего этажа можно только при помощи раскопок, которые пока не производились. Поэтому пока нет еще достаточного материала для суждения об этом памятнике.

Второе здание находится ниже по течению р. Псковы, на другой ее стороне, у так называемых «Волчьих ям». В 1918 г. оно горело, потеряло крышу и с тех пор все более разрушается. В конце XIX — начале XX в. в нем помещалась пекарня Енисейского полка, вследствие чего в литературе и в списках памятников архитектуры оно значится как «хлебопекарня». Исследователи псковской старины, начиная с М: В. Толстого, считали это здание, как и расположенные рядом жилые палаты XVII в., за постройку Козьмодемьянского монастыря с Гремячей горы¹². Однако этот монастырь находился на значительном расстоянии от них и в XVII в., как и ранее, не мог распространяться на столь обширную территорию. Остатки большой старинной каменной постройки, принадлежавшей монастырю и обслуживавшей его нужды, находятся на Гремячей горе, недалеко от

⁷ К. Г. Евлентьев. Указ. соч., ч. I, стр. 45.

⁸ В конце XIX — начале XX в. оно было собственностью псковского купца Булыжникова. Улица, проходившая вдоль берега вблизи островка, называлась тогда Кожевной улицей.

⁹ Нужно отметить, что со времени постройки этого здания вокруг него образовался значительный культурный слой (не менее 1,5 м).

¹⁰ Существуют лишь крохи его частичного обмера (в рукописном архиве ЛОИА) и фотографии (в фотоархиве ЛОИА).

¹¹ Датировать этот этап можно только лишь приблизительно, периодом до 30-х годов XVII в., может быть, началом 30-х годов. Примерные датировки, приведенные здесь и ниже, построенные на анализе строительно-архитектурных приемов, основаны на материалах исследования автором псковских каменных жилых зданий XVI—XVII вв. Это исследование в настоящее время готовится автором для опубликования.

¹² М. Толстой. Святыни и древности Пскова. М., 1861, стр. 60; Н. Ф. Окулич - Казарин. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1911, стр. 204.

монастырской церкви. Рассматриваемое же нами здание, как показало обследование, проведенное автором в 1948 г., служило помещением для весьма крупного по масштабам XVII в. кожевенного завода, построенного, по всей вероятности, каким-то богатым псковским купцом.

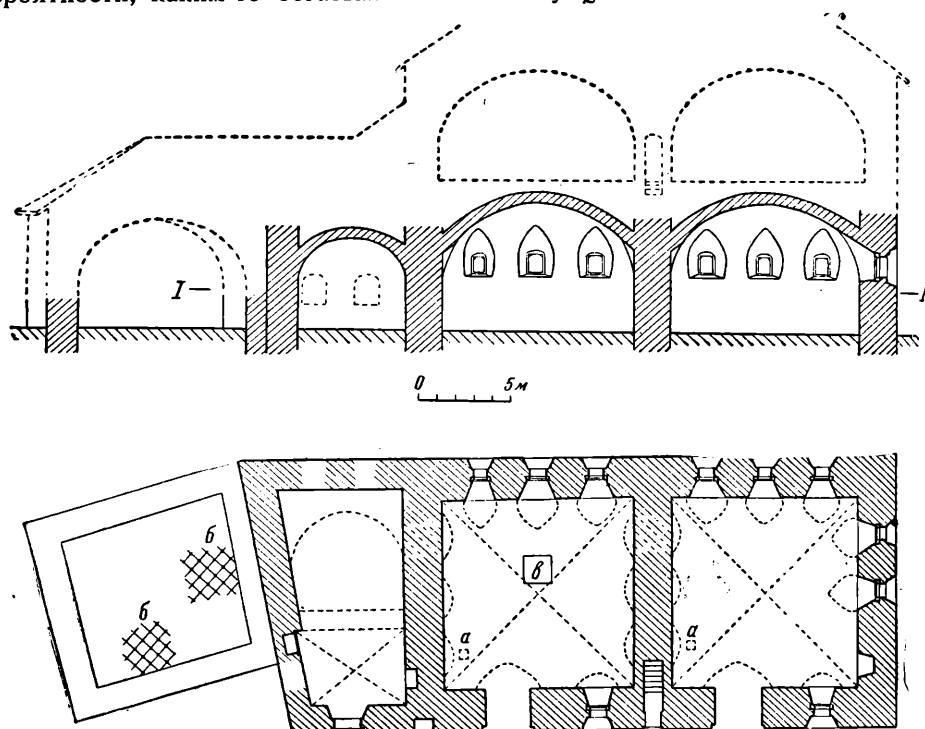

Рис. 39. План и разрез здания кожевенного завода XVII в. у Волчьих ям (по обмеру с натуры).

а — места дымоходов; б — развалы печей; в — место шурфа; I—I уровень пола в здании в настоящее время

В XVII в. оно находилось на островке. Проток, отделявший островок от берега, был засыпан не ранее середины XVIII в. — он еще показан на плане Пскова 1740 г. Как можно видеть из этого плана, островок имел весьма незначительную ширину, что отразилось на компоновке двора и его строения. Экономя площадь, строители прижали здание к краю островка, и при расширении оно получило из-за изгиба берега излом в плане.

Сохранившаяся часть этой постройки состоит из двух обширных, квадратных в плане, палат и одной продолговатой палаты меньшей площади (рис. 39). Дверные проемы, соединяющие палаты между собой, пробиты в позднее время. Первоначально палаты были разобщены и имели входы только со двора. В обеих больших палатах остались непеределанными древние оконные и дверные проемы, которые очень сильно пострадали от размораживания кладки, но все же до сих пор сохранили отпечатки заложенных при постройке деревянных оконных колод, остатки крюков для навески ставен и петель для крюков, запиравших ставни. На чертежах обмеров эти проемы показаны в их первоначальном виде. Решеток в окнах не было. Окна малой палаты переделаны, а следов их первоначальных форм не удалось обнаружить. В двух больших палатах в сводах сделаны при кладке проемы для дымоходов, которые свидетельствуют о бывших здесь первоначально печах и указывают приблизительно места их расположения (рис. 39). Малая палата не имела дымоходов, следовательно, печи в ней не было. К торцу здания была пристроена, несомненно, в XVII в. еще одна квад-

ратная палата. От нее сохранились только нижняя часть стен и остатки развалов двух больших печей (см. рис. 39). Была ли эта палата перекрыта сводом, — сказать определенно нельзя, но значительная толщина ее стен позволяет это предполагать. Крупные размеры, отличающие это сооружение, расположение распалубок там, где в них не было практической необходимости, т. е. в чисто декоративных целях (на поперечных стенах), очень правильные очертания этих распалубок и их симметричное распределение — характерны для каменного строительства Пскова последней четверти XVII в. Таким образом, можно датировать здание этим временем.

Заложенный при обследовании в 1948 г. в одной из больших палат шурф размером $1,5 \times 1,5$ м (место его показано на плане — рис. 39) дал материал, свидетельствующий о том, что в этом здании, в самом начале его существования, помещалось кожевенное производство. Шурф прорезал девять очень четко выраженных напластований.

На глубине 2,2 м от современного уровня была раскрыта природная поверхность островка, образованного наносами мелкого речного песка.

Слой № 1 лежит на этой песчаной поверхности и состоит из черной земли. Толщина его — 2,5 см. Это, по-видимому, подсыпка под первоначальный пол, сделанная из рыхлой земли при постройке здания.

Слой № 2 — выстилка из больших известняковых лещадных плит, толщиной в среднем около 5 см — первоначальный пол.

Слой № 3 полностью состоит из отбросов кожевенного производства: остатков шерсти, извести, большого количества золы, отработанных дубителей (древесной коры) и небольшого количества углей. Толщина его — 0,75 м. Этот слой показывает, что за время работы кожевенного завода каменный пол палаты оказался заваленным напластованиями отбросов производства. Количество этих отбросов говорит о том, что завод действовал довольно долгое время.

Слой № 4 образован в основном остатками разрушенной печи XVII в. В его состав входят перегоревший булыжный камень, битый печной кирпич XVII в. и глина. Толщина его — около 0,25 м. Этот слой показывает, что в палате находилась печь имевшая весьма большие размеры, и что, когда кожевенное производство здесь было прекращено, печь была разрушена.

Слой № 5 представляет собой небольшое количество земли, смешанной с плитным щебнем и мусором. Толщина слоя — 12—15 см. Этот слой свидетельствует о том, что после прекращения работы кожевенного завода здание не использовалось продолжительное время, измерявшееся не одним десятком лет. За это время отложился слой около 13 см, тогда как за время пустования здания — с 1918 по 1949 г. — наслоилось только 9 см.

Слой № 6 состоит полностью из плитного щебня и раздробленного известняково-песчаного раствора, т. е. представляет собой мусор, оставшийся от разборки кладки из известняковой плиты на известковом растворе. Толщина его — 0,68—0,7 м. Слой № 6 показывает, что после запустения внутрь здания было засыпано большое количество строительного мусора, образовавшегося от разборки каменной кладки. При толщине пласта около 0,7 м общий объем этого мусора внутри здания превышает 200 куб. м. Так как он поступил в палаты снаружи, несомненно, большая часть его осталась вне здания, и общий его объем был не менее 1000 куб. м. Такое количество остатков от разборки кладки на этом отрезке узенького островка могло появиться в результате сломки верхнего этажа того же здания.

Слой № 7 — песчаная подсыпка толщиной 5 см.

Слой № 8 — пол из кирпича, уложенного в елку на ребро. Слои № 7 и 8, т. е. песчаная подсыпка и кирпичный пол, свидетельствуют о том, что оставшаяся часть здания, после его частичной разборки, была приспособлена для использования. Пол этот служил до 1918 г.

Слой № 9 — мусор, скопившийся здесь с 1918 г., состоящий главным образом, из щебня, земли и остатков печи. Толщина его — 9—10 см.

Две большие палаты первого этажа отличаются особенной толщиной стен (она превышает 2 м). По-видимому, второй этаж был именно над этими палатами и состоял из двух таких же обширных квадратных помещений. В стене, разделяющей большие палаты, сохранилась нижняя часть лестницы, которая вела во второй этаж. Площадь помещений нижнего этажа равнялась 350 кв. м, площадь верхних — около 250 кв. м; следовательно, общая площадь производственных помещений здания была весьма значительной по тем временам — около 600 кв. м.

Кожевенное производство можно расчленить на два основных цикла, из которых первый связан с мокрой обработкой кожи (замачивание, золка, мездрение, бучение, дубление и промывка), а во второй входят сухие операции (уколачивание, лощение, разминание, выглаживание, жировка). Если в первом этаже было естественным разместить мокрые процессы, то сухую обработку кожи было удобнее перенести в верхний этаж.

Особенности сохранившихся помещений связаны с их назначением. Окна больших палат первого этажа, обращенные к солнечной стороне, высоко подняты. Их подоконники сделаны на более чем двухметровой высоте над первоначальным полом, а вершины распалубок достигают высоты почти 5 м. Это было вызвано не только тем, что в палатах стояли высокие чаны, но и стремлением строителей наилучшим образом осветить палаты. С этой целью окнам придана необычная форма — их перемычки слиты заподлицо с распалубками сводов¹³.

Благодаря такому устройству солнечный свет отражался от широких, ничем не затемненных поверхностей распалубок, рассеиваясь по всей палате и в значительной части падая сверху. При обычном устройстве наиболее широкая часть распалубки оставалась бы в тени, падающей от выступающей перемычки окна. Если в наше время освещенность принято определять соотношением площади пола помещения к площади световых проемов, то освещенность старинных псковских палат, с их выбеленными толстыми стенами и сводчатыми перекрытиями, зависела не только от величины самих проемов окон, но также, в весьма значительной степени, от величины и положения поверхностей, отражавших и рассеивавших попадающий в окна свет. Устройство окон описываемых здесь палат показывает, что псковские каменщики XVII в. учитывали это обстоятельство и умело пользовались им.

Кроме этих, в обеих палатах было еще по одному окну, обращенному на северо-восток. Устройство их обычное и подоконники их расположены на обычной высоте (около 1 м над уровнем старого пола). По-видимому, около этих окон не было чанов, а производились такие работы, как поротье, сбивка волоса, мездренье. Без сомнения, соображениями удобства расположения отдельных процессов производства продиктован и выбор мест входов и печей. Как уже было сказано, низ стен закрыт (как внутри, так и снаружи здания) на высоту более 2 м и потому ничего нельзя сказать о способах приема чистой воды и удаления отработанной жидкости. Вероятно, для последней цели были сделаны какие-то каналы или проемы.

Невозможно восстановить вид верхнего этажа, хотя толщина стен позволяет считать, что и верхние палаты были перекрыты сводами, в чем противопожарные соображения играли большую роль. Наверху не должно было быть чанов, а работали на столах, окна не были подняты высоко, и была уменьшена и общая высота помещений.

На примере этого памятника можно уяснить некоторые особенности производственных построек древнего Пскова¹⁴. Но в Пскове существуют и другие остатки такого рода зданий. Исследование их дало бы более полный и интересный материал.

¹³ Необычность таких окон отмечал Н. Ф. Окулич-Казарин. Он писал: «...Замечательны глубокие распалубки сводов» (Н. Ф. Окулич-Казарин. Указ. соч., стр. 204).

¹⁴ Эти особенности выявляются сравнением таких построек с жилыми, административными, торговыми.

II. ХРОНИКА

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР
В 1959—1960 ГОДАХ

1. В 1959 г. Ученый совет Института археологии провел 12 заседаний. Они были посвящены обсуждению научных и научно-организационных вопросов, защите кандидатских диссертаций, обсуждению отчетов о зарубежных командировках, утверждению рукописей к печати и т. д. Из научных докладов, представленных Ученому совету Института, нужно указать следующие:

В. Д. Блаватского — «Процесс исторического развития и историческая роль античных государств в Северном Причерноморье»;

Г. Н. Караева — «Итоги работ экспедиции на Чудском озере в 1958 г.»;

А. П. Окладникова — «О книге Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“» (в Ученом совете Ленинградского отделения Института).

Из научно-организационных докладов активному обсуждению подвергся доклад Б. А. Рыбакова о семилетнем плане Института.

В Ученом совете Института успешно защищены кандидатские диссертации: Г. И. Андреевым — «Побережье Южного Приморья в III—I тысячелетиях до н. э.» и В. Ф. Генингом — «Пьяноборская культура на Средней Каме (III в. до н. э.—II в. н. э.)».

2. В 1960 г. Ученый совет Института археологии провел 19 заседаний. По сравнению с предшествовавшими годами возросло число заседаний, посвященных обсуждению значительных научных проблем истории и археологии. Обсужден ряд докладов, представленных как сотрудниками Института, так и учеными из других учреждений. Из них следует упомянуть доклады:

А. Я. Брюсова — «Некоторые вопросы изучения культуры боевых топоров в связи с индоевропейской проблемой»;

А. Н. Рогачева — «Труды В. А. Городцова по вопросам палеолита» и содоклады С. В. Киселева, Д. А. Крайнова и А. П. Смирнова, посвященные трудам В. А. Городцова в других областях археологии;

Б. А. Рыбакова — «В. И. Ленин о докапиталистических формациях»;

С. В. Киселева — «Археологическая наука в Китае»;

А. Л. Монгайт — «Развитие советской археологии с 1917 до 1959 г.»;

Г. Н. Петровой, С. П. Бурлацкой (Институт физики Земли) и Т. Б. Коробовой (Институт археологии) — «Археомангнитный метод изучения векового хода геомагнитного поля как путь к археомангнитной датировке».

Совместно с Ученым советом Института археологии АН УССР проведены специальные заседания, посвященные крупнейшим работам украинских археологов. Обсуждены доклады:

С. Н. Бибикина — «О первичном заселении Восточной Европы»;

А. И. Тереножкина — «Происхождение славян»;

В. О. Довженок — «Археологический комментарий к сообщениям литературных источников о смердах и закупах»;

М. Ю. Смишко — «Историография черняховской культуры»;

Д. Я. Телегина — «Основные черты и хронология днепро-донецкой культуры».

Дискуссия по докладам украинских ученых была весьма оживленной и плодотворной; она позволила выяснить различные точки зрения по важным археологическим проблемам и рассмотреть систему их аргументации.

Ряд научных докладов был обсужден на заседаниях Ученого совета Ленинградского отделения Института археологии.

В Ученом совете Института археологии за отчетный год успешно защищены докторская диссертация А. П. Черныша (Львов) — «Палеолит Среднего Приднестровья» и кандидатская диссертация С. Ф. Стржелецкого — «Клеры Херсонеса Таврического».

Н. Я. Мерперт

РАБОТА СЕКТОРОВ И ГРУПП ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

1. СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1959 ГОДУ

Сектор славяно-русской археологии пополнился тремя младшими научными сотрудниками — в его состав вошли кандидат исторических наук Г. Ф. Соловьева, И. П. Русанова и Л. В. Артишевская. Из сектора выбыла старший научный сотрудник, кандидат исторических наук С. А. Тараканова.

В соответствии с планом сектор разрабатывал проблемы, связанные с разделом «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР»: «Древние славяне в I тысячелетии н. э.», «Русское государство и его культура», «Город и деревня в Древней Руси».

Часть сотрудников продолжала работу над Сводом археологических источников СССР.

Значительных результатов сектор добился по важным проблемам, связанным с изучением русского феодального замка (интересные открытия, сделанные Б. А. Рыбаковым в Любече) и древнерусской деревни (работы В. В. Седова, завершившиеся написанием первой археологической монографии на эту тему). Впервые поставлен крайне нужный вопрос о методах археологических датировок и стратиграфических дат, широкая дискуссия по которому вскрыла ряд разногласий в датировках новгородских древностей. Поднимались также вопросы, связанные с типологией и датировками курганных могильников, обсуждались возможности датировок методами естественных наук и т. д. Важным начинанием в отчетном году следует признать первые систематические раскопки в Московском Кремле (руководитель — Н. Н. Воронин, при участии Г. Ф. Соловьевой).

Закончены плановые темы: Ю. В. Кухаренко — «Древности Припятского Полесья» (составляет три выпуска Свода археологических источников СССР) и В. В. Седов — «Древнерусская деревня Смоленской земли». Первая работа — это сводка всех имеющихся сведений по археологическим памятникам и случайным находкам Полесья от эпохи камня до эпохи железа включительно. Картографирование древностей позволило автору наметить важные выводы о границах древних культур Восточной Европы. Им также поставлен и частично разрешен ряд новых историко-археологических вопросов — о происхождении, распространении и хронологии зарубинецкой культуры, о связях ее с соседней пшеворской и т. д. Монография В. В. Седова представляет собой первую обобщающую работу по истории древне-

русской деревни и написана почти полностью на новейших археологических материалах, собранных автором в последние годы.

В отчетном году проведены следующие экспедиции:

1. Южнорусская экспедиция (руководитель — Б. А. Рыбаков). Продолжала изучение древнего Любеча. Вскрыты укрепления княжеского замка, дворец и церкви XI—XVI вв. В Чернигове продолжалось исследование княжеского двора XII в. (руководитель — С. А. Плетнева).

2. Правобережный Цимлянский отряд (руководитель — С. А. Плетнева). Исследовал правобережное Цимлянское городище VIII—X вв. (вскрыто около 700 кв. м).

3. Кремлевская экспедиция (Москва. Руководитель — Н. Н. Воронин). Установлен факт более широкого, чем представлялось ранее, заселения Боровицкого холма в XII в. Собран интересный материал по ремеслу и торговым связям ранней Москвы XII—XV вв. Вскрыты остатки дерево-земляных укреплений Кремля XII—XIII вв.

4. Рязанская экспедиция (руководитель — А. Л. Монгайт). Проводились раскопки Жокинского городища (вскрыта треть его). Памятник представляет собой крайне интересные остатки усадьбы XII—XIII вв.

5. Новгородская экспедиция (руководитель — А. В. Арциховский). Вскрывались раскопы на Неревском конце. Найдены многочисленные грамоты на бересте и различные изделия. Велись длительные работы по наблюдению на строительных участках Неревского конца; в результате обнаружен большой археологический материал (в том числе — одна берестяная грамота).

6. Молдавская экспедиция (руководитель — Г. Б. Федоров). Основным объектом исследования являлось поселение Алчедар. Собран весьма важный археологический материал.

7. Среднерусская экспедиция (руководитель — Н. Н. Воронин). Смоленский отряд экспедиции (руководитель — В. В. Седов) проводил раскопки Бородинского городища (вскрыты слои XII—XIV вв.), а также разведки в центральных районах Смоленского Поднепровья. Владимирским отрядом (руководитель — В. В. Седов) велись раскопки на Пировом городище Владимирской области. Кировский отряд (руководитель — Л. П. Гусаковский) раскапывал городище Никульчино Кировской области.

8. Верхнеднепровская экспедиция (руководитель — П. Н. Третьяков). Гомельский отряд (руководитель — О. Н. Мельникова) исследовал комплекс памятников раннего железного века в дер. Горошков. Открыт первый могильник милоградской культуры при Горошковском городище (трупосожжения). Пробные раскопки на городище в дер. Борзов подтвердили раннюю дату так называемых «болотных городищ». Деснинский отряд (руководитель — Л. В. Артишевская) проводил раскопки ранних (курганного и грунтового) могильников V—VII вв. в Трубчевском районе Брянской области и разведки в том же и в Выгоничском районах Брянской области. Из раскопанных 11 курганов со смешанным обрядом захоронения (погребения в урнах и без них) в одном при сожжении была обнаружена домовина, в другом — предмет с выемчатой эмалью.

9. Прибалтийская экспедиция (руководитель — Н. Н. Гурина). Полоцко-Прибалтийский отряд экспедиции (руководитель — Л. В. Алексеев) вел раскопки древнего Друцка на центральной площади детинца XI—XIV вв. (вскрыто 700 кв. м) и древнего Мстиславля, где обнаружена планировка древнего деревянного города (XIV в.). Проведена также разведка памятников Друцкого княжества и раскопано несколько курганов (два — у дер. Черкасово, один — в Друцке).

10. Крымская экспедиция. Бахчисарайским отрядом экспедиции (руководитель — В. В. Кропоткин) продолжались раскопки могильника Чуфут-Кале, где исследовано 9 склепов и подбойных могил. Обнаружены сооружения IX—X вв.

11. Среднеднепровская экспедиция (руководитель — Э. А. Симонович). Проводились раскопки на поселении и могильнике в Журавке (вскрыто около 1700 кв. м). Раскопками на поселении Колчин I (около 450 кв. м) полностью раскрыта площадка городища, разрезан малый вал и найдена землянка за его валами.

На 18 заседаниях сектора было заслушано 13 докладов, посвященных общим и частным вопросам восточнославянской археологии, полевым археологическим исследованиям текущего и прошлых сезонов и т. д.

Общим вопросом славяно-русской археологии было посвящено пять заседаний сектора. Обсуждались уже упомянутые работы Ю. В. Кухаренко — «Древности Припятского Полесья» и В. В. Седова — «Древнерусская деревня Смоленской земли». Два заседания сектора были посвящены обсуждению проблемы датировок при раскопках древнерусского города Новгорода (докладчик — Б. А. Рыбаков). Эта дискуссия, получившая уже отражение в печати¹, на заседаниях сектора и секции славяно-русской археологии отчетного пленума ИИМК 1959 г. вызвала чрезвычайно острые дебаты сторонников и противников датировки новгородских древностей, предложенной А. В. Арциховским. Так, крайне интересным было выступление крупнейшего палеографа М. В. Щепкиной, по утверждению которой дата, представленная на берестяной грамоте мальчика Онфима², вполне читаема как 6791 г. (= 1283 г.; М. В. Щепкина не согласна с мнением Л. П. Жуковской, видящей в дате 6771 г., т. е. 1263 г.), и грамота, по ее мнению, следовательно, должна датироваться на 80 лет позднее, чем это делает А. В. Арциховский. В пользу этой поздней даты, по мнению М. В. Щепкиной, свидетельствуют и палеографические особенности грамот Онфима (сильно подчеркнутые пьедесталы и капители мачт, что характерно для XIII в., набухшие и поднятые петли и т. д.). Эта же датировка далее иллюстрировалась на примерах палеографии рукописей XIII в. — новгородской кормчей (1281 г.) и духовной Климента.

Г. Ф. Корзухина поддержала мнение Б. А. Рыбакова о необходимости пересмотра датировок новгородских древностей. Протестуя против «фетишизации» ярусов, она указала «ряд несоответствий» в хронологической шкале Б. А. Колчина, что, по ее словам, давно отмечалось сотрудниками Ленинградского отделения Института. Предостерегая против безоговорочного использования новгородской хронологии для всех районов Восточной Европы, Г. Ф. Корзухина отметила, что новгородские датировки вещей не соответствуют датировкам южных областей этой территории. Указано было на необходимость публикации отчетов по раскопкам Новгорода. Защита датировок А. В. Арциховского было посвящено интересное выступление А. Ф. Медведева, приведшего аргументы, не позволяющие «омоложить» некоторые ярусы на 80—100 лет. Так, при датировке XV яруса (конец XII — начало XIII в.), где впервые встречаются массовые находки арбалетных стрел конца XIII в., по Б. А. Рыбакову, приходится признать, что в борьбе с татарами у русских не было самострелов, что невозможно. О невозможности более поздней датировки ярусов Новгорода говорила и Ю. Л. Щапова, приводя в пример стеклянные изделия Новгорода. Обсуждались и отдельные темы.

В. В. Даугудис (Вильнюс) в своем докладе о городищах Восточной Литвы разделил их на три категории. К древнейшей (I тысячелетие до н. э. — начало нашей эры) он отнес городища, слабо укрепленные или не укрепленные вовсе, со сравнительно тонким культурным слоем, содержащим ранний

¹ Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4, стр. 82—106; А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, № 4, стр. 107—127; Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии», СА, 1961, № 2, стр. 141—163; А. В. Арциховский. Ответ Б. А. Рыбакову. СА, 1961, № 3, стр. 122—136.

² См. СА, 1959, № 4, рис. 7 — вклейка у стр. 98.

тип штрихованной керамики и изобилующим каменными орудиями. Более позднюю группу восточнолитовских городищ (конец I тысячелетия до н. э.— середина I тысячелетия н. э.) он характеризовал большей укрепленностью (значительно выделяющимися рвами и валами), более мощным культурным слоем, штрихованной керамикой поздних типов, так называемой шероховатой керамикой и некоторым количеством металлических предметов, ранее не встречающихся. Обитателей указанных восточнолитовских городищ докладчик считал восточной ветвью восточнобалтийских племен Среднего Поднепровья, выделившихся в начале I тысячелетия до н. э. К третьей категории городищ (наиболее поздних) он отнес памятники феодального времени — замки. Несмотря на многие замечания, доклад был признан интересным.

Доклад Э. А. Сымоновича о магии и обряде погребения в черняховскую эпоху вызвал оживленную дискуссию. Был высказан и ряд возражений против основных положений, выдвинутых докладчиком. Продолжая сравнительное изучение близлежащих черняховских поселений, начатое им еще в 1951 г. на Нижнем Днепре (Грушевка и Кут), Э. А. Сымонович использовал материалы своих исследований 1956—1958 гг.— Ломоватое I (II—III вв. н. э.), Лески (II—IV вв. н. э.), Червона Слобода — и пришел к интересным выводам.

В докладе «Сравнительное изучение памятников черняховской культуры в районе г. Черкасы» он показал, что соотношения керамических групп на каждом поселении стабильны, различия же их на разных поселениях связаны с разновременностью последних. Этим же он объяснил различия в форме домостроительства и своеобразии в инвентаре черняховских памятников этой группы.

Два доклада было посвящено отдельным археологическим объектам.

В докладе «Правобережное Цимлянское городище» С. А. Плетнева сообщила о своих работах летом 1958 г. по исследованию этого интереснейшего памятника. На центральной площадке городища было вскрыто 450 кв. м, где были обнаружены остатки 24 кочевнических юрт. Однорядные, однокамерные и двухкамерные с двойным перекрытием юрты располагались вокруг одной большой пятикамерной. Все поселение, датирующееся VIII—IX вв., было разгромлено не позже IX в. В рухнувших юртах погибли люди, останки которых были многократно находимы при раскопках. Второй период жизни на городище не был продолжительным (IX в.—середина X в.). Его постройки сохранились менее четко, а комплекс находок весьма близок к находкам нижнего слоя Саркела. Раскопками так называемой северной цитадели были обнаружены остатки трех башен, одна из которых оказалась привратной. В прениях по этому интересному докладу была одобрена методика раскопок (Н. Н. Воронин), однако были высказаны некоторые сомнения в трактовке жилищ, интерпретация которых, по мнению выступавших (А. Е. Алихова, Н. Н. Воронин), требует доработки.

Чаплинскому могильнику (Южная Белоруссия) было посвящено сообщение Л. Д. Поболя (АН БССР). В прениях отмечалось большое значение работ, сосредоточенных на одном памятнике, указывалось, что, в противоположность утверждению докладчика, генетической связи между милоградскими и зарубинецкими материалами могильника нет (О. Н. Мельникова), что спорным является вопрос о существовании зарубинецкой культуры во II в. н. э., которую сменяет, по-видимому, «колочинская» стадия (В. Н. Даниленко, Киев).

А. Ф. Медведев сообщил о древнерусских «писалах» — стилях, многократно находимых при раскопках раннесредневековых городов Древней Руси и соседних стран. Назначение их лишь недавно определено польскими археологами. Собранные 78 стилей докладчик разделил на 17 типов и много разновидностей и выяснил дату каждого предмета этой категории (в целом — X—XV вв.). Высоко оценив доклад, выступающие в прениях реко-

мендовали А. Ф. Медведеву привлечь более широкие материалы Западной Европы и, в частности, Скандинавии (Б. А. Колчин, Л. В. Алексеев).

В. Н. Даниленко (Киев) сделал очень интересное сообщение о надписях на пряслицах и других предметах. Им предложено чтение 15 надписей и значков, ранее нечитаемых или прочтенных, по его мнению, неверно. Так, в надписи на пряслице «Улиане» из Вышгорода докладчик видит: «В лето 6480 (972) месяца иулиа в 3 день», на пряслице из Киевского музея — «глаголь князь Игор» и т. д. В выступлениях по докладу прозвучало неполное доверие ко многим «прочтениям» надписей. Однако отмечался большой интерес поднятых вопросов, указывалось на сходство знаков на пряслицах со знаками на кости из Троицкого, Дьяковского и Каширского городищ, в свою очередь близкими к малоазийским знакам (А. Ф. Дубынин, К. А. Смирнов).

А. К. Амброз сделал доклад о подвязных фибулах I—IV вв. н. э. как историческом источнике. Отвергнув традиционный взгляд о существовании единой и прямой линии развития этих фибул и о сложении всех их основных форм в Северном Причерноморье, докладчик показал, как варианты подвязных фибул перерабатывались различными народами и в измененном виде снова попадали в Северное Причерноморье, влияя на местное производство. В выступлениях был высказан ряд замечаний и пожеланий методического характера (Н. Н. Воронин, В. Б. Деопик, Э. А. Сымонович). В целом доклад был признан крайне важным и нужным.

Заседания сектора по-прежнему привлекали большое внимание археологов-славистов и сотрудников других научных учреждений. На заседаниях сектора постоянно присутствуют сотрудники и студенты кафедры археологии МГУ, сотрудники ГИМ, ГМИИ, Института истории естествознания и техники АН СССР, Музея истории и реконструкции Москвы, Института этнографии АН СССР, Центральные реставрационных мастерских, Государственной библиотеки имени В. И. Ленина и т. д.

Многие сотрудники сектора в отчетном году продолжали заниматься Сводом археологических источников СССР, подготовка и издание которого предприняты Институтом. В этой области работают Ю. В. Кухаренко, подготовивший древности Припятского Полесья, И. П. Русанова, О. Н. Мельниковская, Л. В. Артишевская, П. И. Засурцев, работающие над изданием свода древностей междуречья Днепра и Десны, Л. В. Алексеев, составляющий археологическую карту Белоруссии, и другие.

Помимо непосредственных работ в секторе, многие его сотрудники принимали активное участие в деятельности других секторов Института, в конференциях, организованных родственными учреждениями, и т. д.

Как и в прошлые годы, большинство членов сектора ведет научно-популярную работу. За 1959 г. ими изданы две научно-популярные книги: А. Л. Монгайт (совместно с А. С. Амальриком) — «В поисках исчезнувших цивилизаций» (15 печатных листов), его же — «Что такое археология», 2-е издание, брошюра Н. Н. Воронина — «Любите и охраняйте памятники древнерусского искусства» (2,5 печатных листа), 20 статей в местных газетах. Прочитано 19 научно-популярных лекций и докладов. Члены сектора выступали по радио и телевидению с популяризацией археологических знаний. Большая работа выполнена сектором по подготовке и проведению пленума ИА, в заседаниях секции которого все члены сектора приняли, как всегда, живейшее участие.

За отчетный год издана одна монография (Т. Н. Никольская — «Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.», МИА, № 72) и 22 научных статьи. Сданы в печать три выпуска свода археологических источников СССР — 30 печатных листов (Ю. В. Кухаренко), монография В. В. Седова «Древнерусская деревня Смоленской земли» (15 печатных листов) и 36 статей.

Л. В. Алексеев

В 1959 г. состав группы славяно-русской археологии несколько изменился. В группу вступили член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков, переехавший из Москвы, и кандидат архитектуры Ю. П. Спегальский. В мае 1959 г. скоропостижно скончалась Я. В. Станкевич, работавшая в группе с 1934 г.

Сотрудники группы в 1959 г. продолжали работать над двумя основными проблемами — древняя история славян (П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, М. А. Тиханова и Ф. Д. Гуревич) и история культуры древнерусского города (М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт, А. Н. Кирпичников и Ю. П. Спегальский).

В течение 1959 г. сотрудники группы сделали следующие научные вклады.

Я. В. Станкевич прочла доклады «Раннефеодальное поселение Городок у дер. Городище на р. Ловать» и «Основные занятия населения поселения Городок». В этих докладах Я. В. Станкевич изложила основные итоги своих раскопок, проведенных на городище Городок. В результате работы 1954—1957 гг. площадь городища была раскопана целиком, что дает возможность с достаточной полнотой судить о характере поселения, основных занятиях его жителей, типе домостроительства (наземные жилища столбовой конструкции) и других сторонах жизни. Все выступившие в прениях по докладу Я. В. Станкевич отмечали большое значение данного памятника для изучения русской культуры X—XI вв. в северных районах Руси и необходимость издания полученных материалов в виде монографии.

М. К. Каргер представил доклад «Малые храмы-усыпальницы XI—XII вв. в переяславском зодчестве» (глава из монографии о древнерусском городе Переяславле). В докладе дается описание двух небольших храмов-усыпальниц, раскопанных в 1952—1953 гг.

Оба памятника относятся к тому типу малых, бесстолпных (или двустолпных) «божниц» — усыпальниц, которые представлены в переяславском зодчестве еще рядом построек. Автор связывает эти малые храмы со строительством в княжеских и боярских дворах-вотчинах, развивавшимся наряду с официальным парадным княжеским и епископским строительством той же поры.

М. А. Тиханова прочла доклад «Погребальные памятники Южной Волини первой половины I тысячелетия н. э.». В этом докладе М. А. Тиханова пришла к следующему выводу о временном и культурном распределении памятников рассматриваемого района (в основном — междуречье верховьев Западного Буга и Тетерева): на западе и севере этого района ко второй половине I тысячелетия до н. э. относятся ящичные и подколпачные погребения, на востоке они отсутствуют; на рубеже и в самом начале нашей эры (до III в.) на западе — чисто пшеворские погребения, на востоке их нет; позже, в III—IV вв., распространяются памятники смешанного пшеворско-черняховского типа.

Второй доклад М. А. Тихановой был посвящен распространению находок римских монет на территории Южной Волини.

Г. Ф. Корзухина сделала доклад «Время появления норманских вещей в Древней Руси». Автор отмечает, что наиболее ранние норманские вещи на Руси происходят из комплексов начала X в. в районах Западной Двины, Верхнего Днепра и бассейна Верхней Волги. Полное отсутствие подобных находок в Среднем Поднепровье IX в., а также наличие салтовских вещей VIII—IX вв. в погребениях Швеции позволили автору высказать предположение, что связи норманнов с юго-востоком могли возникнуть и независимо от Среднего Поднепровья. Наиболее многочисленны норманские вещи на Руси во второй половине X в. и в первой половине XI в.

Ф. Д. Гуревич сделала доклады «История изучения археологических памятников Белорусского Понеманья» и «Изучение археологических памятников балтийских племен в Советской Прибалтике», а также изложила план завершения своей работы «Древности Белорусского Понеманья».

Доклад А. Н. Кирпичникова был посвящен классификации русских копий X—XIII вв., а доклад М. В. Малевской — типологической и хронологической классификации керамики древнего Галича.

Кроме этих докладов, на группе были также заслушаны отчеты о полевой работе 1959 г. следующих экспедиций: Галицко-Волынской экспедиции (М. К. Каргер), Смоленской экспедиции (П. Н. Третьяков), Днестровско-Волынской экспедиции (М. А. Тиханова), экспедиции по изучению древнерусских крепостей (П. А. Раппопорт) и Славяно-Литовского отряда Прибалтийской экспедиции (Ф. Д. Гуревич).

После смерти Я. В. Станкевич, на заседании группы было поручено Г. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской подготовить к печати материалы раскопок Я. В. Станкевич в Шестовицах в 1946 г. Завершение начатых Я. В. Станкевич раскопок на Малом городище в Торопце группа поручила Г. Ф. Корзухиной.

В 1959 г. группой были утверждены к печати монографии И. И. Ляпушкина «Днепровское Левобережье в эпоху железа» и П. А. Раппопорта «Оборонительные сооружения Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.»

Археологические экспедиции, проведенные сотрудниками группы славяно-русской археологии, осуществили в 1959 г. следующие работы.

Галицко-Волынская экспедиция (руководитель — М. К. Каргер) продолжала раскопки городища у с. Городище близ Шепетовки, а также полностью раскопала руины белокаменного храма XIII в. в окрестностях Галича (с. Побережье, Станиславской области, УССР). Кроме того, на территории древнего Галича было завершено исследование мастерской XII в., изготовлявшей декоративные керамические плитки.

Смоленский отряд Верхнеднепровской экспедиции (руководитель — П. Н. Третьяков) продолжал раскопки городищ и длинных курганов в бассейне верхнего течения р. Сожа, а также разведку в верхнем течении р. Десны.

Днестровско-Волынская экспедиция (руководитель — М. А. Тиханова) продолжала раскопки на поселении культуры полей погребений у с. Лепсовка (Белогорский район Хмельницкой области), а также разведку по течению р. Горыни.

Работа экспедиции по изучению древнерусских крепостей (руководитель — П. А. Раппопорт) в 1959 г. состояла из трех самостоятельных разделов: 1) прорезка вала Острога в Новгороде, 2) обследование городищ на восточном берегу Чудского озера, 3) разведка в Гродненской и Брестской областях БССР.

Славяно-Литовский отряд Прибалтийской экспедиции (руководитель — Ф. Д. Гуревич) проводил раскопки на территории окольного города в г. Новогрудке (Гродненская область БССР).

На заседаниях группы были также заслушаны доклады сотрудников других учреждений: Х. Арбмана (Швеция) — «Бирка и ее связи с Востоком», Г. Н. Караева (Ленинград) — «Итоги полевой работы 1959 г. экспедиции по уточнению места Ледового побоища», Д. Т. Березовца (Киев) — «О работах на Тясмине в 1959 г.».

П. А. Раппопорт

3. ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА В 1960 ГОДУ

В 1960 г. сотрудники группы продолжали работать над двумя основными проблемами: древняя история славян (П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, М. А. Тиханова) и история культуры древнерусского города (М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич, А. Н. Кирпичников, Ю. П. Спегальский).

В течение 1960 г. сотрудники группы сделали следующие научные доклады.

Ю. П. Спегальский прочел доклад «Деревянные этажи псковских каменных жилых зданий XVII в.». На основании исследования чердаков ряда сохранившихся каменных псковских домов XVII в., а также сведений, почерпнутых из старых описаний и обмеров, автор доказывает, что все псковские каменные жилые здания XVII в. имели поверх каменных этажей еще деревянный этаж (а иногда, возможно, даже два деревянных этажа). В каменных этажах располагались хозяйственные и парадные помещения, а собственно для жилья служил именно верхний деревянный этаж. Автор связывает это явление с распространенной на Руси традицией, согласно которой для жилья считались подходящими исключительно деревянные постройки. Ю. П. Спегальский представил несколько графических реконструкций первоначального облика псковских каменных домов XVII в.

Ф. Д. Гуревич сделала доклад «Каменные могилы Белорусского Понеманья XIII—XIV вв.». В докладе подробно описаны своеобразные погребальные комплексы русского населения Черной Руси. В погребальном обряде и инвентаре, наряду с местной древнерусской культурой, отражена культура Киевской и Волынской земель, мазовецкого населения Польши и ряда племен Прибалтики (прусов, литовцев и др.).

Доклад М. К. Каргера «Летописные свидетельства о городе Переяславле и история археологических исследований» является первой главой монографии «Древнерусский город Переяславль». Монография эта, основанная на итогах многолетних раскопок автора в г. Переяславле-Хмельницком, посвящена, главным образом, замечательным памятникам архитектуры XI—XII вв., представляющим собой особую группу, своеобразную архитектурную «школу» древнерусского зодчества эпохи феодальной раздробленности.

М. А. Тиханова сделала доклад «Жилые и хозяйственные сооружения поселения у с. Лепесовка». Поселение это — в основном однослойное, относящееся к первой половине I тысячелетия н. э. Все жилые комплексы представляют собой наземные сооружения больших размеров, прямоугольные в плане. Их своеобразная глинобитная конструкция пока еще недостаточно выяснена. Жилища погибли в пожаре, благодаря чему в них сохранился бытовой и хозяйственный инвентарь.

Кроме этих докладов, на группе в 1960 г. были заслушаны доклады сотрудников других секторов и других учреждений: Е. Ч. Скржинской — «Греческая надпись XI в. в Тмутаракани», Ф. П. Филина — «О прародине славян по данным современного языкознания», В. В. Кропоткина — Рецензия на книгу М. Ю. Брайчевского «Римская монета на территории УССР», Г. Н. Караева — «Окончательные итоги работы экспедиции по уточнению места Ледового побоища» (и содоклад Д. Н. Альшица), В. В. Кропоткина — «Топография кладов византийских монет на территории СССР».

Археологические экспедиции, проведенные сотрудниками группы, выполнили в 1960 г. следующие работы.

Галицко-Волынская экспедиция (руководитель — М. К. Каргер) продолжала раскопки городища у с. Городище близ Шепетовки, где в 1960 г. была вскрыта площадь 6,5 тыс. кв. м. Вновь открыты остатки многочисленных жилищ и хозяйственных построек, найдено огромное количество предметов (сельскохозяйственные орудия, орудия ремесленного производства.

вещи домашнего обихода, оружие и пр.). Проведена большая разведка на территории Галицко-Волынской земли.

Смоленский отряд Верхнеднепровской экспедиции (руководитель — П. Н. Третьяков) завершил раскопки на Мокрядинском городище середины и второй половины I тысячелетия до н. э.; исследовал всю площадь городища VI—VII вв. н. э. у дер. Слобода-Глушица; провел обследование ряда так называемых болотных городищ и других городищ в западной части Смоленской области.

Днепровская Левобережная экспедиция (руководитель — И. И. Ляпушкин) раскопала два славянских городища близ с. Решетняки (бывш. Старые Сенжары, Ново-Сенжарского района, Полтавской области, УССР). Обследован также ряд памятников в зоне затопления Днепродзержинской ГЭС.

Днестровско-Волынская экспедиция (руководитель — М. А. Тиханова) продолжала раскопки на поселении культуры полей погребений у с. Лепесовка (Белогорского района, Хмельницкой области, УССР), а также провела разведку в окрестностях с. Загайцы (Великодержаловского района, Тернопольской области, УССР). Отряд экспедиции (под руководством И. С. Винокура) обследовал древнее поселение III—IV вв. н. э. у с. Иваньково.

Торопецкий отряд (руководитель — Г. Ф. Корзухина) продолжил раскопки на Малом городище в Торопце, начатые в 1957—1958 гг. Я. В. Станкевич. Вскрыты остатки многочисленных деревянных жилых и хозяйственных сооружений, относящихся в основном к XIII в.

Отряд по изучению крепостей (руководитель — П. А. Раппопорт) провел обследование древнерусских городищ на территории северной части древней Волынской земли (современные Брестская область БССР, Волынская и Ровенская области УССР).

Славяно-Литовский отряд Прибалтийской экспедиции (руководитель — Ф. Д. Гуревич) продолжал раскопки на территории окольного города в г. Новогрудке.

По окончании полевого сезона в группе были заслушаны предварительные отчеты всех руководителей экспедиций и отрядов.

На заседании группы была утверждена к печати работа Ю. П. Спегальского «Псковские каменные жилые здания XVII в.». Обсуждены также планы монографических исследований И. И. Ляпушкина («Восточные славяне накануне образования древнерусского государства») и П. А. Раппопорта («Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.»).

П. А. Раппопорт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПАО — Псковское археологическое общество
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РОБИЛ — Рукописный отдел Библиотеки имени В. И. Ленина
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
SMYÄ — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaskirja
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	3
Список печатных работ Я. В. Станкевич	5

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Я. В. Станкевич. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года	6
Я. В. Станкевич. Курганы у деревни Полибино на реке Ловати	31
П. Н. Третьяков. Бологовское городище	36
С. Н. Орлов. Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати	42
М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения реки Горыни	46
О. Н. Мельниковская. Поселение у деревни Барсуки на реке Соже	54
В. В. Седов. Языческие святилища смоленских кривичей	57
В. В. Кропоткин. Византийский сосуд из Южного Приуралья	65
Э. А. Симонович. Кочевническое погребение у села Михайловки	67
Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города древнего Новогрудка	70
Е. И. Горюнова. Второй Харитоновский могильник	78
А. Е. Алихова. Моисеевское городище в период Киевской Руси	83
В. П. Даркевич. Остерская находка	88
Г. К. Вагнер. Два сюжета фасадной пластики Георгиевского собора 1230—1234 годов	92
Г. Ф. Корзухина. О некоторых находках в древнем Торопце	100
Н. Н. Воронин. К истории полоцкого зодчества XII века	102
П. А. Раппопорт. Мстибогов городок	105
Р. Л. Розенфельдт. Заметки о древнерусском керамическом производстве	108
Ю. П. Спегальский. Здание кожевенного завода XVII века в Пскове	112

II. ХРОНИКА

Ученый совет Института археологии АН СССР в 1959—1960 годах (Н. Я. Мерперт)	117
Работа секторов и групп Института археологии АН СССР	118
1. Сектор славяно-русской археологии в 1959 году (Л. В. Алексеев)	118
2. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1959 г. (П. А. Раппопорт)	123
3. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1960 г. (П. А. Раппопорт)	125
Список сокращений	127

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Славянорусские древности, выпуск 87

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Л. В. Артишевская. Технический редактор Г. А. Астафьева. Корректор А. В. Утина
РИСО АН СССР № 113—88В. Слано в набор 24/III 1962 г. Подписано к печати 26/VI 1962 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 8 = 10,96 усл. печ. л. = 10,2 уч.-издат. л. Тираж 1400 экз. Т-06896
Изд. № 865. Тип. зак. № 466

Цена 61 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Исправления и опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
86	17 св.	(Рис. 30—1)	(Рис. 30—2)
87	2 св.	(Рис. 30—2)	(Рис. 30—1)
94	12 сл.	Z. Réau	L. Réau